

1051 22

ЖИЗНЬ ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

АДАМЪ СМИТЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. И. Яковенко

Съ портретомъ Адама Смита, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Реданомъ.

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГР. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВ. ПОЛЬЗА», В. ПОДЪЯЧ., 39

1894

А Д А М Ъ С М И Т Ъ .

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Сентября 1893 года.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

XII - 119948

Смита и Юма
Смита
Смита и Юма

О Г Л А В Л Е Н И Е.

- ГЛАВА I. Наканунѣ промышленной революціи. Необходимость нѣко-
торого предварительнаго знакомства съ экономической жизнью
данной эпохи.—Натуральный характеръ хозяйства въ средніе
вѣка.—Усиливающийся ростъ городовъ.—Вліяніе крестовыхъ по-
ходовъ.—Вліяніе открытія Америки и морского пути въ Индію.—
Разрушеніе стараго экономического строя въ Англіи.—Измѣненія
въ населеніи, сельскомъ хозяйствѣ, промышленности.—Машины.—
Торговля.—Промышленная и торговая опека правительства.—
Умственное движеніе XVIII в Меркантильная теорія.—За-
рожденіе новыхъ воззрѣній: *Петти, Деолей Нортъ, Локкъ,*
Юма.—Школа физиократовъ во Франціи: *Кенз, Тюро* 5
- ГЛАВА II. Адамъ Смитъ, какъ человекъ. Тихая жизнь.—Родители
Смита.—Исчезновеніе мальчика.—Первоначальное образованіе.—
Университетъ.—Публичныя лекціи.—Дружба съ *Юмомъ*.—Про-
фессура — Лекторскій талантъ Смита.—Сношеніе съ Эдинбургомъ
и обсужденіе торговыхъ вопросовъ.—Разсѣянность.—Выходъ въ
свѣтъ «*Теоріи нравственныхъ чувствъ*».—Письмо *Юма* по этому
поводу.—Прекращеніе профессорской дѣятельности.—Путешественіе
по Франціи въ качествѣ воспитателя герцога *Беклен*.—Уедине-
ніе. Выходъ въ свѣтъ «*Измѣдованій о богатствѣ народовъ*»
и письмо *Юма* по этому поводу.—Значеніе *Юма* для Смита.—
Событіе, омрачающее ихъ дружбу.—Письмо Смита по поводу
смерти *Юма*.—Извѣстность Смита.—Посѣщеніе Лондона.—
Смитъ—таможенный чиновникъ.—Избраніе въ ректоры Гласгов-
скаго университета.—Общая характеристика Смита.—Смерть
Смита 21
- ГЛАВА III. Адамъ Смитъ, какъ писатель и мыслитель: «*Теорія
нравственныхъ чувствъ*» и *мелкія произведенія* Обширные планы
Смита —Сдѣланное.—Приемъ, употребленный Смитомъ.—Недо-
статокъ систематической разработки.—Изученіе нравственныхъ
явленій до Смита.—Взглядъ *Юма* на нравственность.—Оптимизмъ
Смита.—Содержаніе «*Теоріи нравственныхъ чувствъ*».—Отноше-
ніе Смита къ утилитаристамъ.—Прочія мелкія произведенія
Смита 40
- ГЛАВА IV. Адамъ Смитъ, какъ писатель и мыслитель: «*Измѣдо-
ванія о богатствѣ народовъ*». Методъ.—Содержаніе.—*Двѣ пер-
выя книги* «*Измѣдованій*».—Раздѣленіе труда —Обмѣнъ.—Дра-
гоцѣнные металлы. Мѣновая цѣнность. Трудъ, какъ мѣрило
мѣновой цѣнности.—Дѣйствительная и нарицательная цѣна.—
Составныя части.—Естественная и рыночная цѣна.—Заработная
плата.—Прибыль на капиталъ.—Поземельная рента.—Интересы
землевладѣльцевъ, рабочихъ, капиталистовъ 53
- ГЛАВА V. Адамъ Смитъ, какъ писатель и мыслитель: «*Измѣдованія
о богатствѣ народовъ*» (продолженіе). Капиталъ.—Оборотный и
основной.—Деньги —Трудъ производительный и трудъ произ-

- водительный.—Накопленіе.—Проценты на капиталъ.—Различіе капиталовъ по сферѣ ихъ приложения.—*Третья книга.* Отзывъ Смита о крупныхъ землевладѣльцахъ.—*Четвертая книга.* Опроверженіе меркантильной системы.—О колоніяхъ и колониальной политики.—Критика ученія физиократовъ.—Система естественной свободы.—*Пятая книга.* Функціи государства.—Облегченіе торговыхъ сношеній.—Народное образованіе.—О налогахъ. 68
- ГЛАВА VI. Заключение. Отсутствие систематичности въ «Исслѣдованіяхъ о богатствѣ народовъ».—Конкретный и реальный характеръ ихъ.—Успѣхи въ средѣ общественныхъ дѣятелей.—Индивидуализмъ Смита—Его космополитизмъ.—Значеніе «Исслѣдованій о богатствѣ народовъ» въ отрицательномъ и положительномъ отношеніяхъ.—Мнѣнія: *Имрэмъ, Бокль, Вэджготъ, Тойнби, Реджерса, Каутца, Чурова* 82

Біографія Адама Смита составлена по нижеслѣдующимъ источникамъ:

- 1) *Адамъ Смитъ.* Исслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ, пер. Библикова.
- 2) *Адамъ Смитъ.* Теорія нравственныхъ чувствъ, переводъ Библикова.
- 3) *Adam Smith.* Essays philosophical and literary.
- 4) *Hildanz.* Life of Adam Smith.
- 5) *Walter Bagehot.* Adam Smith, as a person.
- 6) *J. E. Thorold Rogers.* Historical Gleanings, a series of sketches.
- 7) *Джонъ Имрэмъ.* Исторія политической экономіи.
- 8) *А. Чуровъ.* Исторія политической экономіи.
- 9) *И. Янжуль.* Англійская свободная торговля.
- 10) *Blanqui.* Histoire de l'Economie politique.
- 11) *Arnold Toynbee.* Lectures on the Industrial Revolution in England.
- 12) *J. E. Thorold Rogers.* The Economic Interpretation of History.
- 13) *Sidgwick.* Outlines of the History of Ethics.
- 14) *Г. Т. Бокль.* Исторія цивилизаціи въ Англии.

ГЛАВА I.

Наканунѣ промышленной революціи.

Необходимость нѣкотораго предварительнаго знакомства съ экономической жизнью данной эпохи.—Натуральный характеръ хозяйства въ средніе вѣка.—Усиливающийся ростъ городовъ. Вліяніе крестовыхъ походовъ.—Вліяніе открытія Америки и морского пути въ Индію вокругъ Африки.—Разрушеніе стараго экономического строя въ Англіи.—Измѣненія въ населеніи, сельскомъ хозяйствѣ, промышленности.—Машины.—Торговля.—Промышленная и торговая опека правительства.—Умственное движеніе XVIII вѣка — Меркантильная теорія.—Зарожденіе новыхъ воззрѣній: *Петти, Дэдлей Нортъ, Локкъ, Юмъ*.—Школа физиократовъ во Франціи: *Кенэ, Тюрго*.

Адамъ Смитъ приобрѣлъ міровую извѣстность своими «*Исслѣдованіями о природѣ и причинахъ богатства народовъ*». Многіе считаютъ его творцомъ политической экономіи. Политическая же экономія, изслѣдующая законы производства, распредѣленія и потребленія матеріальнаго богатства, находится въ самой тѣсной связи не только съ общимъ состояніемъ знанія и умственнымъ развитіемъ человѣчества, но и съ экономической жизнью или экономическими отношеніями извѣстнаго момента. Болѣе, чѣмъ къ какой либо другой наукѣ, къ ней приложимо утвержденіе, что та или другая теорія есть дѣло не столько усилій единичнаго творческаго ума, сколько извѣстныхъ внѣшнихъ явленій въ жизни общества. Тутъ *deus ex machina*, хотя бы *machina* представляла лабораторію гениальнѣйшей головы, не появляется. Поэтому, чтобы понять и оцѣнить любую экономическую теорію, необходимо изучить экономическую жизнь соответствующаго времени. Тѣмъ болѣе необходимо такое изученіе для оцѣнки великаго произведенія шотландскаго философа. Оно оказало громадное вліяніе на ходъ экономической и вообще общественной жизни только потому, что само было настоящимъ, подлиннымъ продуктомъ и выраженіемъ

радикально измѣнившихся условій производства и обмѣна. Революція, совершившаяся безъ всякихъ декларацій и провозглашеній о самой себѣ въ экономическихъ условіяхъ общественной жизни, нашла своего истолкователя въ лицѣ человѣка, совершенно чуждаго какой бы то ни было *опытной* жизни, всецѣло погруженнаго въ свои *отвлеченныя* занятія. Познакомимся предварительно, хотя бы самымъ бѣглымъ образомъ, съ этими экономическими измѣненіями въ ходѣ общественной жизни, а затѣмъ перейдемъ къ Адаму Смиту и его великимъ экономическимъ открытіямъ, которыя, по словамъ Бокля, «впродолженіи двухъ поколѣній уже произвели полное измѣненіе въ торговомъ законодательствѣ нашей страны (Англіи), а теперь, хотя медленно, но вѣрно дѣйствуютъ на другія европейскія государства, гдѣ общественное мнѣніе не такъ могущественно и гдѣ потому трудно установить великія истины и искоренить старыя заблужденія».

Экономическія отношенія и дѣятельность въ средніе вѣка отличались, по сравненію съ настоящими, чрезвычайной простотой и несложностью. Христіанская церковь, представлявшая въ ту пору господствующую общественную силу, не могла, по самой сущности своего ученія, особенно поощрять развитіе матеріальныхъ интересовъ. Она преслѣдовала болѣе возвышенныя цѣли. Правда, она возводила въ религіозный догматъ необходимость труда, но при этомъ доводила до минимума матеріальныя потребности человѣка и видѣла идеаль въ аскетизмѣ. Поощряя трудолюбіе, она ограничивала сферу промышленной дѣятельности производствомъ лишь самыхъ необходимыхъ предметовъ потребленія. То, къ чему человѣкъ долженъ относиться, какъ къ наказанію, не должно служить источникомъ наслажденія. Поэтому, признавая земледѣліе и ремесло, какъ законные способы пріобрѣтенія пищи и одежды, она удерживала ихъ на извѣстномъ низкомъ уровнѣ, пропагандируя скудость въ пищѣ, простоту въ одеждѣ и т. д. Что же касается торговли, то она не пользовалась расположеніемъ церкви, а процентъ, этотъ могущественнѣйшій въ послѣдующія времена стимулъ къ сбереженію и накопленію богатства, находился подъ прямымъ запретомъ каноническихъ законовъ. Такимъ образомъ хозяйство въ средніе вѣка носило *натуральный* характеръ. Каждая хозяйственная единица собственными силами производила всѣ необходимые предметы потребленія и потребляла ихъ, и, если и выносила на рынокъ, то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Раздѣленіе труда проводилось въ очень слабой степени, и потому

трудъ не отличался ни той производительностью, ни тѣмъ совершенствомъ, какъ въ послѣдующія времена. Торговля существовала въ видѣ простой мѣны и купли-продажи на наличныя деньги, и то въ ограниченныхъ размѣрахъ. Это натуральное хозяйство держалось на крѣпостномъ трудѣ, что также связывало дальнѣйшее развитіе экономической дѣятельности въ сторону капитализма и свободной торговли.

Города съ ихъ свободными общинами въ началѣ представляли единственные центры, въ которыхъ исподволь вырабатывались основанія новаго порядка. Такое значеніе имѣли напримѣръ знаменитый Ганзейскій союзъ на сѣверѣ и итальянскія республики на югѣ. Внутреннему росту городовъ много содѣйствовала продолжительная борьба королей съ независимыми гордыми феодалами, а впослѣдствіи и съ церковью, когда короли за поддержку, оказанную имъ, надѣляли богатые города разными привилегіями. Крестовые походы оказали также громадное вліяніе, какъ на развитіе городовъ, такъ и вообще на дальнѣйшій ходъ жизни европейскихъ государствъ: торговля сношенія съ этого времени чрезвычайно расширяются и оживляются; они становятся источникомъ богатства многихъ городовъ; образуются значительныя движимыя капиталы; выдѣляется и быстро становится силой буржуазія; въ производство также вводится много новыхъ приѣмовъ и усовершенствованій, позаимствованныхъ на Востокѣ; наконецъ и положеніе крѣпостного населенія, которому открывался путь (хотя бы и для отдѣльныхъ лицъ) къ полному освобожденію, значительно улучшается.

Открытіе Америки и морского пути въ Индію вокругъ Африки было событіемъ первостепенной важности въ экономической исторіи Европы; оно «является, какъ говоритъ г. Чупровъ, основнымъ агентомъ, передѣлавшимъ весь экономическій строй». Натуральное хозяйство должно было рушиться. На первыхъ порахъ преобладающее значеніе получаетъ торговля: европейскія страны находятъ обширные рынки для сбыта своихъ произведеній, а въ замѣнъ получаютъ массу драгоцѣнныхъ металловъ. Не такъ бросается въ глаза революція, совершающаяся въ самомъ производствѣ; но тѣмъ не менѣе социальная почва постепенно подготавливается, и великія механическія изобрѣтенія Аркрайта, Уатта и другихъ находятъ всѣ необходимыя условія для своего осуществленія, и безкровная (хоть, увь, не безжертвенная) революція совершается. вмѣстѣ съ тѣмъ въ сферѣ распредѣленія растетъ роковая неравно-

мѣрность, растеть и угрожаетъ новыми страшными потрясеніями современному цивилизованному человѣчеству, если оно не найдетъ надлежащаго выхода, что и составляетъ задачу нашего времени. Адамъ Смитъ написалъ свою книгу наканунѣ промышленной революціи и написалъ ее въ Англіи, т. е. въ странѣ, которая можетъ служить прототипомъ промышленнаго развитія всѣхъ остальныхъ европейскихъ странъ. Поэтому намъ необходимо подробнѣе ознакомиться съ ходомъ разрушенія стараго экономическаго строя въ Англіи.

За первую половину XVIII столѣтія населеніе Англіи увеличилось на 17—18%, а за вторую—болѣе, чѣмъ на 52⁰/₁₀, разница для двухъ непосредственно слѣдующихъ одинъ за другимъ періодовъ чрезвычайно значительная. Для перваго періода характерное обстоятельство представляетъ быстрое развитіе торговли, а для втораго—измѣненія въ сельско-хозяйственной и промышленной системѣ производства. Въ распредѣленіи этого населенія также происходятъ значительныя измѣненія. Населеніе увеличивается преимущественно въ промышленныхъ графствахъ и городахъ. Въ 1696 г. число городскихъ жителей, по приблизительному разсчету, составляло $\frac{1}{3}$ часть всего населенія. Артуръ же Юнгъ, писавшій въ 60-хъ годахъ восемнадцатаго столѣтія, говоритъ, что въ это время населеніе одного Лондона составляло уже $\frac{1}{5}$ часть всего населенія и что «половина народа жила вообще въ городахъ». Въ наше же время, какъ извѣстно, городское населеніе въ Англіи составляетъ уже болѣе, чѣмъ $\frac{2}{3}$ всего вообще населенія.

Такое громадное передвиженіе населенія изъ деревень въ города, отъ земледѣльческихъ занятій къ промышленнымъ, свидѣтельствовало о коренныхъ измѣненіяхъ, происходившихъ въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности.

Дѣйствительно, мелкіе крестьяне-собственники, владѣвшіе пастбищами, лугами, лѣсами на общинномъ правѣ, йомены, доставившіе нѣкогда побѣду Кромвелю и къ концу XVII столѣтія превосходившіе еще по численности фермеровъ, къ концу XVIII исчезаютъ почти совершенно. Происходитъ концентрація поземельной собственности въ рукахъ лендлордовъ; образуются крупныя фермы и окончательно устанавливается типичное батрачное хозяйство. «Незнакомый съ англійской исторіей, говоритъ Тойнаби. можетъ подумать, что страна подверглась въ это время опустошительному нашествію враговъ или перенесла тяжелыя и въ высшей степени многозначительныя внутреннія потрясенія.

Въ началѣ, подъ вліяніемъ усилившагося спроса на шерсть, крупныя землевладѣльцы захватывали (огораживали) только общинныя пастбища; но позже они стали огораживать и пахатныя земли. Мелкій собственникъ, лишившись пастбища и лѣса, не могъ вести дальше хозяйства, продавалъ свой участокъ и уходилъ въ городъ или превращался въ батрака. На его мѣсто появляются крупныя арендаторы, капиталисты. Такимъ образомъ къ чудовищнымъ захватамъ присоединилась еще добровольная продажа. Самая система хозяйства радикально измѣняется. Пашня запускается подъ пастбище, а въ тѣхъ случаяхъ, когда она обрабатывается, арендаторъ вкладываетъ въ дѣло капиталъ и заводитъ болѣе совершенныя системы. «На мѣсто прежнихъ мелкихъ земледѣльцевъ, которые были одновременно и землевладѣльцами, и капиталистами, и рабочими, появились, говоритъ Чупровъ, три раздѣльные класса: крупный землевладѣлецъ-лендлордъ, который довольствовался полученіемъ ренты, но самъ не велъ сельскаго хозяйства, какъ промысла, а занимался имъ только для удовольствія; крупный фермеръ-капиталистъ, который собственно являлся предпринимателемъ и главнымъ дѣятелемъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, и наконецъ наемный рабочій, прилагавшій свою силу по указанію и подъ надзоромъ фермера. Этотъ новый оригинальный строй земледѣльческаго хозяйства неуклонно предносился авторамъ первыхъ научныхъ системъ политической экономіи и наложилъ неизгладимую печать на ихъ построенія». Къ сожалѣнію, этотъ новый экономическій строй «предносился» даже наиболѣе гениальнымъ изъ первыхъ политико-экономовъ не съ надлежащей полнотою: они не замѣчали, что «развалины жилищъ, амбаровъ, хлѣбовъ, по свидѣтельству одного современника, представляли единственные слѣды прежнихъ обитателей»...

Въ средніе вѣка *промышленность* имѣла ремесленный характеръ. Издѣлія готовились преимущественно по заказу или на ближайшій рынокъ; орудія труда отличались простотой; въ самомъ производствѣ предприниматель и рабочій не представляли рѣзко обособившихся сторонъ; всѣ отношенія и вся дѣятельность ремесленниковъ точно опредѣлялась цеховыми уставами. Съ наступленіемъ новыхъ временъ цеховое ремесло уступаетъ мѣсто мануфактурѣ, которая и господствуетъ въ производствѣ до великихъ механическихъ изобрѣтеній, т. е. до конца XVIII вѣка. Мануфактура держится на детальномъ раздѣленіи труда и на одновремен-

ной работѣ большого числа ремесленниковъ въ одномъ помѣщеніи, подѣ началомъ, такъ сказать, одного и того же капитала. Мануфактура представляетъ всѣ элементы фабричнаго капиталистическаго производства: разъединеніе производителя и предпринимателя, производство для рынка, противоположность труда и капитала и т. д.; ей не достаетъ только машины, придающей всѣмъ элементамъ грандіозныя размѣры и дѣлающей излишнимъ послѣдній остатокъ ремесленнаго устройства, т. е. знаніе извѣстной специальности, ручное искусство, ловкость. Однако такая типичная мануфактура не сразу становится на мѣсто ремесла. Независимый ремесленникъ, самостоятельно закупувшій сырье для своихъ издѣлій и самостоятельно же продававшій послѣднія на рынкѣ, подпадаетъ сначала подѣ власть скупщика, который является посредникомъ въ его операціяхъ по куплѣ-продажѣ. Затѣмъ съ теченіемъ времени этотъ скупщикъ становится участникомъ въ самомъ производствѣ: онъ раздаетъ сырье ремесленникамъ (кустарямъ) на домъ, и послѣдніе, хотя владѣютъ еще орудіями производства, работаютъ однако уже на предпринимателя. Возникаетъ домашняя система крупнаго производства, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи превращающаяся въ мануфактуру. Причинами такого превращенія служатъ, кромѣ самаго характера производства, въ иныхъ случаяхъ еще выгода и удобства наблюденія надъ работой, экономія времени и т. п. Для мануфактуры необходимъ уже рабочій, свободный отъ средствъ производства. Обезземеленіе крестьянства, происходившее разными путями, даетъ совершенно достаточный контингентъ такихъ свободныхъ рабочихъ. Полное разрушеніе цеховой организаціи развязывало руки и въ правовомъ или безправномъ, такъ сказать, отношеніи: обѣ стороны, предприниматели и рабочіе, ничѣмъ не сдерживались уже въ своихъ добровольныхъ сдѣлкахъ. Государство не скоро еще пришло на помощь слабой сторонѣ. Такимъ образомъ почва была хорошо взрыхлена и посылы *капитализма* должны были дать хорошій урожай. Однако до появленія машинъ все находится еще въ зачаточномъ состояніи. Во времена Смита въ Англіи наиболѣе распространены были производства по обработкѣ шерсти и желѣза. На ряду съ большими мануфактурами, практиковалась еще въ громадныхъ размѣрахъ раздача сырья на домъ. На глазахъ Смита совершался тотъ же процессъ превращенія самостоятельнаго кустаря въ простаго рабочаго, какой на нашихъ глазахъ происходилъ и происходитъ еще въ Россіи. Не напоминаетъ ли вамъ слѣдующее опи-

саніе Дефо картинокъ изъ нашей, если не текущей, то вчерашней еще промышленной жизни. «Земля около Галпфакса была раздѣлена, — говоритъ онъ, — на мелкіе участки отъ 2 до 6 и 7 акровъ каждый; на этихъ участкахъ построены дома въ такомъ разстояніи одинъ отъ другого, что можно было переговариваться; въ каждомъ домѣ можно было видѣть раму съ кускомъ сукна или какой-либо шерстяной матеріи, а при болѣе зажиточныхъ домахъ были фабрички (наши свѣтелки). Каждый суконщикъ держалъ по крайней мѣрѣ одну лошадь для того, чтобы возить свои издѣлія на рынокъ, а также корову, двѣ и больше для потребностей семьи. Кустари кормились отъ ремесла, такъ какъ земельные участки были слишкомъ ничтожны и зерна едва ли хватало на прокормленіе домашней птицы. Избы обыкновенно были переполнены здоровымъ рабочимъ людомъ, и всякій находилъ себѣ занятіе, отъ самаго стараго до самаго молодого: кто при красильномъ чанѣ, кто при станкѣ, кто занимался лощеніемъ сукна. Дѣти и женщины расчесывали шерсть и пряли. Тамъ нельзя было встрѣтить ни нищаго, ни праздношатающагося»... Но такая кустарная идиллія не долго продолжается. Артуръ Юнгъ, путешествовавшій по Англіи нѣсколько позже, говоритъ о цѣлыхъ деревняхъ, о цѣлыхъ округахъ, гдѣ кустари въ своихъ избахъ работали уже на мануфактуристовъ, а еще нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, съ появленіемъ машинъ, они принуждены были заколотить свои избы и отправиться на фабрику. Машина не только тогда, но и до сихъ поръ еще не нашла дороги въ свѣтелку; выдерживать же борьбу съ фабрикой свѣтелка, само собою разумѣется, не въ состояніи. Поэтому она неизбежно погибла и погибаетъ.

Такова была промышленная атмосфера, окружавшая Смита. Онъ не зналъ еще паровой машины (кромя машины Ньюкомена) и не могъ предвидѣть тѣхъ чудесъ, которыя породила она въ XIX столѣтіи. Изъ механическихъ приспособленій его времени слѣдуетъ отмѣтить лишь самопрялку, самолетный челнокъ, валяльную мельницу и еще нѣкоторыя незначительныя усовершенствованія въ ткацкомъ дѣлѣ. Но почти одновременно съ опубликованіемъ его книги появляется цѣлый рядъ изобрѣтеній и усовершенствованій: Харгривесъ изобрѣтаетъ прядильную машину; Аркрайтъ утилизируетъ изобрѣтенія Уайта для пряденія посредствомъ навоя и приспособляетъ для ихъ движенія силу воды; Уаттъ изобрѣтаетъ паровую машину высокаго давленія; Робекъ плавить желѣзо на углѣ; Бринлей соединяетъ промышленные и торговые центры посредствомъ каналовъ; а нѣ-

сколько позже появляются прядильныя машины Кромтона и ткацкій станокъ Картрайта. Эти изобрѣтенія произвели техническую революцію въ производствѣ, для которой экономическія условія были уже вполнѣ подготовлены въ Англіи.

Въ области *торговли* Англія въ XVIII вѣкѣ занимала одно изъ первенствующихъ положеній среди европейскихъ государствъ. Благодаря открытію Новаго Свѣта и наплыва драгоценныхъ металловъ, отъ примитивнаго средневѣковаго обмѣна не осталось и слѣда. Торговля не только развивалась, но становилась чуть ли не главной общественной силой. Векселя, банки, акціонерныя компаніи и т. д.,—все это появилось къ ея услугамъ. Мало того, для странъ, которыя не владѣли рудниками, она представляла единственное средство разжиться звонкой монетой, «презрѣннымъ» металломъ. Но онъ сталъ презрѣннымъ только въ глазахъ нашей современной буржуазіи, пресытившейся имъ и познавшей тщету его, а въ то золотое время пробужденія къ новой промышленной жизни на этотъ металлъ смотрѣли, какъ на богатство народное, и всякими мѣрами поощряли ввозъ его. Такимъ образомъ торговля сама по себѣ въ глазахъ правителей получаетъ значеніе вѣрнѣйшаго средства для обогащенія націи.

Съ разрушеніемъ цеховой организаціи и развитіемъ торговыхъ сношеній, какъ внутреннихъ, такъ въ особенности внѣшнихъ, правительство беретъ на себя руководительство промышленной и торговой дѣятельностью народа; производители обязывались изготовлять свои издѣлія по предписаннымъ правительствомъ образцамъ; въ противномъ случаѣ они подвергались разнымъ взысканіямъ; заработная плата регулировалась предписаніями закона; чтобы обезпечить дешевый трудъ, устанавливались низкія таксы на предметы первой необходимости. Мало того, правительство вмѣшивалось даже въ потребленіе. Елизавета англійская, ревнуя объ отечественной рыбопромышленности, установила «политическій постъ», запретивъ употребленіе мяса втеченіи 2-хъ дней въ недѣлю. Позже (въ 1666 г.) предписано было хоронить мертвыхъ обязательно въ шерстяномъ платьѣ. Все это дѣлалось понятво для поощренія народнаго труда... для поощренія тѣхъ отраслей промышленности, изъ которыхъ извлекались наибольшіе доходы. Внѣшняя торговля съ отдаленными странами находилась въ рукахъ нѣсколькихъ компаній, пользовавшихся громадными привилегіями и представлявшихъ чуть-ли не государства въ государствѣ. Большое значеніе для развитія внѣшней торговли Англіи имѣлъ «навигаціонный

актъ» Кромвеля. По этому акту вести торговля сношенія съ колоніями Великобританіи дозволялось только на такихъ судахъ, владѣльцы которыхъ, капитаны и три четверти экипажа были великобританскіе подданные; затѣмъ, чтобы уничтожить посредничество другихъ странъ, дозволялось ввозить громоздкіе товары на означенныхъ судахъ только изъ тѣхъ странъ, гдѣ эти товары производились. «Навигаціонный актъ» передавалъ всю торговлю съ обширнѣйшими колоніями Англій исключительно въ руки англійскихъ купцовъ и породилъ, можно сказать, морское могущество Великобританіи. Дальнѣйшая торговая политика Англій до провозглашенія независимости Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, что случилось нѣсколько лѣтъ спустя послѣ опубликованія «Исслѣдованій о богатствѣ народовъ», слѣдовала тому же пути. Богатѣйшія въ мірѣ колоніи должны были производить одно только сырье, которое поступало на фабрики дѣятельнѣйшей въ мірѣ метрополиі или по ея усмотрѣнію распредѣлялось по всемірнымъ рынкамъ. Взамѣнъ этого колоніи получали изъ метрополиі мануфактурныя издѣлія, причемъ не только былъ безусловно запрещенъ ввозъ въ колоніи иностранныхъ издѣлій, но и подавлена всякая мѣстная мануфактурная дѣятельность. Если-бы, замѣчаетъ по этому поводу Роджерсъ, можно было заблокировать всѣ американскіе порты во время войны за независимость, то инсургенты скоро были бы безоружны, такъ какъ они не сумѣли бы приготовить себѣ оружіе. Чтобы удержать въ своихъ рукахъ обрабатывающую промышленность, Англія должна была не только подавлять проявленіе промышленнаго духа въ колоніяхъ, но и поощрять его развитіе у себя. Дѣйствительно, она старалась привлечь искусныхъ мастеровъ, запрещала имъ высылаться, поддерживала у себя производство ввозными пошлинами, запрещала вывозъ усовершенствованныхъ орудій, улучшала сообщенія и т. д. Однако эта запретительная система, которой такъ упорно придерживалась Англія, и эти механическія изобрѣтенія, которыя были сдѣланы ея практическимъ гениемъ и которыя она ревниво оберегала, неизбѣжно влекли ее на совершенно другой путь промышленной и торговой дѣятельности. Такой же запретительной политикѣ слѣдовали и другія государства, и Англія въ концѣ-концовъ почувствовала, что запретительная система мѣшаетъ расширенію ея торговли, что ея промышленность не боится уже никакой конкуренціи, что, однимъ словомъ, настало время, когда ей выгодно сбросить путы съ торговли и про-

мышленности и выступить на путь свободной экономической дѣятельности.

Мы говорили до сихъ поръ объ экономическихъ явленіяхъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду и того широкаго и могучаго умственнаго движенія, которымъ ознаменовалось XVIII столѣтіе, въ особенности его вторая половина. Знаменитый трудъ Адама Смита непосредственно примыкаетъ къ этому движенію и составляетъ его нераздѣльную часть. Пробилъ часъ не только одной экономической опеки. Во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности чувствовалось обновленіе. По крайней мѣрѣ мысль человѣческая заносилась далеко и пыталась передѣлать заново весь социальный механизмъ. Характерныхъ проявленій этого движенія слѣдуетъ искать во Франціи того времени; но они имѣли несомнѣнно общеміровое значеніе. Имена Вольтера, Руссо, энциклопедистовъ принадлежатъ не одной Франціи. Вольтеръ разрушилъ нестерпимую опеку католической церкви. Руссо перенесъ вопросъ объ опекѣ на политическую и социальную почву и апеллировалъ къ естественному праву человѣка. Энциклопедисты въ своей знаменитой Энциклопедіи пытались дать отвѣты на всѣ вопросы съ точки зрѣнія новыхъ воззрѣній. Какъ бы велико ни было различіе между отдѣльными мыслителями, но всѣхъ ихъ воодушевляло одно общее стремленіе, одна общая мысль: освободить личность отъ разныхъ путъ средневѣковаго міровоззрѣнія и средневѣковаго склада жизни. Начало *индивидуализма* въ различныхъ его проявленіяхъ, — вотъ краеугольный камень всѣхъ построеній блестящаго ряда мыслителей XVIII вѣка. Англія, какъ нація по преимуществу практическая, выдвинула мыслителя-индивидуалиста въ сферѣ вопросовъ преимущественно практическихъ, дѣловыхъ. «Свобода, свободная индивидуальная дѣятельность есть для Смита, — какъ выражается одинъ экономистъ, — всеоплодотворяющій и одухотворяющій элементъ; это есть воздухъ, которымъ дышетъ хозяйство, свѣтъ, который освѣщаетъ богатство, дыханіе жизни, которое все проникаетъ и призываетъ къ живой дѣятельности, базисъ для общаго развитія и усовершенствованія, рычагъ всякаго успѣха и наконецъ истинная волшебная формула, съ помощью которой все дурное изгоняется, а все доброе, великое и прочное вызывается». Только мыслитель второй половины XVIII вѣка могъ воодушевиться въ такой мѣрѣ принципомъ «свободной индивидуальной дѣятельности» и, опираясь на нее, перевернуть въ сферѣ мысли, точно Архимедъ, нашедшій точку опоры для своего рычага, ходя-

чія понятія относительно экономической дѣятельности и очистить путь для новыхъ теченій въ общественной жизни. «Исслѣдованія о богатствѣ народовъ» есть только одна изъ главъ великой книги, написанной выдающимися мыслителями второй половины XVIII в., и одно изъ дѣлъ, — такъ какъ она, эта книга, была вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящимъ дѣломъ, — совершенныхъ людьми того же поколѣнія.

Теперь мы познакомимся съ разработкой политико-экономическихъ вопросовъ до появленія знаменитыхъ «Исслѣдованій»: съ одной стороны съ зародышами тѣхъ мыслей, которыя были изложены и развиты впоследствии въ этихъ «Исслѣдованіяхъ», а съ другой — съ противоположнымъ, господствовавшимъ въ ту пору ученіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ *меркантилизма*.

Меркантильная теорія отождествляла понятіе о богатствѣ съ понятіемъ о деньгахъ. Страна тѣмъ богаче, по этой теоріи, чѣмъ большимъ количествомъ золота и серебра располагаетъ она. Двойственный характеръ денегъ, какъ предмета торговли и какъ мѣрилы цѣнности, долго поддерживалъ это заблужденіе, а масса драгоценныхъ металловъ, нахлынувшая изъ вновь открытыхъ земель, побудила государственныхъ дѣятелей и мыслителей изощряться въ придумываніи мѣропріятій, посредствомъ которыхъ можно было привлечь въ свою страну наибольшее количество ихъ. Для страны, не имѣвшей собственныхъ рудниковъ, единственнымъ средствомъ являлся обмѣнъ. Слѣдовало такъ организовать его, чтобы страна вывозила возможно большее количество товаровъ и ввозила возможно меньшее, а разницу вывоза надъ ввозомъ получала золотомъ или серебромъ. На первыхъ порахъ меркантилисты обращаютъ вниманіе на притокъ именно этихъ драгоценныхъ металловъ, и потому систему ихъ можно назвать системой *денежнаго баланса*. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ торговли эта система оказалась и стѣснительной, и неправильной. Товары нерѣдко ввозятся съ тѣмъ, чтобы ихъ вывезти потомъ и перепродать съ барышемъ; уплаченныя за нихъ деньги возвращаются со временемъ даже съ лихвою; тѣмъ не менѣе въ данный моментъ изъ страны уходитъ извѣстное количество золота или серебра и денежный балансъ можетъ оказаться не въ пользу ея. «Однако, — замѣчаетъ меркантилистъ Мѣнъ, — еслибы мы стали судить о земледѣльцѣ только въ минуту посѣва, когда онъ разбрасываетъ по землѣ такое количество прекрасныхъ зеренъ, то мы могли бы принять его за безумнаго. Но если мы вспомнимъ въ то время о жатвѣ, составляющей цѣль его заботъ, то можемъ оцѣнить по достоинству

его труды и вытекающее изъ нихъ изобиліе». Наконецъ никакое запрещеніе не въ состояніи предупредить вывозъ золота и серебра контрабанднымъ путемъ, разъ это оказывается выгоднымъ. Поэтому меркантилисты замѣнили систему денежнаго баланса системой *торгового баланса*: золоту и серебру можетъ быть предоставлена свободная циркуляція, а государство должно заботиться лишь о томъ, чтобы вывозъ товаровъ всегда превышалъ ввозъ. Меркантилисты всегда представляли себѣ двѣ страны, какъ два враждебные лагеря: благоденствіе одной обусловливалось разореніемъ другой. Они были узкими націоналистами въ политической экономіи и естественными врагами широкихъ общечеловѣческихъ идеаловъ. Вообще же меркантилистовъ характеризуютъ не столько общія всѣмъ имъ экономическія идеи, цѣльное экономическое ученіе, сколько нижеслѣдующія скорѣе практическія стремленія: 1) стремленіе придавать чрезмѣрное значеніе запасамъ золота и серебра; 2) стремленіе превозносить иностранную торговлю передъ внутренней и обрабатывающую промышленность передъ добывающею; 3) стремленіе придавать слишкомъ большое значеніе густотѣ населенія и 4) стремленіе къ государственному вмѣшательству въ торговыя дѣла.

Меркантилизмъ получаетъ широкое распространеніе и становится силой, начиная съ XVI столѣтія. Карль V въ Испаніи, Генрихъ VIII и Елизавета въ Англіи, Кольберъ во Франціи руководствовались въ своей дѣятельности меркантильнымъ ученіемъ, въ особенности прославился въ этомъ отношеніи Кольберъ, именемъ котораго иногда называютъ даже и самое ученіе.

Вообще меркантилизмъ былъ силенъ не теоріею, а практикой; онъ представлялъ слишкомъ ограниченное и узкое ученіе, чтобы теоретическая разработка его могла послужить поприщемъ для дѣйствительно гениальнаго ума. Несравненно большій интересъ имѣютъ первые проблески болѣе истиннаго ученія, работы мыслителей и писателей, которыхъ можно считать предшественниками Смита. Остановимся на нихъ, такъ какъ они подготовили почву и даже посѣяли многія изъ мыслей, давшихъ такую превосходную жатву въ «Исслѣдованіяхъ о богатствѣ народовъ».

Новыя идеи зародились первоначально въ Англіи и затѣмъ были перенесены во Францію, гдѣ онѣ получили болѣе систематическую обработку. Дѣло началось, какъ это обыкновенно бываесть, съ критики господствовавшихъ воззрѣній въ области экономическихъ явленій. Первую довольно замѣтную брешь въ меркантиль-

номъ ученіи сдѣлалъ *Петти* въ половинѣ XVII вѣка. Онъ исходилъ изъ того положенія, что «трудъ есть отецъ и творящее начало богатства, а земля—мать его». Онъ ставитъ цѣнность въ зависимость отъ количества труда, употребляемаго на производство предметовъ, а всеобщимъ мѣриломъ цѣнности считаетъ среднее количество самой дешевой пищи, которая необходима для дневного пропитанія человѣка; онъ высказывается противъ запрещенія вывоза монеты и вообще возстаетъ противъ всякаго вмѣшательства правительства въ промышленныя дѣла.

Гораздо большее значеніе имѣетъ сочиненіе *Дѣдлея Норта*: «Разсужденіе о торговлѣ», вышедшее въ 1691 году, т. е. за 80 слишкомъ лѣтъ до появленія работы Смита. Дѣдлей Нортъ смѣло порываетъ всякія связи съ меркантилизмомъ, доказываетъ, что источникомъ богатства служитъ человѣческой трудъ, что приливъ и отливъ денегъ долженъ регулироваться самопроизвольно, что процентъ не долженъ быть ограничиваемъ закономъ, что весь свѣтъ относительно торговли составляетъ какъ бы одну націю, что нельзя людей принуждать къ дѣятельности по предписанному образцу, что никакіе правительственные законы не могутъ опредѣлять цѣнъ въ торговлѣ и т. д. Со всѣми этими мыслями мы встрѣчаемся впоследствии и у Смита. Третьимъ членомъ триумвирата извѣстныхъ британскихъ мужей, подкапывавшихся подъ меркантильную систему и положившихъ основанія новой теоріи, былъ знаменитый *Локкъ*. Какъ политикъ-экономъ, онъ сильно грѣшитъ противъ основаній зарождавшагося новаго ученія; но не своими писаніями по экономическимъ вопросамъ онъ содѣйствовалъ разрушенію меркантильной системы и развитію новаго направленія въ изученіи экономическихъ явленій, а своими политическими и философскими произведеніями, въ которыхъ онъ боролся съ средневѣковымъ міровоззрѣніемъ, возставалъ противъ абсолютизма и произвола, прокладывалъ новые пути въ изученіи общественныхъ философскихъ и психологическихъ вопросовъ и устанавливалъ новыя точки зрѣнія. Свѣтъ мысли, возженный имъ вверху, долженъ былъ неизбѣжно распространиться на всѣ области, расположенныя ниже. Экономическія изслѣдованія въ трудахъ Локка приводятся въ связь съ общей системой критической философіи, и если самъ Локкъ не воспользовался всѣми выгодами новаго положенія, то этимъ не преминули воспользоваться послѣдующіе мыслители. Послѣ Локка почти до половины XVIII столѣтія въ экономической литературѣ обнаруживается застой, не появляется ничего важнаго. Такимъ

образомъ, мы переходимъ ко времени Смита. Изъ его современниковъ заслуживаетъ особеннаго вниманія съ нашей стороны *Давидъ Юмъ*. Онъ былъ лѣтъ на десять старше Смита и сталъ писать много раньше послѣдняго. Онъ отвергаетъ меркантильное ученіе, будто деньги—богатство, и признаетъ дѣйствительную силу и богатство народа въ трудѣ. Правительство должно заботиться о народѣ и промышленности, но ему совершенно не зачѣмъ вмѣшиваться въ обращеніе монеты. Процентъ также зависитъ не отъ количества денегъ, а отъ состоянія промышленности, ремеслъ и торговли; онъ можетъ служить барометромъ положенія народа: низкій размѣръ его показываетъ цвѣтущее состояніе общества. При обсужденіи торговыхъ вопросовъ Юмъ доказываетъ, что отдѣльныя націи вовсе не враги, а союзники въ общемъ дѣлѣ обмѣна. Онъ считалъ теорію ренты Смита ошибочною и высказалъ мысли, положенныя въ основаніе общепринятой теперь теоріи Рикардо. Но кромѣ многихъ вѣрныхъ положеній, развитыхъ Юмомъ по поводу отдѣльныхъ вопросовъ, весьма важное значеніе имѣетъ его постоянное стремленіе разсматривать экономическіе вопросы въ связи съ исторіей и законами человѣческой природы вообще. Смитъ называетъ Юма однимъ изъ величайшихъ философовъ-историковъ нашего времени, и онъ несомнѣнно имѣлъ на него большое вліяніе.

Теперь мы должны обратиться къ Франціи и къ ея извѣстной школѣ экономистовъ, безъ знакомства съ которыми нельзя ни понять, ни оцѣнить надлежащимъ образомъ великаго произведенія Смита. Около половины XVIII столѣтія во Франціи обнаруживается большой интересъ къ экономическимъ вопросамъ. Такъ, Вольтеръ въ одной изъ своихъ статей говоритъ: «около 1750 г. нація, пресыщенная стихами, трагедіями, комедіями, операми, романами, романическими исторіями, а еще больше романическими нравственными разсужденіями и теологическими диспутами, начала наконецъ разсуждать о хлѣбѣ». Въ 1759 году онъ же пишетъ: «Прощай наше искусство, если дѣла будутъ итти такъ, какъ идутъ! Страсть къ обличеніямъ и проклятіямъ по финансовымъ вопросамъ овладѣла народомъ!» Дѣйствительно, экономическое и финансовое положеніе Франціи было слишкомъ плачевно. Политика меркантилизма и самаго мелочнаго вмѣшательства въ экономическую дѣятельность народа принесла свои горькіе плоды. Разоренный народъ, искусственная промышленность, уродливая торговля и въ результатѣ—пустая казна,—вотъ тѣ бѣды, которыя предшествовали крушенію стараго порядка. Естественно, что мы-

слящіе люди должны были обратить свое вниманіе въ эту сторону, и естественно, что мысль ихъ приняла направленіе прямо противоположное господствовавшему до тѣхъ поръ ученію. Если раньше считали, что торговля создаетъ богатства, то теперь стали доказывать, что торговля совсѣмъ непродуцительное занятіе; если раньше первостепенное значеніе признавалось за торговлей и мануфактурной промышленностью, то теперь стали придавать перво-степенную важность земледѣлію; если раньше политика мелочной регламентаціи считалась величайшей мудростью, то теперь стали проповѣдывать полную свободу промышленности и торговли; началу безграничнаго вмѣшательства было противопоставлено начало безграничнаго невмѣшательства. Новыя идеи о богатствѣ, трудѣ, деньгахъ, торговлѣ и т. д., впервые высказанныя въ Англіи, были восприняты и быстро переработаны въ цѣлую систему, въ законченное ученіе по другую сторону Ламанша. Такимъ образомъ возникла *школа фізіократовъ*. Источникомъ богатства фізіократы признавали одну только землю; она доставляетъ въ сыромъ видѣ всѣ продукты, необходимые для потребленія челоуѣка, и дальнѣйшая обработка этихъ продуктовъ не создаетъ никакого новаго богатства. Фабричныя и т. под. рабочіе измѣняютъ лишь форму продуктовъ, извлеченныхъ изъ земли; правда, они придаютъ имъ нѣкоторую новую стоимость, но стоимость эта какъ разъ равняется стоимости средствъ существованія, потребленныхъ рабочими во время производства; слѣдовательно, въ окончательномъ счетѣ трудъ всѣхъ подобныхъ рабочихъ нельзя назвать продуцительнымъ. Точно также и торговля не создаетъ ничего новаго; она перераспредѣляетъ лишь то, что создано трудомъ другихъ. Такимъ образомъ остается одинъ только трудъ земледѣльца, который фізіократы соглашались признать продуцительнымъ. Одна только земля доставляетъ такое количество продуктовъ, что, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по производству, остается излишекъ, чистый доходъ. Вотъ на этотъ-то остатокъ земледѣльческихъ (и ископаемыхъ) продуктовъ, буде онъ есть, и увеличивается ежегодно богатство народа. Онъ же долженъ служить и основаніемъ для единаго поземельнаго налога. Итакъ, всѣ стремленія должны быть направлены къ возможно большому увеличенію чистаго дохода. Достигнуть этого можно легче всего, по мнѣнію фізіократовъ, при полной свободѣ дѣятельности каждаго индивида. По отношенію къ экономической политикѣ девизомъ фізіократовъ служила знаменитая фраза Гурнэ, одного изъ основателей ученія: «Laissez

faire, laissez passer». Главою физиократовъ считается *Кенэ*, придворный докторъ Людовика XV. Это былъ замѣчательно честный человѣкъ, всею душою отдавшійся своему учению и открыто проповѣдовавшій его среди развращеннаго Версальскаго двора. Правда, ученіе это, хотя и находилось въ самой тѣсной связи съ освободительнымъ движеніемъ XVIII вѣка, не затрогивало прямо королевскихъ прерогативъ и потому было терпимо. Кенэ вдохновилъ цѣлый рядъ писателей, популяризовавшихъ его идеи. Собственныя же его произведенія отличаются сухостью и отвлеченностью. Эпиграфомъ къ одному изъ нихъ служитъ между прочимъ другое знаменитое изреченіе въ духѣ физиократическаго ученія: «*Rauires paysans — раувге гоуаите; раувге гоуаите — раувге гоі*». (Бѣдны крестьяне — бѣдно королевство; бѣдно королевство — бѣденъ король). Практическимъ представителемъ ученія и самымъ выдающимся человѣкомъ среди физиократовъ былъ замѣчательный и единственный въ своемъ родѣ министръ финансовъ Тюрго. Здѣсь не мѣсто рассказывать о благородной дѣятельности этого человѣка и о гибели его трудовъ на пользу Франціи. Приказы его сопровождались обыкновенно замѣчательными разъясненіями. Изложеніе же общихъ принциповъ политической экономіи, какъ ее понимали физиократы, въ сжатой и привлекательной формѣ мы находимъ въ особомъ его трудѣ, вышедшемъ одновременно съ «Изслѣдованіями о богатствѣ народовъ» Смита.

«Физиократическое ученіе, — говоритъ Ингрэмъ, — не оказало почти никакого вліянія на воззрѣнія народа даже въ своей родной странѣ»... «Однако добрые элементы его не пропали безслѣдно для человѣчества; они вошли, какъ часть, въ болѣе полное и здоровое твореніе Адама Смита». Смиту не только было извѣстно ученіе этой школы, но онъ былъ лично знакомъ съ ея наиболѣе выдающимися представителями, о чемъ мы расскажемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II.

Адамъ Смитъ, какъ человѣкъ.

Тихая жизнь.—Родители Смита.—Исчезновеніе мальчика.—Первоначальное образованіе.—Университетъ.—Публичныя лекціи.—Дружба съ Юмомъ.—Профессура.—Лекторскій талантъ Смита.—Сношенія съ Эдинбургомъ и обсужденіе торговыхъ вопросовъ.—Разсѣянность.—Выходъ въ свѣтъ «*Теоріи нравственныхъ чувствъ*» и письмо Юма по этому поводу.—Прекращеніе профессорской дѣятельности.—Путешествіе по Франціи въ качествѣ воспитателя герцога Бжеля.—Уединеніе.—Выходъ въ свѣтъ «*Исслѣдованій о природѣ и причинахъ богатства народовъ*» и письмо Юма по этому поводу.—Значеніе Юма для Смита.—Событіе, омрачающее эту дружбу.—Письмо Смита по поводу смерти Юма.—Извѣстность Смита.—Посѣщеніе Лондона.—Смитъ—таможенный чиновникъ.—Избраніе въ ректоры Глазговскаго университета.—Общая характеристика Смита.—Смерть Смита.

Личная жизнь Смита протекла чрезвычайно тихо. Ему совсѣмъ не пришлось извѣдать житейскихъ бурь и тревоженій, даже простого вѣшняго движенія въ этой жизни было очень мало. Какъ дерево, оставаясь неподвижнымъ, безшумно проникаетъ своими корнями въ глубь земли, такъ этотъ мыслитель величаво спокойно проникалъ своею мыслью въ глубь общественной жизни. Это, казалось, былъ не человѣкъ съ обыкновенною плотью и кровью, а ходячая лабораторія, въ которой неустанно перерабатывалась великимъ геніемъ мысли масса сырого матеріала, доставляемаго со всѣхъ полей обширнаго человѣческаго опыта. Конечно, именно мысль дѣлала обыкновенно жизнь многихъ знаменитыхъ людей бурной и шумной; мысль вызывала столкновеніе и борьбу, побѣды и пораженія, торжество и гибель; мысль наполняла дѣлами жизнь человѣческую. Но мысль Адама Смита, вызвавшая громадное движеніе и великую борьбу, не окончившюся и по сей день еще, не нарушила, по различнымъ обстоятельствамъ, спокойнаго теченія жизни самого мыслителя. Не эффектна эта жизнь и не по вкусу она любителямъ сильныхъ ощущеній; но для человѣка съ неиспорченнымъ вкусомъ она интересна по своей прозрачной чистотѣ и спокойной простотѣ.

Адамъ Смитъ родился въ 1723 году въ небольшомъ шотландскомъ городкѣ Коркколди. Городъ этотъ расположенъ у морского залива и во времена Смита отличался уже нѣкоторымъ развитіемъ промышленности и торговли. Пожалуй, это была самая подходящая колыбель для великаго экономиста, такъ какъ въ большомъ, шум-

номъ городѣ всѣ явленія экономической жизни слишкомъ перепутаны и замаскированы другими интересами, чтобы ихъ можно было непосредственно наблюдать. Отецъ его умеръ за три мѣсяца до появленія на свѣтъ сына. Онъ занималъ разныя должности по службѣ и въ послѣднее время былъ таможеннымъ контролеромъ. Мать Адама отличалась повидимому незаурядными способностями и энергіей. Она питала чрезмѣрную любовь къ сыну, ту чрезмѣрную любовь, послѣдствіемъ которой нерѣдко бываетъ нравственное уродство дѣтей. Если это такъ, то ровный и спокойный характеръ Смита выработался не благодаря, а вопреки вліянію его матери. Какъ бы тамъ ни было, но глубокая, взаимная привязанность между сыномъ и матерью продолжалась до самой смерти послѣдней, а онъ пережилъ мать всего лишь на 9 лѣтъ. И это была не платоническая привязанность, поддерживаемая часто отдаленностью разстояній и тому подобными условіями. Они жили постоянно вмѣстѣ, и Смитъ, остававшійся все время холостымъ, считалъ домъ своей матери своимъ собственнымъ домомъ. Какъ протекло его дѣтство, мы не знаемъ. Объ обыденномъ біографы обыкновенно не любятъ рассказывать; что же касается необыденнаго, то они рассказываютъ объ одномъ только эпизодѣ, а именно: какъ странствующіе мѣдники украли трехлѣтняго мальчика и какъ догадливый дѣдъ быстро смекнулъ, куда дѣвался ребенокъ, и послалъ по свѣжымъ слѣдамъ поговю и ребенокъ былъ благополучно возвращенъ домой. Первоначальное образованіе Адамъ получилъ въ Корккольдской школѣ, пользовавшейся въ тѣ времена прекрасной репутаціей. Уже тамъ обнаружились у него склонность къ чтенію и необыкновенная память; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличался разсѣянностью, которая ничего не видитъ и ничего не слышитъ, что происходило вѣроятно отъ увлеченія своими собственными мыслями. Временно онъ просто забывался и разговаривалъ самъ съ собою; привычка эта сохранилась у него во всю жизнь и немало удивляла впоследствии собесѣдниковъ. Слабый физически и кроткій, онъ держался въ сторонѣ отъ шумныхъ игръ своихъ сверстниковъ, тѣмъ не менѣе товарищи его любили.

Четырнадцать лѣтъ Смитъ поступилъ въ Глазговскій университетъ, гдѣ ревностно принялся за изученіе математики и натуральной философіи. Способности его были замѣчены профессорами, и онъ получилъ стипендію, учрежденную однимъ глазговскимъ купцомъ при Бальольской коллегіи Оксфордскаго университета. Обычное образованіе небогатыхъ шотландскихъ юношей ограничивалось Эдин-

бургскимъ или Глазговскимъ университетомъ. Не многимъ изъ нихъ удавалось попасть въ Оксфордъ. Смитъ былъ однимъ изъ этихъ немногихъ счастливицевъ. Что же онъ вынесъ изъ Оксфорда? Что представлялъ тогда этотъ знаменитый центръ просвѣщенія въ Англіи? Въ былыя времена подъ сѣнью его росли и крѣпли такіе умы, какъ Виклифъ, Эразмъ, Томасъ Моръ. Но въ бурную эпоху гражданскаго междоусобія и наступившей затѣмъ реставраціи онъ утерять свое свободолобіе. Презрѣнный ханжа и святоша Лоодъ завелъ тамъ новые порядки. Оксфордъ сдѣлался очагомъ якобитскаго движенія. Поощряемые наставниками, юноши устраивали уличныя демонстраціи въ пользу короля Якова. Когда Смитъ оставлялъ университетъ, въ Оксфордѣ вспыхнулъ бунтъ и участниками его оказались между прочимъ члены Бальвольской коллегіи. Рука объ руку съ этими регрессивными стремленіями росли общее отупѣніе и невѣжество въ университетской средѣ. Профессорскія мѣста были своего рода синекурой. Профессора нисколько не заботились объ исполненіи своихъ обязанностей. Что это были за профессора и что это были за лекціи, можно судить по критикѣ университетскаго образованія въ «Исслѣдованіяхъ о богатствѣ народовъ». «Для человѣка, одареннаго здравымъ умомъ,—говоритъ Смитъ,—должно быть дѣломъ тягостнымъ—сознавать, что лекціи, которыя онъ читаетъ студентамъ, суть чистый вздоръ или нѣчто, весьма близко къ нему подходящее. Должно быть также крайне непріятно видѣть, что большая часть слушателей не посѣщаетъ лекцій или слушаетъ ихъ съ несомнѣннымъ выраженіемъ неодобренія, насмѣшки или пренебреженія». Чтобы выйти изъ такого затрудненія, профессоръ имѣетъ подъ руками нѣсколько средствъ. «Вмѣсто того, чтобъ самому объяснять преподаваемую своимъ слушателямъ науку, онъ можетъ читать ее по книгѣ, а если эта книга написана на мертвомъ или иностранномъ языкѣ, то переводить и толковать ее или, для чего потребуется еще меньше труда, заставлятъ самихъ слушателей переводить ее, и, дѣлая на нее время отъ времени нѣкоторыя замѣчанія, онъ можетъ вообразить, что читаетъ имъ настоящія лекціи. При самыхъ ничтожныхъ познаніяхъ и при самомъ незначительномъ трудѣ онъ можетъ исполнять свою задачу, не вызывая насмѣшекъ слушателей и не прибѣгая къ необходимости говорить передъ ними вздоръ и нелѣпости. Въ то же самое время строгость, заведенная въ училищѣ, даетъ ему средство принудить слушателей посѣщать самымъ аккуратнымъ образомъ эти, такъ называемыя, лекціи, а

впродолженіи чтенія ихъ держать себя самымъ приличнымъ и почитательнымъ образомъ». Таково было преподаваніе въ знаменитомъ Оксфордскомъ университетѣ во времена Смита. По стопамъ учителей, какъ это обыкновенно бываетъ, шли ученики. Студенчество отличалось не только невѣжествомъ, но грубостью и развращенностью. Да оно и понятно: для всѣхъ, какъ учащихъ, такъ и учащихся, отказывающихся отъ принциповъ человѣческой свободы, остается открытой одна только дорога, приводящая рано или поздно къ животному состоянію. Какъ Смитъ уберегъ свою душу и свой умъ отъ растлѣвающаго вліянія такого преподаванія и такихъ университетскихъ распорядковъ, мы не знаемъ. Но онъ оставилъ Оксфордскій университетъ послѣ семилѣтняго пребыванія въ немъ съ довольно яснымъ, повидимому уже установившимся міросозерцаніемъ. Въ противность стараніямъ своей alma mater, онъ вышелъ изъ нея врагомъ всякихъ суевѣрій и убѣжденнымъ сторонникомъ свободныхъ изслѣдованій и свободной дѣятельности. Его отправляли въ Бальольскую коллегію, надѣясь сдѣлать изъ него добраго служителя англиканской церкви. Но, увы, ханжество Оксфордскихъ наставниковъ оттолкнуло юношу отъ такой карьеры, а чтеніе вышедшаго не задолго передъ тѣмъ «Трактата» Юла о человѣческой природѣ открыло передъ нимъ иныя, болѣе широкія перспективы. Онъ занялся изученіемъ древней и новой литературы и съ окончаніемъ курса рѣшился попытать свое счастье на литературномъ и ученомъ поприщѣ. Замѣтимъ здѣсь, что вѣрный себѣ Оксфордскій университетъ не удостоилъ своего славнаго питомца ученой степенію, да и самъ питомецъ никогда повидимому не вспоминалъ съ любовью о времени, проведенномъ въ стѣнахъ этого университета.

По окончаніи курса Адамъ Смитъ возвратился къ своей матери въ Корккольди и прожилъ съ нею около двухъ лѣтъ. Въ 1748 году онъ отправился въ Эдинбургъ и здѣсь, пользуясь покровительствомъ одного знатнаго лорда, открылъ публичныя лекціи по риторикѣ и литературѣ. Въ тѣ времена писательство, какъ профессія, было дѣломъ чрезвычайно труднымъ и рѣдкимъ даже въ Англии. Легче было устроить при содѣйствіи людей, имѣющихъ вѣсь въ обществѣ, публичныя чтенія, чѣмъ найти издателя. Лекціи Смита имѣли успѣхъ. Онъ завязалъ полезныя знакомства и близко сошелся, что имѣло для него чрезвычайно важныя послѣдствія, съ Юмомъ. Это знакомство превратилось съ теченіемъ времени въ тѣсную дружбу, — дружбу, имѣющую общественное зна-

ченіе, такъ какъ она была союзомъ двухъ могущественныхъ умовъ Англіи XVIII вѣка. Любопытно, что въ данномъ случаѣ влеклись другъ къ другу вовсе не разнородные, дополняющіе другъ друга умы, какъ это бываетъ нерѣдко; напротивъ, между Смитомъ и Юмомъ была масса общаго. Оба они отличаются необыкновенной силой анализа и сравнительно слабымъ воображеніемъ; оба одинаково безстрашны въ своей разрушительной работѣ и въ своихъ выводахъ; оба преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли и преслѣдуютъ ихъ одними и тѣми же путями, а нерѣдко и въ одной и той же сферѣ; и оба, какъ въ своей личной жизни, такъ и въ вопросахъ непосредственной политической жизни, оказываются людьми весьма скромными и умѣренными.

Въ 1751 году Смитъ былъ приглашенъ Глазговскимъ университетомъ на кафедру логики, а четыре года спустя онъ занялъ тамъ же кафедру нравственной философіи, которую удерживалъ за собой втеченіи 13 лѣтъ. Молодой профессоръ внесъ большое оживленіе въ преподаваніе своего предмета. Нужно замѣтить, что уже Хэтчесонъ, знаменитый предшественникъ Смита по кафедрѣ нравственной философіи въ Глазговскомъ университетѣ и его учитель, отрѣшился отъ узкихъ средневѣковыхъ взглядовъ на нравственность. Въ противность прежнему ученію, будто бы разумъ слабъ и безсиленъ разрѣшить нравственные вопросы, Хэтчесонъ доказывалъ, что разумъ въ состояніи совладать съ такой задачей, лишь бы только ему была предоставлена свобода, и переносилъ нравственные вопросы на психологическую почву. Но онъ все-таки исходилъ изъ метафизическихъ принциповъ и его ученіе отличалась абстрактностью, тогда какъ Смитъ сразу же придавалъ своимъ лекціямъ въ высшей степени конкретный характеръ. Курсъ его разпадался на четыре отдѣла: первый составляла естественная теологія, второй—этика, третій—общіе принципы юриспруденціи и четвертый—сущность политическихъ учреждений. Лекціи по этикѣ были переработаны въ сочиненіе *«Теорія нравственныхъ чувствъ»*, а изъ чтеній о политическихъ учрежденияхъ выросло много лѣтъ спустя, когда Смитъ не былъ уже профессоромъ, его капитальное и общеизвѣстное произведеніе: *«Исслѣдованія о богатствѣ народовъ»*. Какъ о лекторѣ, о немъ одинъ изъ современниковъ даетъ довольно восторженный отзывъ. Читая лекціи, говоритъ онъ, Смитъ почти всецѣло полагался на свою способность къ импровизированной рѣчи. Его манера говорить не отличалась особенной изящностью, но онъ всегда гово-

рилъ ясно и непринужденно и всегда повидимому относился съ интересомъ къ своему предмету, почему вызывалъ интересъ и у слушателей. Каждая лекція состояла обыкновенно изъ нѣсколькихъ опредѣленно поставленныхъ положеній, которыя онъ старался доказать и пояснить примѣрами. Нерѣдко эти положенія, высказанныя въ общихъ терминахъ, производили сначала впечатлѣніе парадоксовъ, и самъ профессоръ обнаруживалъ какъ бы нѣкоторое смущеніе; казалось, будто бы онъ не вполне владѣеть предметомъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, онъ воодушевлялся и его рѣчь текла свободно. Благодаря многочисленности и разнообразію приводимыхъ имъ примѣровъ, обсуждаемый вопросъ разрастался все больше и больше и принималъ наконецъ такіе размѣры, что овладѣвалъ вниманіемъ всей аудиторіи, и профессору не зачѣмъ было прибѣгать къ утомительнымъ повтореніямъ однихъ и тѣхъ же положеній. Для аудиторіи было и пріятно, и полезно слѣдить за всевозможными видоизмѣненіями основнаго вопроса и затѣмъ возвращаться обратно назадъ къ исходному пункту. Репутація Смита, какъ профессора, стояла поэтому весьма высоко, и онъ привлекалъ массу слушателей изъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей. Преподаваемые имъ предметы стали модными въ Глазговѣ и его мнѣнія составляли главный предметъ разговоровъ въ клубахъ и литературныхъ кружкахъ. И даже мелочныя особенности его произношенія и манера говорить дѣлались нерѣдко предметомъ подражанія. Изъ другого же отзыва мы узнаемъ между прочимъ, что голосъ у Смита былъ неровный и произношеніе неясное, доходившее иногда до бормотанія, что вообще онъ не отличался разговорными талантами и какъ собесѣдникъ былъ много ниже Юма. Какъ бы тамъ ни было, Смитъ въ качествѣ профессора пользовался несомнѣнно значительной репутаціей.

Читая лекціи въ Глазговѣ, Смитъ поддерживалъ самыя тѣсныя сношенія съ Единбургомъ, гдѣ находился между прочимъ его другъ Юмъ. Онъ состоялъ членомъ одного извѣстнаго единбургскаго клуба, образованнаго съ цѣлями протеста и агитаціи противъ нежеланія правительства, опасавшагося якобитскаго заговора, ввести въ Шотландію народное ополченіе. Клубъ этотъ закрылся послѣ того, какъ правительство обложило высокой пошлиной любимый напитокъ членовъ его, кляретъ, а на мѣсто его было организовано новое общество подъ названіемъ «Избранные». Въ немъ участвовали литературныя знаменитости тогдашняго Единбурга. Замѣчательно, что на второмъ уже собраніи былъ постав-

лень на обсужденіе вопросъ о пользѣ запретительныхъ мѣръ относительно вывоза хлѣба и что дебаты по этому вопросу были открыты Смитомъ. Уже тогда (1754 г.), очевидно, какъ Смита, такъ и Юма интересовала меркантильная система, и они изучали ее не только въ тиши своихъ кабинетовъ, но и въ сутолокѣ самой жизни. Въ дѣтствѣ, какъ мы замѣтили, Смитъ отличался вѣдшею разсѣянностью и забывчивостью; съ возрастомъ недостатки эти усиливались. Вотъ нашъ профессоръ среди большого общества, но онъ никого не замѣчаетъ и сидитъ въ одиночествѣ. Губы его шевелятся, онъ улыбается и наконецъ начинаетъ разговаривать самъ съ собою. Вы подходите къ нему, обращаете его вниманіе на предметъ общаго разговора. Профессоръ какъ бы пробуждается отъ своего забытья и начинаетъ тотчасъ же говорить; говоритъ онъ много, говоритъ до тѣхъ поръ, пока не выложитъ передъ вами / всего, что знаетъ по данному вопросу, и притомъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Несмотря на то, что онъ почти совсѣмъ не знаетъ людей, достаточно было самага ничтожнаго повода, чтобъ онъ началъ описывать и характеризовать ихъ. Если же вы обнаруживали сомнѣніе и прерывали его, онъ съ величайшей легкостью отказывался отъ своихъ словъ и начиналъ говорить прямо противоположное. Какъ велика была его забывчивость, показываетъ между прочимъ слѣдующій случай. Однажды онъ былъ приглашенъ на обѣдъ, устроенный въ честь извѣстнаго государственнаго дѣятеля, проѣзжавшаго черезъ городъ. За обѣдомъ или послѣ обѣда Смитъ по обыкновенію погрузился въ свою задумчивость и вдругъ началъ громко и несдержанно обсуждать достоинства, а больше недостатки находившейся тутъ же на лицо знаменитости. Ему напомнили обстоятельства, среди которыхъ онъ находится. Философъ сильно переконфузился, но тотчасъ же, какъ бы впадая снова въ забывчивость, онъ пробормоталъ самому себѣ и окружающимъ его: «Чортъ возьми, чортъ возьми, вѣдь все это вѣрно!» Въ большомъ обществѣ, на службѣ, на улицѣ онъ всюду былъ одинаковъ. Заложивши руки за спину и закинувши голову, онъ прогуливался по улицамъ, погруженный въ свои размышленія; ничего нѣтъ страннаго, что эдинбургскія торговки могли принимать его за сумасшедшаго. Подписывая какую-то дѣловую бумагу, онъ, вмѣсто того, чтобы расписаться, скопировалъ подпись лица, росписавшагося раньше его. Такихъ курьезовъ вѣроятно не мало было съ нимъ, такъ какъ его голова вѣчно была занята вопро-

сами, не имѣвшими никакого непосредственнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности.

Въ 1759 году Смитъ напечаталъ свою «*Теорію нравственныхъ чувствъ*», и съ этого времени нравственные вопросы отступили для него на второй планъ, а экономическіе напротивъ все больше и больше занимали его. Хотя «*Теорія нравственныхъ чувствъ*» много слабѣе «*Ислѣдованій о богатствѣ народовъ*», однако сочиненіе это было тотчасъ же замѣчено и на первыхъ порахъ читалось усиленно, такъ что многіе колебались даже, которому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. По выходѣ книги Юмъ написалъ своему другу милое письмо, изъ котораго приводимъ отрывки. «...Я все откладывалъ писать, пока не въ состоянїи буду сообщить вамъ чего-нибудь объ успѣхѣ вашей книги и предсказать съ нѣкоторой вѣроятностью, постигнетъ-ли ее въ концѣ концовъ вѣчное забвеніе или напротивъ она попадетъ въ храмъ бессмертія. Хотя прошло всего только нѣсколько недѣль со времени выхода ея, однако я думаю успѣли уже обнаружиться довольно серьезные симптомы, по которымъ я могу дерзнуть предсказать ея судьбу». Здѣсь Юма якобы прерываютъ разные посѣтители и онъ толкуетъ о вещахъ, совершенно постороннихъ. «Но какое отношеніе, — продолжаетъ онъ, — имѣетъ все это къ моей книгѣ, скажете вы? Мой дорогой Смитъ, имѣйте терпѣніе, успокойтесь, покажите, что вы такой же философъ на дѣлѣ, какъ и въ теоріи; не забывайте о пустотѣ, несообразности и легкомысленности обычныхъ людскихъ сужденій, въ особенности въ философскихъ вопросахъ, превосходящихъ пониманіе толпы. Истинный судья всякаго мудраго человѣка есть его собственная совѣсть, и если онъ обращается когда-либо къ мнѣнію другихъ людей, то только къ мнѣнію немногихъ избранныхъ, свободныхъ отъ предразсудковъ и способныхъ оцѣнить его работу. Дѣйствительно, самымъ вѣрнымъ признакомъ ошибочности извѣстнаго сужденія можетъ служить одобреніе толпы, и Фокіонъ, вы знаете, всегда подозрѣвалъ себя въ какой-нибудь несообразности, когда толпа встрѣчала его слова рукоплесканіями... Теперь, въ надеждѣ, что вы укрѣпили себя надлежащимъ образомъ всѣми этими разсужденіями и готовы спокойно выслушать какое угодно мнѣніе о своей книгѣ, я долженъ сообщить вамъ печальную новость: ваша книга оказалась весьма несчастной, ибо публика склонна повидимому восхвалять ее до чрезмѣрности. Ее съ нетерпѣніемъ ожидали глупцы, а литературная чернь начинаетъ уже перевозосить ее весьма громко своими похвалами. Три епископа заходили

вчера въ лавку Миллера, чтобъ купить ее, и освѣдомлялись объ авторѣ. Епископъ Питерборо рассказывалъ, что въ компаніи, съ которой онъ провелъ вечеръ, эту книгу перевозносили превыше всѣхъ другихъ. Герцогъ Аргильскій высказывается въ пользу ея рѣшительнѣе, чѣмъ онъ имѣетъ обыкновеніе дѣлать это... Лордъ Литтлтонъ говоритъ, что Робертсонъ, Смитъ и Бауеръ составляютъ славу англійской литературы... Карлъ Тоунсендъ, считающійся первымъ умницей въ Англій, такъ восхищенъ вашей книгой, что, по словамъ Освальда, желалъ бы поручить автору ея воспитаніе герцога Бѣклея и готовъ предложить ему такія условія, какія тотъ пожелаетъ»...

Таковъ былъ успѣхъ перваго капитальнаго произведенія Смита. Сообщая о намѣреніи Тоунсенда, Юмъ не рассчитывалъ, чтобъ изъ этого могло выйти что-либо. Нужно было предложить особенно выгодныя условія, чтобъ профессоръ, и притомъ профессоръ, пользующійся прекрасной репутаціей, предпочелъ положеніе частнаго учителя. Поэтому Юмъ хотѣлъ устроить дѣло иначе; онъ хотѣлъ посоветовать отправить молодого герцога въ Глазговъ, но упустилъ случай сдѣлать это. Однако года четыре спустя Тоунсендъ дѣйствительно обратился къ Смигу и предложилъ настолько выгодныя условія, что профессоръ согласился оставить кафедру и отправиться съ молодымъ герцогомъ въ заграничное путешествіе. Глазговскій университетъ не представлялъ изъ себя укрѣпленной цитадели средневѣковыхъ воззрѣній, и поэтому онъ не только терпѣлъ такихъ профессоровъ, какъ Смитъ, но и сожалѣлъ объ уходѣ ихъ. Сдѣлавъ постановленіе объ открывшейся вакантной кафедрѣ, «университетъ, такъ записано въ его протоколахъ, не могъ удержаться отъ выраженія искренняго сожалѣнія по поводу ухода доктора Смита, извѣстная честность котораго и прекрасныя душевныя качества завоевали ему любовь и уваженіе со стороны его товарищей по профессіи, необычайный геній котораго, великія способности и громадная начитанность дѣлали такую честь всему университету. Его изящная и остроумная «Теорія нравственныхъ чувствъ» доставили ему извѣстность и почетъ въ глазахъ писателей и понимающихъ людей повсюду въ Европѣ. Его счастливый талантъ пояснять отвлеченные вопросы конкретными примѣрами и никогда не измѣнявшая ему настойчивость въ сообщеніи полезныхъ знаній отличали его какъ профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли великое наслажденіе и громадную пользу въ образовательномъ отношеніи его молодымъ слушателямъ». Подоб-

ную аттестацію профессора, не свободные отъ завистливыхъ чувствъ, какъ и всѣ простые смертные, не часто выдаютъ своему коллегѣ. Не забудьте, что это—не надгробная эпитафія, въ которой можно свободно расточать хвалу, такъ какъ никто не опасается соперничества со стороны мертвеца, а протоколъ по поводу ухода человѣка, полного еще жизненныхъ силъ и полного надеждъ на будущее. Честь и слава университетамъ, умѣющимъ цѣнить своихъ выдающихся людей; ихъ вѣдь немного бываетъ среди профессоровъ!..

Такъ закончилась профессорская карьера Смита. Въ 1763 г. онъ отправился съ молодымъ Бёклеемъ за-границу, а по возвращеніи занялся дѣломъ болѣе важнымъ, чѣмъ чтеніе лекцій студентамъ. Казалось бы, какой расчетъ былъ извѣстному профессору превращаться въ неизвѣстнаго воспитателя англійскаго аристократа? Руководился ли онъ денежнымъ расчетомъ, я не знаю. Но, по соображенію всѣхъ послѣдующихъ обстоятельствъ, нельзя не признать, что сама судьба не могла бы придумать ничего лучшаго для него. Уже въ то время онъ обдумывалъ свое великое произведеніе и въ интересахъ этого произведенія ему необходимо было познакомиться поближе именно съ Франціею. Во-первыхъ, Франція представляла тогда, по выраженію Беджота, «музей экономическихъ ошибокъ», а задумываемая Смитомъ книга и должна была разоблачить такія ошибки, сдѣлать дальнѣйшее ихъ существованіе невозможнымъ. Понятно, что изучать экономическія уродства на мѣстѣ, въ музеѣ, было куда полезнѣе, чѣмъ созерцать ихъ издали. Положимъ, и на родинѣ было ихъ не мало, но во всякомъ случаѣ Англія всетаки не представляла музея въ этомъ отношеніи. А во вторыхъ, что еще пожалуй важнѣе, во Франціи существовала уже въ то время цѣлая школа, строившая свое экономическое ученіе на совершенно новыхъ началахъ. Личное знакомство съ представителями этой школы имѣло для Смита громадное значеніе. Не познакомься онъ обстоятельно съ ученіемъ о землѣ, какъ главной производительной силѣ, мы не имѣли бы вѣроятно и ученія о трудѣ, какъ сущности всякой мѣновой цѣнности, какъ началъ, на которомъ зиждется матеріальное богатство народовъ.

Едвали Смитъ годился для роли воспитателя; но вмѣстѣ съ тѣмъ едвали къ нему и предъявлялись какія либо особенныя требованія. Его пригласили больше изъ тщеславія. Однако герцога Бёклея писаль впоследствии, что три года, прожитые за границею,

подъ руководствомъ Смита, были для него очень полезны, и что между нимъ и наставникомъ не возникло за все время никакихъ недоразумѣній и неудовольствій. Сначала жизнь въ Парижѣ пришла не совсѣмъ по вкусу Смигу. «Герцогъ, — писалъ онъ Юму, — не имѣетъ ни одного знакомаго между французами. Я же не могу познакомиться поближе съ тѣми немногими, съ кѣмъ уже знакомъ, такъ какъ не могу пригласить ихъ къ себѣ и самъ не всегда располагаю свободой, чтобы пойти къ нимъ. Жизнь, какую я велъ въ Глазговѣ, по сравненію съ тѣмъ, какъ я живу здѣсь, была пріятнымъ времяпровожденіемъ. Чтобы убить время, я началъ писать книгу» Но первая остановка въ Парижѣ была непродолжительна. Скоро наши путешественники отправились въ Тулузу; проживши тамъ восемнадцать мѣсяцевъ, они проѣхались по южной Франціи, побывали въ Женевѣ и возвратились назадъ въ Парижъ. На этотъ разъ жизнь въ Парижѣ сложилась очевидно лучше. Смитъ познакомился ближе съ Тюрго, Кенэ, Неккеромъ. // Даламберомъ, Гельвеціемъ, аббатомъ Морелле, однимъ словомъ — съ лучшими представителями тогдашняго французскаго общества. «Я познакомился съ Смитомъ, — говоритъ аббатъ Морелле въ своихъ мемуарахъ, — во время его путешествія по Франціи въ 1762 году. Онъ очень дурно говорилъ по-французски, но по его «Теоріи нравственныхъ чувствъ» я составилъ высокое мнѣніе объ его глубокомъ и пронизательномъ умѣ. Въ самомъ дѣлѣ, до настоящаго времени я смотрю на него, какъ на одного изъ людей, наблюденія и изслѣдованія котораго можно считать самыми совершенными по всѣмъ вопросамъ, какими только онъ занимался. Тюрго, любившій не менѣе меня философію, высоко цѣнить его талантъ. Мы видѣли его нѣсколько разъ. Онъ былъ представленъ Гельвецію. Мы бесѣдовали о теоріи торговли, банка, общественнаго кредита и о многихъ другихъ предметахъ задуманнаго имъ великаго сочиненія». Общеніе съ этими людьми помогло Смигу уяснить себѣ многое въ тѣхъ вопросахъ, которыми онъ интересовался тогда. Кенэ, какъ глава экономистовъ-физиократовъ и какъ личность въ высшей степени симпатичная, произвелъ на него повидимому особенно сильное впечатлѣніе. Онъ намѣревался посвятить ему свои «Изслѣдованія о богатствѣ народовъ» и только смерть замѣчательнаго француза помѣшала ему сдѣлать это.

Послѣ шумнаго Парижа Смитъ удалился въ свой родной Коркъ, кольди и здѣсь прожилъ въ уединеніи цѣлыхъ десять лѣтъ. Онъ собралъ массу матеріала. Нужно было его обработать. Конечно у

него были уже руководящія мысли. И теперь онъ не сидѣлъ и не выдумывалъ ихъ въ своемъ уединеніи. Но вѣдь и не какойнибудь легковѣсный трактатъ писалъ онъ теперь. Онъ готовилъ трудъ, которому предстояло опрокинуть господствовавшія системы, принимавшіяся втеченіи цѣлыхъ вѣковъ за неопровержимую истину; опрокинуть барьеры, раздѣлявшіе народы въ ихъ промышленной и торговой дѣятельности, опрокинуть вѣковыя привилегіи и водрузить на обширномъ полѣ экономической дѣятельности знамя труда. Задача для одного человѣка громадная, непосильная. Нѣтъ ничего удивительнаго, что она истощила силы скромнаго шотландскаго философа, и что, исполнивъ блистательно ее, онъ «опочилъ отъ всѣхъ дѣлъ». Итакъ, словно отшельникъ, укрылся онъ отъ соблазновъ шумной, общественной жизни въ своемъ Корккольди. Даже другъ его Юмъ не зналъ хорошенько, что онъ тамъ дѣлаетъ. Въ 1769 году, находясь вблизи отъ него, онъ приглашалъ его повидаться и между прочимъ писалъ: «я хочу знать, что вы сдѣлали за это время и намѣренъ потребовать серьезнаго и точнаго отчета въ томъ, какъ вы распорядились временемъ въ этомъ своемъ уединеніи. Я положительно увѣренъ, что вы надѣлали много ошибокъ въ своихъ разсужденіяхъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣли несчастіе не соглашаться со мною!» Въ 1772 году Юмъ снова нападалъ на него за упорное уединеніе: «Я не принимаю въ оправданіе вашихъ заявленій о разстроенномъ здоровьѣ и смотрю на нихъ лишь какъ на отговорку, подсказанную лѣнностью и страстью къ уединенію. Въ самомъ дѣлѣ, мой любезный Смитъ, если вы будете поддаваться недомоганіямъ подобнаго рода, то вы кончите тѣмъ, что порвете совсѣмъ всякія связи съ человѣческимъ обществомъ къ великому вреду обѣихъ сторонъ». Ясно, даже Юму не было хорошо извѣстно, что Смитъ, отказавшись отъ человѣческаго общества, упорно работалъ какъ разъ надъ тѣмъ, что должно было связать его неразрывными узами со всѣмъ человѣчествомъ. Въ Корккольди, среди родныхъ, ему жилось легко и спокойно. Близость Единбурга и удобство сообщенія по морю давали ему возможность поддерживать связи съ людьми, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ избавленъ отъ назойливыхъ и непрощенныхъ посѣщеній, да и въ самомъ Корккольди былъ небольшой кружокъ знакомыхъ, въ обществѣ которыхъ онъ временами отдыхалъ отъ своей работы. Работалъ Смитъ медленно, съ трудомъ, исправляя и передѣлывая написанное. Обыкновенно онъ диктовалъ секретарю, расхаживая по комнатѣ взадъ и впередъ.

Наконецъ въ 1776 году появился плодъ этихъ усиленныхъ занятій: «*Исслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ*» въ двухъ большихъ томахъ.

Тотъ же Юмъ, не оставявшій въ покоѣ своего друга, привѣтствовалъ теперь его такимъ письмомъ: «Euge! Belle! Любезный мой Смитъ, я очень доволенъ вашимъ трудомъ. Читая его, я освободился отъ тягостнаго безпокойства. На сочиненіе это возлагалась такая большая надежда и вами самими, и вашими друзьями, и публикой, что я трепеталъ при его появленіи и теперь чувствую большое облегченіе. Если я и сомнѣваюсь еще, чтобы оно сразу же стало самой популярной книгой, то только потому, что чтеніе ея обязательно требуетъ большого вниманія, а публика такъ мало склонна удѣлять его чему бы то ни было. Но книга ваша отличается глубиной, основательностью, проникательностью и въ ней разсыпана такая масса примѣровъ и любопытныхъ фактовъ, что она должна въ концѣ концовъ привлечь всеобщее вниманіе. Вы вѣроятно много исправили въ ней во время вашего послѣдняго пребыванія въ Лондонѣ. Если бы вы были теперь со мной, я поспорилъ бы съ вами относительно нѣкоторыхъ вашихъ принциповъ. Я не могу согласиться, что поземельная рента входитъ составной частью въ цѣну продуктовъ, и полагаю, что цѣна эта опредѣляется исключительно количествомъ и спросомъ». Далѣе Юмъ указываетъ еще на нѣкоторыя, по его мнѣнію, погрѣшности и говорить, что обо всемъ этомъ, какъ и о сотнѣ другихъ вопросовъ, удобнѣе всего было бы побесѣдовать лично, что здоровье его быстро разрушается, и онъ надѣется, что Смитъ не откажется повидаться съ нимъ.

Съ перваго пробужденія сознательной критической мысли, когда юноша Смитъ зачитывался «Трактатомъ о человѣческой природѣ» и до полного расцвѣта его гевія, выразившагося въ «Исслѣдованіяхъ о богатствѣ народовъ», Юмъ, великій скептикъ XVIII вѣка, поддерживаеъ его и любовно слѣдитъ за нимъ, какъ мать за своимъ сыномъ. Поддерживаеъ и слѣдитъ; нѣтъ, мало того. Въ началѣ онъ наставляеъ и открываеъ передъ своимъ юнымъ другомъ цѣлый новый міръ мысли, а потомъ обсуждаеъ и выясняеъ съ нимъ вопросы, составившіе предметъ книги, ознаменовавшей собою наступленіе новыхъ распорядковъ въ экономической жизни народовъ. О Смитѣ мы можемъ мыслить только въ связи съ Юмомъ; иначе его трудно себѣ представить. Тогда какъ обратнаго сказать нельзя. Теперь Смитъ достигалъ апо-

гея своей извѣстности, а Юмъ оканчивалъ свое земное поприще, онъ умиралъ. Мы не погрѣшимъ противъ біографіи Смита, если остановимся подольше на этомъ моментѣ; тѣмъ болѣе, что тутъ запутывается одно обстоятельство, имѣющее большее значеніе и для характеристики самого Смита

Смита, какъ мы знаемъ, готовили къ духовному званію, но онъ отказался отъ мысли быть священникомъ и пошелъ по другому пути. Каковы были его дальнѣйшія отношенія къ англиканской церкви, не совсѣмъ ясно, да это и не представляетъ особенной важности, такъ какъ общій складъ его возрѣній самъ собою обрисовывается изъ его произведеній. Но бываютъ обстоятельства, когда человѣкъ долженъ поступить опредѣленно и рѣшительно, не стѣсняясь тѣмъ, что онъ можетъ задѣть кого-нибудь или что нибудь и повредить своимъ интересамъ или репутаціи. Въ особености такіе поступки бываютъ нравственно обязательны въ дѣлахъ дружбы. Умирающій человѣкъ проситъ своего друга исполнить его предсмертную волю, а этотъ другъ отказывается страха ради іудейскаго. Какъ отнестись къ такому поступку? Нѣчто подобное именно и случилось со Смитомъ. Онъ испугался англійскихъ епископовъ и суетвѣрій англиканской церкви и омрачилъ свою дружбу съ великимъ человѣкомъ непоправимымъ поступкомъ. Юмъ, умирая, хотѣлъ завѣщать Смиту изданіе своихъ извѣстныхъ «Диалоговъ», которые онъ издалъ бы самъ, какъ онъ писалъ въ письмѣ, если бы могъ рассчитывать прожить еще нѣсколько лѣтъ. Смитъ очевидно былъ недоволенъ такимъ порученіемъ и требовалъ отъ Юма, чтобы тотъ предоставилъ на его усмотрѣніе издать или вовсе не издавать этой книги. Онъ намѣревался сохранить рукопись «самымъ тщательнымъ образомъ», но не издавать ее, а передъ своей смертью возвратитъ родственникамъ Юма. Конечно это было не въ интересахъ послѣдняго, и онъ освободилъ Смита отъ столь тяжелаго для него порученія. А между тѣмъ едвали можно сомнѣваться, что Смитъ раздѣлялъ взгляды, изложенные въ упомянутыхъ «Диалогахъ». У человѣка хватило силы перевернуть экономическую политику европейскихъ государствъ, и не хватило храбрости пойти на встрѣчу англійскому «сантиу», этому типичному образцу ханжества и святошества! «Диалоги» были изданы въ 1779 году, т. е. задолго еще до смерти Смита, и едвали нужно прибавлять, что они нисколько не повредили интересамъ Юма; мы говоримъ, само собою понятно, не о матеріальныхъ или

какихъ-либо иныхъ житейскихъ интересахъ, не существовавшихъ уже для великаго мыслителя, а именно о тѣхъ непреходящихъ интересахъ истины, которые воодушевляють всякаго мыслителя.

Какъ бы желая заглазить свой проступокъ, Смитъ оставилъ замѣчательное описаніе послѣднихъ дней жизни своего друга, который умиралъ спокойно, невозмутимо, какъ можетъ только умирать человѣкъ съ просвѣтленной мыслью и чистой совѣстью. «Сила духа и твердость Юма, — пишетъ онъ, — были такъ велики, что самые близкіе друзья его нисколько не стѣснялись говорить съ нимъ и писать къ нему, какъ къ умирающему человѣку, и онъ не только не огорчался этимъ, но напротивъ, подобное обращеніе скорѣе ласкало его чувство и доставляло ему удовольствіе... Онъ говорилъ, что чувствовалъ себя вполне удовлетвореннымъ и что, прочитывая въ послѣдніе дни Лукіановы «Диалоги мертвыхъ», онъ не могъ подыскать для себя ни одного извиняющаго обстоятельства, съ которымъ онъ могъ бы обратиться къ Харону и попросить его не торопиться съ переправой. У него нѣтъ дома, который нужно было бы достроить, нѣтъ дочери, о которой ему нужно было бы еще позаботиться, у него нѣтъ враговъ, которымъ онъ хотѣлъ бы отомстить за свои обиды. «Я не могъ себѣ представить, сказалъ онъ, какое бы обстоятельство я могъ привести Харону въ оправданіе своей просьбы дать мнѣ маленькую отсрочку. Я сдѣлалъ все важное, что только намѣревался сдѣлать когда либо, и я никогда не могъ рассчитывать оставить своихъ родственниковъ и друзей въ положеніи лучшемъ, чѣмъ я оставляю ихъ теперь. Слѣдовательно, у меня есть всѣ основанія умереть довольнымъ». Потомъ онъ сталъ придумывать разныя забавныя оправданія, какія онъ могъ бы привести Харону и разные отвѣты на нихъ со стороны послѣдняго «По дальнѣйшемъ размышленіи, сказалъ онъ, я подумалъ, что могъ бы сказать ему: «добрый Харонъ, я занятъ исправленіемъ своихъ трудовъ для новаго изданія; повремени же немного, чтобы я могъ посмотрѣть, какъ публика отнесется къ нимъ». Но Харонъ отвѣтилъ бы: «когда ты увидишь это, то захочешь сдѣлать новыя исправленія. И такимъ просьбамъ не будетъ конца; входи-ка, почтенный другъ, въ ладью». Но я всетаки продолжалъ бы настаивать: «Потерпи немного, добрый Харонъ! Я старался открыть глаза людямъ. Если я проживу еще нѣсколько годовъ, можетъ быть я увижу паденіе нѣкоторыхъ изъ господствующихъ системъ суевѣрія и такимъ образомъ буду удовлетворенъ за свои труды». Но Харонъ, поте-

*

рявъ всякое терпѣніе и снисхожденіе, закричалъ бы: «Ахъ, ты, праздношатающійся плутъ! Этого не случится въ продолженіи многихъ сотенъ лѣтъ. Не воображаешь ли ты, что я тебѣ дамъ отсрочку на столь продолжительное время? Входи сію же минуту въ ладью, лѣнтяй, праздношатающійся плутъ». Черезъ 18 дней послѣ этой бесѣды роковая болѣзнь сдѣлала свое дѣло: Юма не стало. До послѣдней минуты онъ не измѣнилъ себѣ и умеръ, какъ подобаешь умереть отважному честному человѣку. «Такъ умеръ, — говоритъ Смитъ, — нашъ самый лучший, на вѣки незабвенный другъ, относительно философскихъ мнѣній котораго люди несомнѣнно будутъ разно судить, — одни одобрять, другіе порицать ихъ, смотря по тому, окажутся ли они согласными или несогласными съ ихъ собственными мнѣніями; но относительно личности и поведенія котораго едва ли можетъ быть разногласіе въ мнѣніяхъ».

Со смертью Юма положеніе Смита значительно измѣнилось. Съ одной стороны, не стало его ближайшаго друга; не стало человѣка, по дружбѣ съ которымъ Смитъ до сихъ поръ былъ главнымъ образомъ извѣстенъ. Съ другой стороны, онъ самъ становился теперь великой извѣстностью. Правда, трудъ его былъ замѣченъ сначала только людьми избранными; тѣ-же, противъ кого онъ былъ направленъ, не обратили вниманія на разсужденія какого-то шотландскаго мыслителя, ex-профессера. Поэтому онъ и не вызвалъ рѣзкихъ, свирѣлыхъ нападокъ, какъ это случилось позже, уже послѣ смерти Смита. Но зато избранные сразу оцѣнили книгу и признали въ ея авторѣ великаго мыслителя. Вскорѣ послѣ выхода ея Смитъ былъ приглашенъ на званый обѣдъ, на которомъ присутствовали Питтъ, Гренвилль, Аддингтонъ и другіе. Питтъ воскликнулъ: «Мы будемъ стоять, пока вы не сядете, такъ какъ всѣ мы — ваши ученики!» Понятно, что даже необычайно скромному Смиуту захогѣлось теперь побывать въ Лондонѣ и прислушаться, чтѣ говорили о немъ въ столицѣ. Онъ располагалъ, хотя скромнымъ, но постояннымъ доходомъ въ 300 фунтовъ (3000 р.), назначенныхъ ему въ видѣ пенсіи опекунами его воспитанника герцога Веклея. Суммы этой при его аккуратной жизни было вполне достаточно, и потому онъ, не стѣсняясь денежными соображеніями, могъ удовлетворить своему любопытству. Въ Лондонѣ онъ перезнакомился съ выдающимися людьми того времени, хотя повидимому далеко не со всѣми у него установились пріязненные отношенія. Такъ, онъ не ладилъ съ Джонсономъ, царившимъ въ тѣ времена въ нѣкоторыхъ лондонскихъ салонахъ; по разсказамъ, между ними

произошло даже довольно грубое столкновение. Да этого можно было бы ожидать, такъ какъ Джонсонъ представлялъ прямую противоположность Юму и, слѣдовательно, долженъ былъ казаться антипатичнымъ и его ближайшему другу Смиту. Въ Лондонѣ Смитъ прожилъ два года. И что же онъ вывезъ отуда въ концѣ концовъ? Назначеніе на службу по таможенному вѣдомству!.. Герцогъ Бѣклей исключоталъ ему мѣсто таможеннаго чиновника въ Единбургѣ. Смиту было въ это время 55 лѣтъ, — возрастъ, въ которомъ многіе ученые еще бодро работаютъ. Какимъ же это образомъ люди не нашли работы, болѣе подходящей для только что взошедшаго экономическаго свѣтила? Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ по мысли Смита будутъ рѣшаться важнѣйшіе государственные вопросы, онъ, мертвый, будетъ руководить изъ могилы политикой и притомъ не одной Великобританіи; а теперь, живой, долженъ прочитывать исходящія и входящія бумаги, подписывать ихъ, исполнять скучнѣйшія и довольно таки бессмысленныя обязанности таможеннаго чиновника въ провинціальномъ городѣ! Незавидная участь! Однако Смитъ принялъ это назначеніе по видимому безъ ропота и неудовольствія. Мало того, онъ становится дѣйствительнымъ чиновникомъ, хотя и не особенно старательнымъ. Съ назначеніемъ въ Единбургъ онъ совсѣмъ пересталъ работать надъ тѣми вопросами, которые его занимали до тѣхъ поръ. Онъ ничего не написалъ и ничего новаго не напечаталъ, ограничиваясь просмотромъ своихъ прежнихъ трудовъ для новыхъ изданій. Между тѣмъ онъ далеко еще не выполнилъ намѣченной имъ нѣкогда грандіозной схемы. Казалось бы успѣхъ, выпавшій на долю «Теоріи нравственныхъ чувствъ» и «Исслѣдованій о богатствѣ народовъ», долженъ былъ бы побуждать продолжать работу дальше и дальше. Но очевидно умственные силы его истощились, и онъ не чувствовалъ себя въ состояніи выполнить колоссальный планъ предположенной работы. Къ тому же не стало лучшаго друга, который принималъ неизмѣнное участіе во всѣхъ его работахъ. Вообще это совпаденіе: смерть Юма и прекращеніе дальнѣйшей ученой и писательской дѣятельности Смита, — фактъ значительный и любопытный.

Въ Единбургѣ Смитъ вель открытую, общественную жизнь, любилъ принимать у себя друзей и часто бывалъ въ обществѣ. Самъ онъ никогда не отличался говорливостью, но, вызванный на разговоръ, раздражался обыкновенно цѣлымъ потокомъ словъ и, благодаря своему обширному чтенію и прекрасной памяти,

могъ обсуждать любой предметъ съ какихъ угодно сторонъ. Полемики онъ вообще избѣгалъ, да и поводовъ къ ней при жизни его не было. Разъ только на него напалъ одинъ изъ представителей англиканской ортодоксіи за письмо по поводу смерти Юма; Смитъ отвѣчалъ молчаніемъ.

Въ 1784 году умерла его мать, а въ 1788 г.—кузина, жившая вмѣстѣ съ нимъ въ Эдинбургѣ. Потеря матери, съ которой онъ прожилъ нераздѣльно цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ, была для него очень чувствительна. Онъ остался въ одиночествѣ, особенно тяжеломъ для стараго человѣка. Здоровье его стало видимо разрушаться. Въ 1787 году Глазговскій университетъ избралъ его своимъ почетнымъ ректоромъ. Смитъ былъ очень обрадованъ такимъ вниманіемъ. «Никакое повышеніе въ чинахъ,—писалъ онъ,—не могло бы доставить мнѣ такого полного и дѣйствительнаго удовлетворенія. Нѣтъ человѣка, который былъ бы обязанъ какому нибудь учрежденію больше, чѣмъ я—Глазговскому университету. Онъ воспиталъ меня. Онъ послалъ меня въ Оксфордъ. Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Шотландію онъ избралъ меня въ число своихъ членовъ, а затѣмъ предоставилъ мнѣ кафедру, которая, благодаря способностямъ и добродѣтели Хѣтчесона, пользовалась большой извѣстностью. Эти тридцать лѣтъ своей профессорской дѣятельности я вспоминаю, какъ самые полезные и, слѣдовательно, самые счастливые, и самые достопочтенные годы въ своей жизни. И теперь мысль о томъ, что мои старые друзья и покровители вспомнили обо мнѣ столь лестнымъ образомъ послѣ моего двадцати-трехлѣтняго отсутствія, доставляетъ мнѣ сердечную радость, выразить которой спокойно я не могу вамъ». Безцвѣтно протекали всѣ эти годы жизни Смита, хотя онъ и не дожилъ еще до того, что называется собственно старческимъ возрастомъ. Извѣстная сухость, отсутствіе того глубокаго животворящаго чувства, которое, подобно руднику, просачивающемуся черезъ сумрачную каменную глыбу, порождаетъ жизнь и движеніе повсюду, куда только проникаетъ онъ, замѣтны не только въ холодныхъ произведеніяхъ, но и въ самомъ характерѣ Смита. Простой, снисходительный, любезный человѣкъ,—трудно даже сказать, испытывалъ ли онъ когда либо любовь или гнѣвъ? Извѣдалъ ли онъ силу страстей? Позналъ ли онъ муки, которыми сопровождается рожденіе всего новаго? Едвали и едвали. Это былъ несомнѣнно уравновѣщенный человѣкъ. Но какъ онъ достигалъ и поддерживалъ это свое равновѣсіе? Мы видѣли, что онъ уклонился

отъ представившагося ему случая, единственный кажется разъ, вступить въ полемику, хотя его прямо вызывали на то и хотя поднятый вопросъ стоилъ того. Мы видѣли также, что онъ отказался исполнить просьбу друга своего, потому что побоялся затронуть страсти человѣческія, которыя онъ всячески старался обходить. А между тѣмъ дѣло шло несомнѣнно и о его собственныхъ убѣжденіяхъ. Кто знаетъ, не побоялся ли бы онъ, сохраненія ради своего спокойствія и уравновѣшенности, опубликовать и «Исслѣдованія о богатствѣ народовъ», если бы опасался, что они тотчасъ же вызовутъ великую распрю и доставятъ ему не славу, а бѣдствія, непріятности, вражду? Да, въ личности Смита мало геройскаго, возвышеннаго. Но онъ обладалъ необычайной силой анализа и потому въ той сферѣ, куда по счастью направилась его мысль, онъ могъ совершить по истинѣ великое дѣло. Едва ли мы погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что свою характеристику благоразумнаго человѣка въ «Теоріи нравственныхъ чувствъ» Смитъ составилъ по своей собственной особѣ. «Благоразуміе не допускаетъ насъ, — говоритъ онъ, — рисковать нашимъ здоровьемъ, нашимъ благосостояніемъ, нашимъ вліяніемъ, нашимъ добрымъ именемъ... Оно больше заботится о сохраненіи уже приобрѣтенныхъ выгодъ, чѣмъ о приобрѣтеніи еще большихъ... Благоразумный человѣкъ не долженъ стараться обмануть въ своихъ достоинствахъ ни лицемѣріемъ, ни наглымъ напыщеннымъ педантствомъ, ни нахальнымъ, безстыднымъ шарлатанствомъ. Онъ не долженъ тщеславиться даже своими дѣйствительными дарованіями. Рѣчь его должна отличаться скромностью и безыскусственностью... Онъ опирается на дѣйствительныя заслуги и пренебрегаетъ средствомъ для снисканія расположенія литературныхъ кружковъ, выдающихъ себя за непогрѣшимыхъ судей въ искусствахъ и наукахъ, — кружковъ, раздающихъ извѣстность дарованіямъ и достоинствамъ и готовыхъ ославить всякаго, кто осмѣлится не признать ихъ приговора... Благоразумный человѣкъ всегда искрененъ... но онъ не всегда бываетъ откровененъ и прямодушенъ; хотя онъ говоритъ только одну правду, но не считаетъ необходимымъ открывать ее, если его не побуждаютъ къ тому его обязанности... Благоразумному человѣку незнакома горячая, страстная, но почти всегда непостоянная дружба... Его дружба состоитъ въ постоянной и неизмѣнной привязанности къ небольшому числу испытанныхъ и избранныхъ людей, въ привязанности, основанной не на легкомысленномъ поклоненіи блестящимъ и ослѣпляющимъ

качествамъ, а на благоразумномъ уваженіи скромныхъ добродѣтелей... Благоразумный человѣкъ не любитъ шумнаго общества; оно возмутило бы правильное теченіе его жизни и его занятій и нарушило бы жизненную простоту и умѣренность его жизни... Благоразумный человѣкъ относится съ осторожнымъ уваженіемъ ко всемъ принятымъ обычаямъ... Онъ не согласится пристать ни къ одной изъ враждующихъ сторонъ, онъ ненавидитъ партіи. Онъ боится безпокойства и отвѣтственности, связанныхъ съ веденіемъ общественныхъ дѣлъ». Такимъ именно благоразумнымъ человѣкомъ былъ повидимому Смитъ въ своей личной и общественной жизни.

Смитъ умеръ въ 1790 году 67 лѣтъ, проболѣвъ довольно значительное время отъ завала кишекъ. Его похоронили на томъ же кладбищѣ, гдѣ покоился уже прахъ Давида Юма, недалеко отъ послѣдняго. Друзья снова сошлись въ мѣстѣ вѣчнаго упокоенія и размѣстились тамъ соотвѣтственно своему значенію. Юмъ поконится на возвышенности, у подножья которой—могила Смита, покрытая копотью и дымомъ новой промышленной жизни, развившейся послѣ того, какъ начала, возвѣщенный въ «Исслѣдованіяхъ о богатствѣ народовъ», стали примѣняться на дѣлѣ.

Смитъ строго относился къ обработкѣ своихъ трудовъ и поэтому многія рукописи, какъ рассказываютъ, были имъ уничтожены еще при жизни. Нѣсколько же оставшихся отрывковъ, касающихся разныхъ вопросовъ, но долженствовавшихъ, по крайней мѣрѣ существеннѣйшіе изъ нихъ, составить по окончательной обработкѣ одно цѣлое, были опубликованы послѣ смерти Смита подъ заглавіемъ «Опыты по философскимъ вопросамъ». О нихъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА III.

Адамъ Смитъ, какъ писатель и мыслитель: «Теорія нравственныхъ чувствъ» и мелкія произведенія.

Обширные планы Смита.—Сдѣланное.—Пріемъ, употребленный Смитомъ.—Недостатокъ систематической разработки.—Изученіе нравственныхъ явленій до Смита.—Взглядъ Юма на нравственность.—Оптимизмъ Смита.—Содержаніе «Теоріи нравственныхъ чувствъ».—Отношеніе Смита къ утилитаристамъ.—Прочія мелкія произведенія Смита.

У Смита былъ грандіозный, чудовищно-грандіозный планъ. Онъ хотѣлъ, ни больше, ни меньше, какъ дать міру цѣлую социальную систему, охватить всѣ стороны дѣятельности человѣка,

какъ соціальной единицы. Онъ хотѣлъ показать, какимъ образомъ уединенный, изолированный человѣкъ (или раса), надѣленный отъ природы немногими способностями, развивается и приобретаетъ многія способности путемъ обденія и сношенія съ такими же другими людьми (или расами); какимъ образомъ изъ дикаря-шотландца незапамятныхъ временъ вырабатывается просвѣщенный шотландецъ XVIII столѣтія. Понятно, что грандіозное зданіе, задуманное Смитомъ вѣроятно еще въ дни юности, не было построено, не было заложено даже общаго основанія. Смитъ приступилъ прямо къ постройкѣ отдѣльныхъ частей и вывелъ два довольно законченные притвора, далеко впрочемъ не одинаковой красоты, солидности и прочности. Одинъ изъ нихъ, первый по времени постройки, посвященъ началу безкорыстія; это этика Смита, его «Теорія нравственныхъ чувствъ». Другой—началу личной выгоды, это его политическая экономія, его «Ислѣдованія о богатствѣ народовъ». Отъ остальныхъ работъ остались только благія начинанія: тамъ заложенъ фундаментъ, тамъ выведена стѣна, тамъ положено лишь нѣсколько кирпичей. Языкъ, астрономія, физическія науки, логика, метафизика, юридическія науки, поэзія, музыка, живопись (такъ называемыя Смитомъ подражательныя искусства) и вѣроятно многое другое, все это должно было имѣть свои болѣе или менѣе просторные притворы. Но рука строителя устала и передъ нами—лишь заготовленный матеріалъ или робкія начинанія. «Великое литературное чудо и то,—говоритъ Беджотъ,—что изъ столь чудовищной схемы, по столь многочисленнымъ абстрактнымъ вопросамъ получилось нѣчто цѣлое, мало того, получилось нѣчто такое, что въ продолженіи цѣлаго столѣтія составляетъ основное руководство по вопросу о торговлѣ (trade) и деньгахъ».

Итакъ, въ двухъ своихъ главныхъ произведеніяхъ Смитъ смотритъ на явленія съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. То онъ становится на точку зрѣнія безкорыстія, исключаетъ всякіе другіе мотивы дѣятельности и показываетъ, какимъ образомъ человѣкъ, руководясь безкорыстіемъ, устраиваетъ и свою жизнь, и жизнь другихъ людей къ общему благополучію. То онъ становится на точку зрѣнія корысти, исключаетъ всякіе безкорыстные мотивы и показываетъ, какимъ образомъ человѣкъ, руководясь исключительно личной пользой, содѣйствуетъ общему благополучію. Понятно, что въ первомъ случаѣ ему приходится имѣть дѣло съ явленіями главнымъ образомъ моральнаго характера, а во

второмъ—съ явленіями экономическаго характера. Но Смитъ прекрасно понималъ, что въ дѣйствительности люди не руководятся ни исключительно безкорыстными мотивами, ни исключительно корыстными. Человѣческая жизнь слишкомъ сложное явленіе, чтобы ее можно было втиснуть въ такія узкія рамки. Съ другой стороны однако эта самая чрезвычайная сложность жизни дѣлала до сихъ поръ тщетнымъ всякія научныя попытки охватить ее всю въ цѣломъ однимъ общимъ взглядомъ. Только великіе поэты поднимались иногда, благодаря своей непосредственной прозорливости, до такого синтезиса. Поэтому люди науки нерѣдко прибѣгаютъ къ приему, употребленному Смитомъ. Они искусственно изолируютъ явленія и обсуждаютъ ихъ съ какойнибудь исключительной точки зрѣнія. Выводы получаются конечно лишь приблизительно вѣрныя; но они тѣмъ ближе къ истинѣ, чѣмъ шире точка зрѣнія, съ какой ученый разсматриваетъ явленія, и чѣмъ онъ осторожниѣе, безпристрастнѣе относится къ изучаемымъ явленіямъ, не позволяя себѣ насиловать ихъ дѣйствительный характеръ. Наконецъ, чтобы получить полную систему, цѣльное воззрѣніе, необходимо выводы, полученные путемъ такого исключительнаго анализа, сопоставить и такъ или иначе связать въ одно цѣлое. И опять таки это задача настолько трудная, что многіе сознательно или бессознательно отказываются отъ нея и, придерживаясь какойнибудь одной исключительной точки зрѣнія, строятъ одностороннія, уродливыя системы.

Смитъ не сдѣлалъ такой ошибки; но зато у него начала безкорыстія и корысти такъ и остались не объединенными какимъ либо общимъ принципомъ. Мало того, каждая изъ двухъ его главныхъ работъ сама по себѣ также не представляетъ системы въ строгомъ смыслѣ слова. Скорѣе это серія, рядъ отдѣльныхъ очерковъ, связанныхъ одной общей мыслью, а не система, развиваемая шагъ за шагомъ, приводящая въ порядокъ и подчиненіе отдѣльныя части. Все это въ особенности примѣнимо къ «Теоріи нравственныхъ чувствъ». Но даже и въ «Исслѣдованіяхъ о богатствѣ народовъ» нельзя видѣть системы политической экономіи, хотя они заключаютъ въ себѣ почти всѣ основныя мысли для построенія такой системы. Что же касается до перваго изъ названныхъ сочиненій Смита, то оно вовсе не представляетъ системы нравственности, и если посмотрѣть на него съ этой точки зрѣнія, то оно теряетъ даже всякое значеніе и интересъ.

Въ «Теоріи нравственныхъ чувствъ» много прекрасныхъ очерковъ по отдѣльнымъ вопросамъ, глубокихъ мыслей, любопытныхъ наблюдений; написаны они, по свидѣтельству англійскихъ критиковъ, замѣчательно легкимъ и яснымъ языкомъ (чего къ сожалѣнію нельзя сказать о неточномъ русскомъ переводѣ), пересыпаны массой поясненій, иллюстрацій, какъ и вообще все, что писалъ Смитъ; такъ что, еслибы онъ обработалъ ихъ по плану отдѣльныхъ «опытовъ», то это было бы одно изъ наиболѣе читаемыхъ произведеній въ Англии даже въ настоящее время. Но теоріи, системы, ученія тамъ вовсе не ищите. Смитъ писалъ въ то время, когда этическіе вопросы только что начали выдѣляться изъ массы другихъ вопросовъ и подвергаться самостоятельному обслѣдованію. Работы эти носили еще однако въ большинствѣ случаевъ метафизическій характеръ. Положеніе Гоббса, высказанное за сто слишкомъ лѣтъ до появленія сочиненія Смита, о зависимости общественной нравственности отъ политическихъ учрежденій вызвало оппозицію. Одни настаивали на самоочевидности нравственныхъ принциповъ, на ихъ внутренней убѣдительности независимо отъ разсматриванія ихъ, какъ законовъ, установленныхъ всемогущимъ правителемъ; другіе, во главѣ съ Локкомъ, утверждали, что уразумѣть нравственныя предписанія, которыя они считали божественнымъ установленіемъ, возможно только путемъ изученія человѣческихъ отношеній. Вторыхъ можно считать родоначальниками замѣчательной школы англійскихъ моралистовъ, извѣстной подъ именемъ утилитаризма, школы, которая брала исходной точкой своихъ построеній начало пользы. Локкъ перенесъ въ психологію, такъ называемый, индуктивный методъ изслѣдованія; онъ обратился къ изученію явленій; онъ шелъ отъ частнаго къ общему и считалъ необходимымъ оправданіе гипотезы фактами. А такъ какъ этическіе вопросы находятся въ тѣснѣйшей связи съ психологическими, то этимъ же методомъ стали пользоваться и при разсмотрѣніи вопросовъ нравственнаго поведенія. Шефтсбери первый изъ моралистовъ явно и сознательно принимаетъ психологическій опытъ за основаніе этики. Въ трудахъ Юма, Гартлея и Адама Смита это стремленіе достигаетъ наибольшаго развитія, и этика, можно сказать, поглощается психологіею. Въ ихъ изслѣдованіяхъ на первомъ планѣ стоитъ не вопросъ о нравственномъ поведеніи, а вопросъ о томъ, какимъ образомъ могутъ быть объяснены съ научной точки зрѣнія нравственныя чувства.

Въ философскомъ отношеніи Смитъ больше всего обязанъ другу своему Юму. Онъ раздѣлялъ его основные взгляды, и «Теорія нравственныхъ чувствъ» построена на молчаливомъ допущеніи тѣхъ же психологическихъ основаній, которыя Юмъ развивалъ открыто въ своихъ трактатахъ. Въ области нравственныхъ явленій Юмъ признаетъ за основной фактъ чувство одобренія или порицанія, испытываемое нами въ различныхъ случаяхъ. При объясненіи этого чувства онъ сильно склоняется въ сторону утилитаристовъ. Онъ утверждаетъ напримѣръ, что единственно только размышленіе объ общей пользѣ и интересахъ заставляеть насъ одобрять такія чувства, какъ вѣрность, справедливость, правдивость и многія другія важнѣйшія добродѣтели, но въ концѣ концовъ онъ не находитъ возможнымъ построить всю нравственность на основаніи пользы и обращается къ чувству симпатіи. Болѣе обстоятельное развитіе и примѣненіе этой, такъ сказать, теоріи симпатіи и представляетъ сочиненіе Смита. Прежде чѣмъ излагать содержаніе его или, вѣрнѣе, по отсутствію собственно ученія въ этомъ произведеніи, привести просто нѣсколько наиболѣе характерныхъ образцовъ, мы остановимъ вниманіе читателя на одной любопытной особености въ міровоззрѣніи Смита.

Этотъ скромный философъ былъ превеликимъ оптимистомъ. Онъ смотрѣлъ черезъ розовыя очки не только на промышленную дѣятельность людей, гдѣ, по его мнѣнію, свободная игра личныхъ интересовъ неизбежно ведетъ къ общему благоденствію, но и на жизнь вообще. «Если мы изслѣдуемъ,—говоритъ онъ,—общіе законы, по которымъ распредѣляются въ этомъ мірѣ добро и зло то найдемъ, что несмотря на кажущійся беспорядокъ въ этомъ распредѣленіи, каждая добродѣтель находитъ свое вознагражденіе и вознагражденіе самое приличное для ея поощренія». Трудъ вознаграждается успѣхами; справедливость, добросовѣстность, челоуѣколюбіе—довѣріемъ, уваженіемъ, любовью окружающихъ людей и т. д. Бываютъ конечно исключенія изъ этого общаго правила, безъ исключеній вѣдь нельзя; но они рѣдки и общій характеръ жизни отъ этого нисколько не измѣняется. Не думайте, что такое всеобщее благополучіе царитъ только въ сферѣ невещественныхъ отношеній. Нѣтъ, оптимизмъ Смита не смущается даже самыми рѣзкими матеріальными диссонансами. «Въ сущности богатые,—говоритъ философъ,—потребляютъ не болѣе, чѣмъ бѣдные, несмотря на свою алчность и свой эгоизмъ, несмотря на то, что они имѣютъ въ виду только личные интересы, несмотря на то,

что они стараются удовлетворить только своимъ пустымъ и ненасытнымъ желаніямъ, употребляя для этого тысячи рукъ, тѣмъ не менѣе они раздѣляютъ съ послѣднимъ чернорабочимъ плоды работъ, производимыхъ по ихъ приказанію. Повидимому какая-то незримая рука принуждаетъ ихъ принимать участіе въ такомъ же распредѣленіи предметовъ, необходимыхъ для жизни, какое существовало бы, если бы земля была распредѣлена поровну между всѣми населяющими ея людьми; такимъ образомъ безъ всякаго преднамѣреннаго желанія и вовсе того не подозревая, богатый служитъ общественнымъ интересамъ и распространенію чело-вѣческой природы. Провидѣніе, раздѣливъ, такъ сказать, землю между небольшимъ числомъ знатныхъ людей, не позабыло и о тѣхъ, кого оно съ виду только лишило наслѣдства, такъ что они получаютъ свою долю изъ всего, что производится землею. Что же касается до того, что составляетъ истинное счастье, то они нисколько не стоятъ ниже тѣхъ, кто повидимому поставленъ выше ихъ. Относительно физическаго здоровья и душевнаго спокойствія всѣ слои общества находятся почти на одинаковомъ уровнѣ, и нищій, грѣющійся на солнышкѣ подъ заборомъ, пользуется безопасностью и беззаботностью, которой такъ домогаются короли». Это уже поистинѣ стоическій оптимизмъ, съ тою лишь разницею, что Смитъ не относился къ матеріальному благополучію съ высоты величія, а напротивъ придавалъ ему большое значеніе. Наконецъ, возставая противъ чрезмѣрнаго состраданія, онъ заявляетъ: «Эта преувеличенная симпатія къ бѣдствіямъ, которыя намъ неизвѣстны, прежде всего безумна и неосновательна. Оглянитесь кругомъ: на одного страдающаго и несчастнаго вы найдете двадцать чело-вѣкъ въ полномъ здравіи и счастіи, или по меньшей мѣрѣ въ сносномъ положеніи». Такъ профессоръ Смитъ охлаждаетъ пылъ чрезмѣрно сострадательныхъ людей. Вѣроятно ихъ было слишкомъ много вокругъ него... Или, вѣрнѣе, не страдалъ ли нашъ профессоръ нѣкоторымъ недостаткомъ зрѣнія въ этомъ отношеніи, такъ называемымъ дальтонизмомъ? Обратимся однако къ содержанию его «*Теоріи нравственныхъ чувствъ*».

При изслѣдованіи нравственныхъ принциповъ, говоритъ Смитъ, приходится рѣшать два главные вопроса. Во-первыхъ, въ чемъ состоитъ добродѣтель или, иначе, какой душевный складъ и какой образъ поведенія заслуживаетъ похвалы. И во-вторыхъ, какая сила, или какая способность души заставляетъ насъ отдавать предпочтеніе тому или другому поведенію, называть одно правиль-

нымъ, другое — порочнымъ, разсматривать одно, какъ предметъ одобренія, уваженія и награжденія, а другое — какъ предметъ порицанія, неодобренія и наказанія. вмѣстѣ со многими другими мыслителями Смитъ полагаетъ, что «добродѣтель состоитъ въ точномъ соотвѣтствіи между чувствами, побуждающими насъ къ поступку, и причиной или предметами, вызвавшими это чувство». Но онъ находитъ, это опредѣленіе недостаточно полнымъ. Всякое чувство или душевное движеніе, предшествующее дѣйствію, можно разсматривать съ двухъ различныхъ сторонъ, или въ двухъ различныхъ отношеніяхъ: во первыхъ по отношенію къ причинѣ, которая вызываетъ его, а во-вторыхъ по отношенію къ цѣли, которую имѣетъ оно въ виду, или къ дѣйствію, которое оно стремится произвести. Въ первомъ случаѣ мы судимъ о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи поступка, а во-второмъ — о его благотворныхъ или пагубныхъ послѣдствіяхъ, и ободряемъ или осуждаемъ его. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы даваемое Смитомъ опредѣленіе добродѣтели отличалось ясностью. Зато онъ долго останавливается на психологическомъ описаніи отдѣльныхъ добродѣтельныхъ и недобродѣтельныхъ поступковъ, и эти описанія бывають нерѣдко удачны и занимательны. Справедливость, по его мнѣнію, отличается отъ другихъ добродѣтелей тѣмъ, что соблюденіе ея не предоставлено на произволь человѣка, что она можетъ быть вынуждена насильственно. «Мы строже связаны обязанностью руководиться справедливостью, чѣмъ дружбою, состраданіемъ, великодушіемъ; исполненіе послѣднихъ трехъ добродѣтелей предоставлены въ нѣкоторомъ родѣ на нашу волю, между тѣмъ какъ мы чувствуемъ себя обязанными, связанными, вынужденными положительнымъ обязательствомъ поступать справедливо. Мы сознаемъ, что это можетъ быть потребовано отъ насъ, и что насиліе противъ насъ въ этомъ отношеніи будетъ встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ. Ничего подобнаго мы не можемъ сказать о прочихъ добродѣтеляхъ». «Человѣкъ, нарушившій священнѣйшія права справедливости, не можетъ подумать безъ страха, стыда и отчаянія о чувствахъ, которыя онъ возбудилъ въ прочихъ людяхъ. По удовлетвореніи страсти, приведшей его къ преступленію, когда онъ начинаетъ сознавать свое поведеніе, онъ не можетъ одобрить ни одного побужденія, руководившаго его поступками. Онъ становится столь же ненавистнымъ въ собственныхъ глазахъ, какъ и въ глазахъ прочихъ людей; онъ пробуждаетъ къ себѣ ужасъ въ людяхъ. «Онъ страдаетъ отъ одной мысли о по-

ложеи, въ которое онъ поставилъ пострадавшаго; онъ сожалѣтъ о пагубныхъ послѣдствiяхъ своей страсти; онъ сознаетъ, что вызвалъ противъ себя общественное негодованiе и что за этимъ должны естественно слѣдовать мщенiе и наказанiе. Мысль эта проникаетъ въ глубину его души и наполняетъ его страхомъ и ужасомъ. Онъ не смѣетъ смотрѣть никому прямо въ лицо, онъ считаетъ себя отверженнымъ изъ общества и лишеннымъ навсегда расположенiя людей. Всюду онъ видитъ однихъ только враговъ и онъ готовъ бѣжать въ безлюдную пустыню, чтобы только укрыться отъ человѣческаго образа, который можетъ напомнить ему о преступленiи. Но одиночество еще ужаснѣе для него, чѣмъ сообщество людей. Его преслѣдуютъ самыя ужасныя, самыя отчаянныя мысли, предсказывающiя ему собственную гибель и ничтожество. Страхъ, одиночество гонятъ его снова въ общество... Вотъ въ чемъ состоитъ угрызенiе совѣсти, самое ужасное изъ чувствъ, посѣщающее сердце человѣческое...» Мы привели этотъ отрывокъ, какъ образчикъ литературныхъ и философскихъ достоинствъ «Теорiи нравственныхъ чувствъ». Въ такомъ родѣ написана вся книга, но основную тему ея составляетъ не опредѣленiе добродѣтели, а изслѣдованiе того начала, которымъ обусловливается наше отношенiе къ поступкамъ.

По мнѣнiю однихъ, говоритъ Смитъ, мы одобряемъ или не одобряемъ поступки, какъ собственные, такъ и чужiе, смотря по тому, какое значенiе они имѣютъ для нашего счастья или для нашей пользы: по мнѣнiю другихъ, руководящимъ началомъ въ этомъ случаѣ является разумъ; по мнѣнiю третьихъ наконецъ — особенное нравственное чувство. Смитъ не удовлетворяется ни однимъ изъ этихъ принциповъ и выставляетъ симпатiю, какъ общее основанiе, опредѣляющее наше отношенiе къ поступкамъ. Всякое моральное сужденiе, по его мнѣнiю, есть выраженiе симпатiи безпристрастнаго зрителя къ тѣмъ побужденiямъ, которыми вызывается дѣйствиe. Нравственность или безнравственность мыслимы только въ обществѣ. Еслибы человѣкъ не былъ общественнымъ существомъ, то онъ не могъ бы судить о поступкахъ съ моральной точки зрѣнiя. Только наблюдая за поведенiемъ другихъ людей, мы начинаемъ составлять свои первыя сужденiя о нравственности. Наблюденiе совершается при помощи симпатiи (сочувствiя или состраданiя), когда мы становимся на мѣсто наблюдаемаго лица и представляемъ себѣ, что онъ испытываетъ. Если чувства и страсти извѣстнаго лица находятся въ полномъ соотвѣтствiи съ симпатiями посторонняго наблюдателя, то послѣднiй обязательно при-

знаетъ ихъ правильными и законными; если же напротивъ такого соотвѣтствія не оказывается, то онъ считаетъ ихъ незаконными, неправильными, несоотвѣтствующими причинамъ, вызывающимъ ихъ. Одобрять чувства и мнѣнія другого лица значить находить, что мы имъ вполне сочувствуемъ; не одобрять, — значить находить, что мы имъ не вполне сочувствуемъ. Приложение этой основной мысли къ различнымъ чувствамъ и страстямъ составляетъ главное содержаніе «Теоріи нравственныхъ чувствъ». Для того, чтобы достигнуть дѣйствительнаго соотвѣтствія въ чувствахъ, часто требуется извѣстнаго рода усиліе, какъ со стороны лица, которому сочувствуютъ, такъ и со стороны лица, которое сочувствуетъ. Первое дѣлаетъ усиліе, чтобы овладѣть своими эмоціями или, по крайней мѣрѣ, выраженіемъ ихъ и дать возможность второму, свидѣтелю, стать на его точку зрѣнія; а это второе лицо, свидѣтель, дѣлаетъ усиліе, чтобы войти въ положеніе человѣка, испытывающаго извѣстныя ощущенія. Перваго рода усилія, когда они поражаютъ насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нравятся намъ, даютъ начало «почтеннымъ добродѣтелямъ самоотверженія и самообладанія»; а второго рода, когда они проявляются съ изысканной и неожиданной нѣжностью и кротостью, порождаютъ мягкія добродѣтели человѣколюбія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ посторонній зритель симпатизируетъ не только чувству человѣка, но во-первыя, — удовольствію, которое доставляетъ человѣколюбіе, и во-вторыхъ — признательности, которую оно возбуждаетъ. Изъ симпатіи къ признательности (благодарности) возникаетъ наше сознаніе заслуги, достоинства добродѣтельныхъ поступковъ.

Свое начало симпатіи Смитъ прилагаетъ къ самымъ разнообразнымъ положеніямъ и объясняетъ имъ не только отношенія между отдѣльными людьми, но и различныя общественныя установленія, сословныя различія, обычаи, нравы, уголовные законы и т. д. Затѣмъ онъ переноситъ свое изслѣдованіе въ сферу самосознанія и подвергаетъ изученію «происхожденіе и причины нашихъ сужденій о нашихъ собственныхъ поступкахъ и чувствахъ». Мы можемъ судить о своихъ поступкахъ, только отрѣшившись отъ самихъ себя; мы должны, такъ сказать, раздвоиться въ своемъ сознаніи. Одна часть насъ становится воображаемымъ наблюдателемъ, цѣнителемъ и судьей, руководящимся законами симпатіи и антипатіи; а другая — тѣмъ существомъ, поступки котораго подлежатъ оцѣнкѣ. Посторонніе наблюдатели могутъ ошибаться въ своихъ похвалахъ и порицаніяхъ; но внутреннему наблюдателю ближе извѣстны всѣ обстоятельства. Люди испытываютъ не полное, по-

верхностное удовлетвореніе отъ уваженія и удивленія, которыя воздаются имъ по ошибочной оцѣнкѣ ихъ поступковъ. Они желаютъ не только быть любимыми, но и быть дѣйствительно достойными любви; они желаютъ не только похвалы, но заслуженной похвалы, т. е. быть достойными похвалы, хотя бы никто и не хвалилъ ихъ. При этомъ слѣдуетъ однако замѣтить, что страданіе, причиняемое намъ незаслуженнымъ порицаніемъ, превосходитъ обыкновенно удовлетвореніе, испытываемое нами отъ незаслуженной похвалы. «Природа, создавая человѣка для общественной жизни,—говоритъ Смитъ,—одарила его желаніемъ нравиться ближнимъ и опасеніемъ оскорбить ихъ. Она побуждаетъ его радоваться ихъ расположенію или страдать отъ ихъ непріязни. Она устроила такимъ образомъ, чтобы одобреніе прочихъ людей само по себѣ было для него приятно и лестно, а неодобреніе ихъ неприятно и оскорбительно». Но этого мало, чтобы сдѣлать человѣка пригоднымъ для общественной жизни. «Поэтому природа не ограничилась тѣмъ, что одарила его желаніемъ одобренія, она внушила ему еще желаніе быть достойнымъ одобренія. Первое могло бы побудить человѣка казаться годнымъ для общественной жизни; второе было необходимо, чтобы дѣйствительно побудить его къ пріобрѣтенію свойствъ, требуемыхъ подобной жизнью. Первое побуждало бы его лишь къ тому, чтобы скрывать свои пороки и притворяться добродѣтельнымъ, и только второе могло внушить ему настоящую любовь къ добродѣтели и настоящее отвращеніе къ пороку». Выше человѣческаго суда стоитъ судъ своей собственной совѣсти, судъ «воображаемаго, безпристрастнаго и просвѣщеннаго посторонняго свидѣтеля, судъ, отыскиваемый каждымъ человѣкомъ въ глубинѣ своего сердца и служащій верховнымъ посредникомъ и вершителемъ всѣхъ нашихъ дѣйствій. Приговоры обоихъ этихъ судовъ основаны на началахъ хотя сходныхъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и близкихъ другъ съ другомъ, но тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности различныхъ и неодинаковыхъ. Власть надъ нами мнѣнія прочихъ людей основана на желаніи похвалы и на опасеніи порицанія. Власть же совѣсти основана на желаніи заслуженной похвалы и на отвращеніи къ заслуженному порицанію... Если мнѣнія прочихъ людей одобряетъ и восхваляетъ насъ за поступки, которыхъ мы не дѣлали, за чувства, которыя не побуждали насъ къ этимъ поступкамъ, то совѣсть наша тотчасъ же унижаетъ въ насъ гордость, вызванную похвалами, и говоритъ намъ, что такъ какъ намъ извѣстны собственныя наши заслуги, то мы заслуживаемъ презрѣнія за все, что

принимаемъ сверхъ слѣдуемаго намъ. Если люди упрекаютъ насъ въ пошлостяхъ, которыхъ мы не дѣлали, въ побужденіяхъ, которыя нисколько не руководили нами, то внутренній голосъ совѣсти исправляетъ ложное мнѣніе постороннихъ людей и показываетъ намъ, что мы ни въ какомъ случаѣ не заслуживаемъ несправедливо направленаго противъ насъ осужденія». Но въ подобныхъ случаяхъ внутренній человѣкъ нерѣдко бываетъ пораженъ и смущенъ жестокостью и криками постороннихъ людей; естественное пониманіе того, что заслуживаетъ похвалы, и того, что заслуживаетъ порицанія, «притупляется и приходитъ въ оцѣпенѣніе», совѣсть никнетъ подъ напоромъ всеобщаго порицанія и негодованія. Съ другой стороны, присутствіе постороннихъ людей и ихъ сужденія бываютъ часто необходимы, чтобы пробудить въ человѣкѣ сознаніе своего долга, и если безпристрастныхъ свидѣтелей нѣтъ на лицо, а присутствующіе относятся къ человѣку съ пристрастіемъ и потворствомъ, то нравственныя чувства легко могутъ быть извращены. Низкій уровень партійной и международной нравственности сравнительно съ личной объясняется, по мнѣнію Смита, именно этимъ обстоятельствомъ. Извращеніе нашей совѣсти происходитъ не только при отсутствіи безпристрастныхъ постороннихъ свидѣтелей, но и вслѣдствіе нашихъ собственныхъ эгоистическихъ страстей, приводящихъ насъ къ несправедливымъ и насильственнымъ поступкамъ. Мы нерѣдко сами потворствуемъ себѣ. Къ счастью природа не отдала насъ всецѣло во власть самолюбивыхъ самообольщеній; она поставила на стражѣ нашего поведенія «общія правила нравственности». «Въ основаніи ихъ легло то, что постоянно одобрялось или порицалось въ цѣломъ рядѣ частныхъ случаевъ нашими нравственными способностями, нашимъ чувствомъ приличія и достоинства». Разъ эти правила были выработаны и установлены, они составили, такъ сказать, общій кодексъ, къ которому обращаются люди въ затруднительныхъ случаяхъ. «Наше уваженіе къ общимъ правиламъ и есть собственно такъ называемое *чувство долга*, начало, имѣющее весьма важное значеніе въ человѣческой жизни, единственное начало, которымъ вся масса человечества способна руководствоваться въ своихъ поступкахъ». «Безъ такого священнаго уваженія къ правиламъ нравственности не было бы возможности разсчитывать ни на чье поведеніе». Въ дальнѣйшемъ изложеніи Смитъ останавливается на вліяніи пользы, обычаевъ и моды на наше чувство одобренія или неодобренія въ дѣлахъ нравственности; онъ отводитъ много мѣста характеристикѣ

добродѣтельнаго человѣка, руководящагося въ своихъ поступкахъ благоразуміемъ, справедливостью, великодушіемъ и самообладаніемъ, и въ заключеніе даетъ очеркъ различныхъ системъ нравственной философіи.

Мы скажемъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи Смита къ утилитаристамъ. Онъ не считалъ возможнымъ вывести всю нравственность изъ принципа пользы. Въ системахъ, «выводящихъ принципъ одобренія изъ нашего личнаго интереса», онъ находитъ «много смутнаго и неопредѣленнаго». Польза сопровождаетъ всякую добродѣтель, а не порождаетъ ее, и этотъ элементъ полезности придаетъ особенную силу и прелесть добродѣтели. Когда утилитаристы развиваютъ свою идею пользы, то «читатель,—говоритъ Смитъ,—восхищается новостью и широтою выставляемыхъ передъ нимъ воззрѣній; онъ различаетъ въ добродѣтели новую красоту, а въ пороки—новое безобразіе; онъ приходитъ въ такой восторгъ... что у него не остается даже охоты подумать, что такъ какъ всѣ эти политическія соображенія о полезности никогда не приходятъ ему въ голову, то они и не могутъ быть источникомъ того одобренія или неодобренія, какія до этого воздавались имъ добродѣтели и пороку». Философы, полагавшіе въ основаніи нравственности принципъ пользы, близко подходили, по мнѣнію Смита, къ понятію симпатіи; но они смутно представляли его себѣ и не могли формулировать. «Система, выводящая всѣ наши страсти и всѣ наши чувства изъ любви къ самому себѣ,—говоритъ онъ,—система, надѣлавшая въ мірѣ столько шума, но ни разу еще достаточно полно и ясно не развитая, возникла, мнѣ кажется, изъ неправильнаго и смутнаго пониманія системы симпатіи». Свое начало симпатіи Смитъ во всякомъ случаѣ не считаетъ возможнымъ свести ни на начало пользы, ни на начало эгоизма. Она представляетъ болѣе широкое понятіе. Такимъ образомъ Смитъ не былъ утилитаристомъ, но вмѣстѣ съ Юмомъ они расчистили почву и подготовили ее для развитія новѣйшей утилитарной школы въ Англіи въ лицѣ Бентама и его послѣдователей.

Мы уже говорили, что, кромѣ «Исслѣдованій о богатствѣ народовъ» и «Теоріи нравственныхъ чувствъ», отъ Смита осталось еще нѣсколько произведеній, недоконченныхъ работъ и отрывковъ. Они не имѣли и не имѣютъ серьезнаго значенія. Три работы, изъ которыхъ первая—самая большая по объему: по исторіи астрономіи, по исторіи физическихъ наукъ въ древнія времена и по исторіи логики и метафизики въ древнія времена, носятъ между

прочимъ одно общее заглавіе: «*Принципы, лежащія въ основаніи философскихъ изслѣдованій*». Очевидно, онѣ должны были составить одно цѣлое.

Имѣя въ виду свою обширную схему, Смитъ приступалъ къ выполненію ея съ разныхъ концовъ. Этюду по исторіи астрономіи предпосланы общія разсужденія о чувствѣ удивительнаго и чудеснаго, а также о возникновеніи философіи; но и эта работа осталась неоконченною, хотя ее только одну изъ всѣхъ оставленныхъ рукописей Смитъ считалъ стоящей изданія и то больше, какъ отрывокъ изъ задуманнаго въ юности труда. Два же другіе отрывка занимаютъ по нѣсколько страницъ и не имѣютъ никакого общаго значенія. Въ «*Разсужденіи относительно первоначальнаго образованія языковъ*», законченной работы, Смитъ обнаруживаетъ свою обычную способность пояснять примѣрами устанавливаемые положенія. Онъ доказываетъ, что языкъ становится тѣмъ проще по своимъ основнымъ правиламъ и принципамъ, чѣмъ сложнѣе онъ дѣлается по своему строенію, и проводитъ параллель между постепеннымъ усовершенствованіемъ языка и постепеннымъ усовершенствованіемъ машины; какъ въ машинномъ дѣлѣ, такъ и въ языкѣ обнаруживается стремленіе множество отдѣльныхъ силъ и началъ замѣнять одною силою, однимъ принципомъ, вызывающимъ множество послѣдствій. Однако эти упрощенія вмѣсто того, чтобы дѣлать средства, которыми располагаетъ языкъ для достиженія своей цѣли, болѣе совершенными, дѣлаютъ ихъ на самомъ дѣлѣ менѣе совершенными. Въ этюдѣ «*О подражаніи, проявляющемся въ такъ называемыхъ подражательныхъ искусствахъ*» Смитъ толкуетъ о живописи, скульптурѣ, музыкѣ, танцахъ, поэзій съ точки зрѣнія подражанія, которое лежитъ въ основаніи ихъ и сопоставляетъ эти искусства одни съ другими; по стилю этотъ этюдъ сильно напоминаетъ «Теорію нравственныхъ чувствъ», но, рассматриваемый въ цѣломъ, онъ долженъ быть поставленъ много ниже послѣдняго произведенія. Наконецъ намъ остается упомянуть еще объ опытѣ Смита о «*Вниманіи чувствъ*» и «*О сходствѣ между нѣкоторыми англійскими и итальянскими стихами*». Всѣ эти работы въ настоящее время интересны лишь, какъ свидѣтельство того, насколько широки и разнообразны были умственные интересы мыслителя, положившаго основанія такой дѣловой и узкой, по мнѣнію многихъ, науки, какъ политическая экономія. Отъ вопросовъ о бытіи міра до вопросовъ о танцахъ все интересовало его. Такимъ именно бываетъ и долженъ быть всякій

мыслитель, создающій эпоху въ общемъ ходѣ развитія человѣческой мысли.

ГЛАВА IV.

Адамъ Смитъ, какъ писатель и мыслитель: «Изслѣдованія о богатствѣ народовъ».

Методъ. — Содержаніе. — *Два первыхъ книги* «Изслѣдованій». Раздѣленіе труда. — Обмѣнъ. — Драгоценныя металлы. — Мѣновая цѣнность. — Трудъ, какъ мѣрило мѣновой цѣнности. — Дѣйствительная и нарицательная цѣна. — Составныя части, изъ которыхъ она слагается. — Естественная и рыночная цѣна. — Заработная плата. — Прибыль на капиталъ. — Поземельная рента. — Интересы землевладѣльцевъ, рабочихъ, капиталистовъ.

Хотя, такъ называемая, классическая политическая экономія ведетъ свое начало отъ Адама Смита, однако этотъ великій мыслитель не повиненъ въ ея абстрактныхъ блужданіяхъ и погрѣшностяхъ. Бокль потратилъ не мало усилій, чтобы доказать, что методъ «Богатства народовъ» — чисто дедуктивный. Но въ этомъ случаѣ самъ Бокль былъ увлеченъ дедукціей. Онъ построилъ свой выводъ главнымъ образомъ на двухъ слѣдующихъ посылкахъ: во-первыхъ, всѣ мыслители-шотландцы, въ противоположность мыслителямъ-англичанамъ, слѣдовали дедуктивному методу и, во-вторыхъ, политическая экономія — наука дедуктивная. Подъ вліяніемъ этой предвзятой мысли Бокль просмотрѣлъ конкретный характеръ «Богатства народовъ» и приписалъ необычныя заслуги «діалектическому искусству», съ какимъ Смитъ изслѣдовалъ предметъ своей книги. Между тѣмъ всякаго читателя, не предубѣжденнаго въ пользу того или другого метода въ политической экономіи, при чтеніи этой книги поражаетъ первымъ дѣломъ необычная способность автора къ наблюденію надъ общественными явленіями и его чрезвычайно обширное по тому времени знакомство съ фактами прошедшей и современной жизни. Вы почувствуете широчайшій умъ, охватывающій массу явленій, — умъ, проникающій до костей дѣйствительной природы явленій и описывающій ихъ съ ясностью, которой не удалось превзойти никому изъ послѣдующихъ самостоятельныхъ политико-экономовъ. Вы не встрѣтите у Смита разсужденій, старательно нанизываемыхъ съ той цѣлью, чтобы получить тѣ или другіе выводы изъ отвлеченныхъ положеній; но зато встрѣчаетесь на каждомъ шагѣ съ фактами и чувствуете непосредственное соприкосновеніе мысли автора

съ дѣйствительной, реальной жизнью. Только благодаря такому конкретному характеру, книга эта имѣла необычайный успѣхъ въ дѣловыхъ политическихъ сферахъ и стала со временемъ руководствомъ для выдающихся государственныхъ дѣятелей. Обсуждая вопросъ за вопросомъ, Смитъ все больше и больше входитъ въ частности и какъ бы вовсе не заботится объ общихъ отвлеченныхъ заключеніяхъ. Нѣкоторые изъ писателей не хотятъ даже признать цѣльность и связность въ его великомъ произведеніи. Такъ онъ въ дѣйствительности былъ далекъ отъ пресловутаго *дедукціонизма*, прославившаго впоследствии нѣкоторыхъ изъ его якобы учениковъ. Не слѣдуетъ однако впадать въ противоположную крайность и искать въ «Богатствѣ народовъ» примѣненія индуктивнаго метода и, того менѣе еще, историческаго. У Смита есть свои обобщенія, свои послышки, изъ которыхъ онъ исходитъ или, вѣрнѣе, которыми онъ освѣщаетъ явленія; у него есть, однимъ словомъ, своя гипотеза. Безъ этого все изслѣдованіе обратилось бы въ простой наборъ фактовъ. Гипотеза только тогда становится зломъ, когда ею пользуются для того, чтобы дѣлать разные выводы, выкладки безотносительно къ дѣйствительности. Отвлеченная гипотеза — зло, если она является, такъ сказать, господиномъ въ разсужденіяхъ, а не слугою, средствомъ. Она зло, если находится въ противорѣчьи съ всеобщими фактами человѣческой или внѣшней природы. Въ противномъ случаѣ, она вполне законное и плодотворное средство для разысканія истины. Такой послышкой въ «Богатствѣ народовъ» является утвержденіе, что человѣкъ въ своихъ матеріальныхъ дѣлахъ руководится выгодною и что личная выгода есть самый надежный компасъ не только въ личной, но и въ общественной жизни. Эти утвержденія, если придать имъ исключительный характеръ и приложить къ нимъ дедуктивный методъ, могутъ привести къ нелѣпнымъ и даже чудовищнымъ, съ человѣческой точки зрѣнія, выводамъ, что и случилось съ ортодоксальными послѣдователями классической политической экономіи. Но если имѣть въ виду такой строй общественной и личной жизни, въ которомъ личная выгода является на самомъ дѣлѣ основнымъ импульсомъ дѣятельности и въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ царитъ самая строгая правительственная регламентація экономической дѣятельности, и если при этомъ, не довѣряя дедукціи, поставить на первое мѣсто наблюденіе, — то тѣ-же исходныя утвержденія приведутъ къ совершенно инымъ выводамъ. Адамъ Смитъ при помощи своей гипотезы сдѣлалъ по истинѣ ве-

лика открытія въ области политической экономіи. А что ученые филистеры превратили эту гипотезу въ злополучный символъ вѣры буржуазнаго міросозерцанія, въ этомъ вина не Адама Смита и не его гипотезы.

Итакъ, будучи истинно великимъ мыслителемъ, Адамъ Смитъ пользуется и индуктивнымъ, и дедуктивнымъ методомъ, а вѣрнѣе *сознательно* не пользуется ни тѣмъ, ни другимъ, какъ мы ихъ понимаемъ теперь. По крайней мѣрѣ онъ нигдѣ не говоритъ о своемъ методѣ. Проницательный глазъ, ясный и широкій умъ и то чутье дѣйствительности, которое свойственно всѣмъ великимъ людямъ, ученымъ, поэтамъ, общественнымъ дѣятелямъ, — вотъ чѣмъ онъ руководился въ своемъ изслѣдованіи, а не заманчивой стройностью того или другого метода.

Содержаніе «*Изслѣдованій о народномъ богатствѣ*» — чрезвычайно разнообразно. Простое перечисленіе наиболѣе крупныхъ изъ разсмотрѣнныхъ Смитомъ вопросовъ занимаетъ у Бокля страницу слишкомъ большого формата. Все сочиненіе, состоящее изъ пяти книгъ, можно раздѣлить по содержанію на четыре части. Первые двѣ книги посвящены основнымъ вопросамъ; это — теоретическая часть, то, что собственно понимаютъ подъ политической экономіей. Въ третьей книгѣ Смитъ занимается исторіей земледѣлія, исторіей возникновенія и развитія городовъ послѣ паденія Римской имперіи и изслѣдуетъ вліяніе торговой дѣятельности и промышленныхъ городовъ на земледѣліе сельскихъ округовъ. Въ четвертой онъ трактуетъ о политико-экономическихъ системахъ, рассматриваетъ и опровергаетъ меркантильную теорію и ученіе физиократовъ. Въ пятой — говоритъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ, о налогахъ и вмѣшательствѣ государства. Такимъ образомъ если въ первыхъ двухъ книгахъ Адамъ Смитъ излагаетъ основныя политико-экономическія понятія, то въ остальныхъ трехъ онъ «дѣлаетъ попытку примѣнить свою теорію къ рѣшенію вопроса объ отношеніи государства къ народному хозяйству».

Теоретическая часть открывается разсужденіемъ о *раздѣленіи труда*. Выяснивъ значеніе раздѣленія труда, Адамъ Смитъ сдѣлалъ цѣлое открытіе и сдѣлалъ такъ, что его послѣдователямъ немного пришлось прибавить къ сказанному по этому поводу учителемъ. Годичный трудъ народа есть первоначальный и основной источникъ, снабжающій всѣхъ предметами потребленія и удобства. Народъ бываетъ болѣе или менѣе удовлетворительно снабженъ этими предметами, смотря по отношенію между количествомъ про-

изведеній труда или предметовъ, обмѣниваемыхъ за эти произведенія; и числомъ потребителей. Количество производимыхъ въ данномъ обществѣ предметовъ зависитъ, во-первыхъ, отъ числа людей, занимающихся въ немъ полезными работами, а, во-вторыхъ и главнѣйшимъ образомъ, отъ искусства, быстроты и смысленности, съ какими вообще производится работа, т. е. отъ производительности труда. Главнѣйшее же условіе производительности труда составляетъ его раздѣленіе. Раздѣленіе труда даетъ огромное приращеніе въ количествѣ работы, благодаря, во-первыхъ, увеличенію ловкости каждаго отдѣльнаго работника, во-вторыхъ, сбереженію времени, уходящаго обыкновенно на переходы отъ одного занятія къ другому, и, въ-третьихъ, изобрѣтенію машинъ, облегчающихъ и сокращающихъ трудъ и доставляющихъ возможность одному человѣку исполнять дѣло нѣсколькихъ. Какимъ-же образомъ человѣкъ приходитъ къ мысли о раздѣленіи труда? Не путемъ-ли сознательныхъ размышленій о той громадной пользѣ, которую оно принесетъ для всѣхъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Смитъ, на раздѣленіе труда не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на результатъ человѣческой мудрости; «оно было необходимымъ, хотя и весьма медленнымъ и постепеннымъ послѣдствіемъ извѣстнаго стремленія, свойственнаго всѣмъ людямъ, помимо какой бы то ни было заранѣе рассчитанной общей выгоды,—стремленія, побуждающаго ихъ къ торгу, къ обмѣну одной вещи на другую». Животное, достигнувъ полнаго развитія, становится вполне независимымъ; человѣкъ же постоянно нуждается въ помощи ближнихъ; положиться на ихъ благорасположеніе было бы очень рискованно; поэтому онъ обращается къ ихъ выгодѣ и говоритъ имъ: дайте мнѣ то, что мнѣ нужно, и вы получите отъ меня то, что вамъ нужно. «Большая часть всѣхъ столь необходимыхъ для насъ услугъ получается именно такимъ образомъ». «Итакъ, увѣренность въ возможности обмѣнять весь излишекъ своихъ собственныхъ произведеній на такія произведенія другихъ людей, въ которыхъ человѣкъ можетъ испытывать нужду, побуждаетъ его избрать какое либо исключительное занятіе и воспитывать, и совершенствовать всѣ свои способности къ этому отдѣльному роду занятій». Что касается природныхъ различій въ способностяхъ людей, то они на самомъ дѣлѣ гораздо менѣе значительны, чѣмъ мы то обыкновенно себѣ представляемъ. «Различіе между людьми, посвятившими себя самымъ противоположнымъ занятіямъ, между мыслителемъ напримѣръ и носильщикомъ, повидимому менѣе вытекаетъ изъ ихъ природы,

чѣмъ изъ привычекъ и воспитанія. Прежде чѣмъ они приступили къ своимъ занятіямъ, въ первыя шесть или восемь лѣтъ ихъ жизни, между тѣмъ и другимъ существовало быть можетъ такое сходство, что ни родители, ни товарищи не находили между ними замѣтнаго различія. Около этого возраста или вскорѣ послѣ него они обращены были къ совершенно различнымъ занятіямъ. Съ этихъ поръ началось между ними несходство, мало по малу увеличивавшееся до того, что философъ, по своему тщеславію, соглашается уже съ трудомъ признать хотя бы одну черту сходства между собою и черноработчимъ». Такимъ образомъ наблюдаемое нами различіе въ способностяхъ есть не столько причина, сколько слѣдствіе раздѣленія труда, вызываемаго стремленіемъ къ обмѣну услугъ. Этому же самому инстинктивному стремленію мы обязаны и тѣмъ, что разнообразіе нашихъ способностей становится полезнымъ для всѣхъ вообще. «Многія животныя породы, принимаемыя за одинъ видъ, получили отъ природы отличительныя свойства и различныя склонности, несравненно болѣе замѣтныя, чѣмъ тѣ, какія замѣчаются между людьми, прежде чѣмъ окажутъ на нихъ свое дѣйствіе привычка и воспитаніе. По природнымъ свойствамъ между философомъ и носильщикомъ ятъ и половины того различія въ дарованіяхъ и умственныхъ способностяхъ, какое существуетъ между дворовою собакою и борзою, между борзою и лягавою, между послѣднею и овчаркою. Тѣмъ не менѣе различныя породы эти, хотя и принадлежащія одному и тому же виду, не приносятъ другъ другу никакой пользы... Каждое животное принуждено поддерживать и защищать свое существованіе отдѣльно и независимо отъ другихъ и не въ состояніи извлечь ни малѣйшей пользы отъ разнообразія въ склонностяхъ, разлитого природою по всей породѣ. Между людьми, напротивъ того, самыя противоположныя дарованія оказываются полезными одни для другихъ», благодаря благодѣтельной наклонности къ обмѣну.

Возникшее раздѣленіе труда развивается въ зависимости отъ размѣровъ возможнаго обмѣна, т. е. отъ величины *рынка*, на которомъ могутъ быть обмѣниваемы произведенія раздѣленнаго труда. Если рынокъ не великъ, то никому не будетъ выгодно заниматься однимъ только дѣломъ, такъ какъ невозможно будетъ обмѣнять всего излишка произведенныхъ предметовъ, а слѣдовательно и получить всѣ тѣ предметы потребленія, которыхъ человекъ самъ не производитъ. Поэтому человеку приходится, соображаясь съ рынкомъ, заниматься однимъ или многими дѣлами. Въ городѣ мо-

гутъ существовать отдѣльный мясникъ, булочникъ, пивоваръ и т. д.; но въ глухой, отдаленной деревнѣ нѣтъ мѣста для приложенія ихъ раздѣленнаго труда, и каждый хозяинъ долженъ быть собственнымъ мясникомъ, булочникомъ, пивоваромъ и т. д. Естественно, что раздѣленіе труда сильнѣе развивается въ странахъ приморскихъ или располагающихъ хорошими рѣчными сообщеніями, чѣмъ въ странахъ, лишенныхъ такихъ природныхъ преимуществъ, такъ какъ всякое облегченіе сообщенія равносильно расширенію рынка. Чѣмъ сильнѣе развивается раздѣленіе труда, тѣмъ меньше каждый отдѣльный человѣкъ производитъ предметовъ, необходимыхъ для своего личнаго потребленія, и тѣмъ больше онъ долженъ вымѣнять такихъ предметовъ на произведенія собственнаго труда. «Такимъ образомъ каждый человѣкъ живетъ мѣною и становится какъ бы купцомъ, а все общество обращается собственно въ общество торгующихъ людей». Но на первыхъ ступеняхъ развитія такого оживленнаго обмѣна должно было встрѣтиться множество затрудненій. «Положимъ, что у одного человѣка болѣе предметовъ потребленія, чѣмъ сколько ему нужно, между тѣмъ какъ другой чувствуетъ въ нихъ недостатокъ. Вслѣдствіе этого первый охотно промѣнялъ бы часть своего избытка, а послѣдній съ такою же готовностью купилъ бы ее. Но если, по несчастью, послѣдній не имѣетъ ничего изъ того, что нужно первому, то между ними не можетъ произойти никакого обмѣна». Чтобы выйти изъ такого затрудненія, предусмотрительнымъ людямъ оставалось только запастись въ обмѣнъ на собственныя произведенія такими предметами, которые хотя бы и не нужны были въ данное время для ихъ собственнаго потребленія, но на которые другіе люди охотно мѣняютъ свои произведенія. Съ этой цѣлью были перепробованы въ разные времена и въ разныхъ странахъ различные предметы: скоть, соль, раковины, сушеная рыба, табакъ, сахаръ и т. д. Въ концѣ концовъ несомнѣнная выгода побудила людей остановиться на *драгоценныхъ металлахъ*. Дѣйствительно, «металлы представляютъ въ этомъ отношеніи то удобство, что по прочности своей не только могутъ сохраняться съ наименьшею потерей сравнительно съ чѣмъ бы то ни было, но могутъ еще дѣлиться безъ ущерба на какое угодно число частей, а эти части могутъ быть снова слиты и обращены въ одну массу; свойства этого не имѣетъ никакой другой товаръ, одинаковый съ ними прочностью, и это-то преимущество дѣлаетъ ихъ орудіемъ, болѣе всего удобнымъ для торговли и обращенія». Съ теченіемъ

времени слитки металловъ подвергаются установленной чеканкѣ, и *монета* входитъ во всеобщее употребленіе, какъ орудіе обмѣна. Но монета, деньги представляютъ только орудіе мѣны, самая же мѣна совершается по законамъ. въ основаніи которыхъ лежитъ понятіе о *цѣнности*. «Ученіе о цѣнности, — говоритъ г. Чупровъ, — занимаетъ главную часть «Богатства народовъ» и составляетъ существенную заслугу ея автора». Слово цѣнность имѣетъ два значенія: оно обозначаетъ полезность извѣстнаго предмета и указываетъ на его покупательную силу. Въ первомъ случаѣ мы получаемъ потребительную цѣнность, а во второмъ — мѣновую. «Цѣнность каждой вещи, — говоритъ Смитъ, для хозяина ея, если онъ не думаетъ пользоваться ею или употреблять ее самолично, а намѣренъ промѣнять ее на другую вещь, равна количеству труда, какое онъ можетъ купить или заказать за нее». «Дѣйствительная цѣнность каждой вещи, т. е. то, что на самомъ дѣлѣ стоитъ вещь тому, кто желаетъ приобрести ее, — это есть трудъ и усилія, какіе необходимо употребить, чтобы приобрести ее. А дѣйствительная цѣнность вещи для того, кто приобрѣлъ ее и желаетъ сбыть или промѣнять за другую вещь. — есть трудъ и усилія, которые могутъ быть получены отъ другихъ людей при ея содѣйствіи».

Такимъ образомъ *трудъ* составляетъ дѣйствительное мѣрило мѣновой цѣнности всякаго предмета мѣны. Но какъ опредѣлить отношеніе между двумя различными количествами труда? Тутъ пришлось бы принимать въ расчетъ не только время, но и ловкость, дарованія и т. п. Въ виду чрезвычайной затруднительности подобныхъ расчетовъ, а также того, что людямъ гораздо чаще приходится обмѣнивать товаръ на товаръ, чѣмъ товаръ на трудъ или трудъ на трудъ, для измѣренія мѣновой цѣнности принимается сначала какой либо изъ товаровъ, обращающихся на рынкѣ, а затѣмъ драгоценные металлы, деньги. Хотя деньги и становятся всеобщимъ орудіемъ мѣны, однако мѣновая цѣнность ихъ, какъ и всякаго товара, подвергается измѣненіямъ, тогда какъ одно и тоже количество труда во всѣ времена и во всѣхъ странахъ представляетъ одинаковую цѣнность *для работника*, т. е. одинаковую жертву съ его стороны досугомъ, свободой и благополучіемъ при обыкновенномъ состояніи здоровья, силы и дѣятельности и средней степени ловкости и расторопности. Количество предметовъ, получаемыхъ человѣкомъ въ вознагражденіе за трудъ, можетъ измѣняться, но это будетъ указывать лишь на измѣненія въ мѣновой цѣнности этихъ предметовъ, а не на измѣненіе цѣн-

пости самаго труда, которая остается всегда одна и та-же. «Та-кимъ образомъ трудъ, никогда не измѣнялся въ собственной своей цѣнности, есть единственная, дѣйствительная и опредѣленная мѣра, которою всегда и всюду можно оцѣнивать и сравнивать цѣнности различныхъ предметовъ мѣры. Трудъ есть дѣйствительная, а деньги—нарицательная цѣна ихъ». Но *для лица, нанимающаго* работника, трудъ послѣдняго имѣетъ то большую, то меньшую мѣрную цѣнность, смотря по тому, приходится ли давать ему за этотъ трудъ больше или меньше товаровъ; въ дѣйствительности же измѣняется не цѣнность труда, а цѣнность тѣхъ товаровъ, которые приходится отдать за трудъ. Въ этомъ смыслѣ о трудѣ можно сказать, какъ и о всякомъ другомъ товарѣ, что онъ имѣетъ *дѣйствительную и нарицательную цѣну*. Первая состоитъ въ количествѣ предметовъ необходимости или удобства, отдаваемыхъ за трудъ, а вторая—въ количествѣ денегъ. Это различіе между дѣйствительной и нарицательной цѣной предметовъ мѣры имѣетъ нерѣдко весьма важное значеніе на практикѣ. «Одна и та же дѣйствительная цѣна представляетъ одну и ту же цѣнность; но вслѣдствіе видоизмѣненія въ цѣнности золота и серебра одна и та же нарицательная цѣна выражаегъ часто весьма различныя цѣнности». Правда, цѣнность золота и серебра въ малые промежутки времени мало измѣняется. Но если взять двѣ отдаленнѣйшія эпохи, то окажется, что цѣнность хлѣба, этого необходимаго предмета потребленія для работника, претерпѣваетъ меньшія измѣненія, чѣмъ цѣнность золота и серебра; поэтому одинаковое количество хлѣба въ отдаленнѣйшія эпохи ближе, чѣмъ какой либо другой товаръ, представляетъ одинаковое количество труда.

Въ первобытномъ грубомъ состояніи общества, предшествовавшемъ скопленію капиталовъ и обращенію въ собственность земель, мѣровая цѣнность всякаго предмета опредѣлялась повидимому единственно лишь тѣмъ количествомъ труда, какое необходимо потратить на его производство. Продуктъ двухдневнаго или двухчасоваго дня стоилъ вдвое больше продукта, на производство котораго былъ потраченъ одинъ день или одинъ часъ. При этомъ конечно принималась въ расчетъ также ловкость работника и затрудненія, какія ему приходилось преодолѣть. При такомъ порядкѣ вещей произведеніе труда безраздѣльно принадлежитъ работнику. Но съ накопленіемъ разныхъ запасовъ въ отдѣльныхъ рукахъ дѣло мѣняется; запасы эти идутъ на содержаніе рабо-

тающихъ людей, а собственники ихъ предъявляютъ свои права на части цѣнностей, созданныхъ трудомъ. «Цѣнность, придаваемая работникомъ сырому матеріалу, разбивается на двѣ части, изъ которыхъ одна покрываетъ содержаніе работника, а другая служитъ прибылью для предпринимателя на его капиталъ, употребленный на заработанную плату и на приобрѣтеніе сырыхъ матеріаловъ». Безъ такой прибыли собственникъ капитала не сталъ бы затрачивать его на покупку труда и сырыхъ матеріаловъ. Далѣе, «съ того момента, какъ почва какой либо страны обращена въ частную собственность, землевладѣльцы, подобно всѣмъ людямъ, предпочли собирать плоды тамъ, гдѣ не сѣяли, и стали требовать поземельной ренты даже за естественныя произведенія земли. Явилась прибавочная цѣна на дрова, вырубленные въ лѣсу, на траву, скошенную съ луга, и на всѣ естественныя произведенія земли, которыя при общемъ владѣніи землею ничего не стоили, кромѣ труда собирать ихъ». Работникъ долженъ заплатить теперь за позволеніе собирать всѣ эти произведенія; ему приходится теперь уступить собственнику земли часть того, что онъ соберетъ или произведетъ своимъ трудомъ. «Эта часть или, — что то же, — цѣна этой части составляетъ поземельную ренту, которая входитъ какъ третья составная часть въ цѣну большей части товаровъ». Такимъ образомъ, въ современномъ обществѣ источниками дохода служатъ *заработная плата*, доходъ отъ труда, *прибыль на капиталъ*, доходъ на капиталъ (называемый процентомъ, если капиталъ ссужается постороннему лицу), и *поземельная рента*, доходъ отъ земли. Всѣ эти три элемента входятъ въ большей или меньшей мѣрѣ въ цѣну почти всѣхъ товаровъ.

Во всякомъ обществѣ и во всякой мѣстности существуетъ обыкновенный или средній размѣръ заработной платы и прибыли въ различныхъ приложеніяхъ труда и капитала, а также и средній размѣръ ренты. Этотъ обыкновенный или средній размѣръ заработной платы, прибыли и ренты можно назвать естественнымъ для того времени и мѣстности, въ которыхъ онъ преобладаетъ. Соотвѣтственно этому, *естественной* цѣной извѣстнаго предмета можно назвать ту цѣну, которая достаточна для оплаты ренты, прибыли и заработной платы, въ размѣрахъ, необходимыхъ для того, чтобы означенный предметъ появился на рынкѣ. Въ такомъ случаѣ товаръ продается именно за то, что онъ стоитъ, во что онъ дѣйствительно обошелся тому, кто доставилъ его на рынокъ. Къ этой естественной цѣнѣ обыкновенно тяготеетъ существующая

рыночная цѣна товаровъ, то подымаясь, то опускаясь противъ нея, въ зависимости отъ предложенія и спроса. Годовое производство естественно стремится доставить на рынокъ такое именно количество товаровъ, на какое существуетъ спросъ. Но встрѣчаются товары, производство которыхъ монополизировано или вслѣдствіе естественныхъ причинъ (особыхъ условій почвы и т. д.), или въ силу разныхъ привилегій и преимуществъ, раздаваемыхъ правительствомъ отдѣльнымъ лицамъ. Цѣны на такіе товары всегда будутъ стоять выше ихъ естественныхъ цѣнъ; это будутъ самыя высокія цѣны, какія только можно получить. Естественная же цѣна всѣхъ остальныхъ товаровъ, производство которыхъ вполне свободно, есть наименьшая, какую только можно взять въ данное время. Затѣмъ Смитъ переходитъ къ изученію условій, вліяющихъ на величину заработной платы, прибыли и ренты и на ихъ взаимное отношеніе.

Въ первобытномъ состояніи общества, какъ было замѣчено выше, весь продуктъ труда принадлежалъ безраздѣльно работнику. Послѣдній «не зналъ ни землевладѣльца, ни хозяина, съ которыми бы ему приходилось дѣлиться». Если бы такой порядокъ вещей продолжался, то, со всевозрастающимъ раздѣленіемъ труда, рабочій получалъ бы больше и больше (то, что мы называемъ теперь его заработной платой, увеличивалось бы), а предметы становились бы дешевле и дешевле. Но «какъ только земля обратилась въ частную собственность, землевладѣлецъ потребовалъ въ свою пользу почти все количество произведеній, какое земледѣлецъ можетъ возрастить или получить съ нея. Рента его стала первымъ вычетомъ изъ труда, приложеннаго къ землѣ». Затѣмъ потребовалъ своей доли и капиталистъ-фермеръ, снабдившій рабочаго средствами существованія и орудіями производства; эта прибыль на капиталъ составляетъ второй вычетъ изъ труда, приложеннаго къ землѣ. Точно также и въ каждомъ ремеслѣ, во всякой промышленности рабочій въ большинствѣ случаевъ ищетъ хозяина, который далъ бы ему матеріалъ для труда и средства существованія до окончанія работы, и долженъ уступить ему за это часть произведеній своего труда. Бываютъ конечно случаи, когда рабочій соединяетъ въ своемъ лицѣ и хозяина; но они рѣдки. «Обыкновенно же во всѣхъ европейскихъ странахъ на одного независимаго работника приходится двадцать работающихъ на хозяина, и подъ именемъ заработной платы разумѣется повсемѣстно плата, выдаваемая обыкновенно въ та-

комъ случаѣ, когда работникъ и хозяинъ употребляемаго на производство капитала суть два отдѣльныхъ лица». Средняя заработная плата опредѣляется столкновениемъ, борьбою противоположныхъ интересовъ рабочихъ и предпринимателей. Рабочіе стараются выговорить, какъ можно больше, а хозяева — дать, какъ можно меньше. Первые прибѣгаютъ къ стачкамъ для повышенія заработной платы, вторые къ стачкамъ для пониженія ея. «Воображать, замѣчаетъ Смитъ по этому поводу, что хозяева рѣдко сговариваются между собою, значить не знать ни свойствъ этого предмета, ни условій жизни. Хозяева всюду и всегда находятся хотя и въ неслышной, но тѣмъ не менѣе постоянной и неизмѣнной стачкѣ, имѣющей цѣлью не подымать заработной платы выше существующей цѣны на нее... Если въ дѣйствительности мы никогда не слышимъ объ этой стачкѣ, то это потому, что она составляетъ обычное состояніе, можно сказать даже естественный порядокъ вещей, на который никто не обращаетъ вниманія». Этими тайнымъ и явнымъ стачкамъ хозяевъ рабочіе противопоставляютъ свои шумныя забастовки, такъ какъ — «будучи доведены до безвыходнаго положенія, они должны избрать или голодную смерть, или путемъ насилія вырвать у своихъ хозяевъ, какъ можно скорѣе, согласіе на свои требованія». Но есть предѣлъ, ниже котораго не можетъ упасть заработная плата: она должна обезпечить необходимыя средства существованія для рабочаго и его семьи. Она подымается выше этого минимума не въ странахъ самыхъ богатыхъ, а преимущественно въ такихъ странахъ, которыя обнаруживаютъ наибольшій прогрессъ въ своемъ матеріальномъ развитіи. Какъ бы ни была богата страна, но если она остановилась въ своемъ развитіи, то увеличивающееся населеніе рано или поздно низведетъ заработную плату до ея минимальнаго уровня. Въ основѣ этихъ разсужденій Смита лежитъ отвергнутое впоследствии ученіе о заработномъ фондѣ, а также тѣ соображенія, которыя Мальтусъ положилъ въ основаніе своей теоріи о народонаселеніи; только Смитъ признавалъ ихъ условно: народонаселеніе можетъ перерости средства существованія, по его мнѣнію, лишь въ странахъ, остановившихся въ своемъ развитіи.

Увеличеніе или уменьшеніе *прибыли*, получаемой капиталомъ, зависитъ отъ тѣхъ же причинъ, отъ которыхъ измѣняется и размѣръ заработной платы, но только онѣ дѣйствуютъ противоположнымъ образомъ, т. е. прибыль уменьшается въ странахъ, матеріально прогрессирующихъ, и увеличивается съ упадкомъ обще-

ственного благосостоянія. «Скопленіе капиталовъ, поднимающее заработную плату, стремится понизить прибыль. Когда нѣсколько богатыхъ купцовъ обращаютъ свои капиталы на одну и ту же отрасль торговли, то взаимное соперничество между ними естественно приводитъ къ пониженію прибыли, а когда подобное скопленіе капиталовъ произойдетъ во всѣхъ промыслахъ общества, тогда соперничество должно произвести такое же дѣйствіе на всѣ капиталы». О величинѣ прибыли въ данное время и въ данной странѣ можно судить по величинѣ процента, какой соглашаются уплачивать за деньги, взятые въ ссуду. Если мы представимъ себѣ общество, вполнѣ свободное, гдѣ всѣ люди свободно избирали бы себѣ занятіе, то выгоды и невыгоды, проистекающія отъ такого или иного приложенія труда и капитала, были бы равны или по крайней мѣрѣ всегда стремились бы уравниваться. Промыселъ очевидно выгодный привлекалъ бы къ себѣ немедленно такое количество труда и капитала, что быстро уравнивался бы по своей выгодности со всѣми другими промыслами. Отъ менѣ выгоднаго промысла напротивъ и трудъ, и капиталъ отливали бы, какъ только обнаружилась бы его сравнительно меньшая выгодность. Въ дѣйствительности же денежная заработная плата и прибыль бываютъ весьма различны въ различныхъ занятіяхъ; это зависитъ съ одной стороны отъ разныхъ «обстоятельствъ, которыя располагаютъ людское мнѣніе къ данному занятію или, наоборотъ, отвращаютъ отъ него», а съ другой—отъ правительственнаго вмѣшательства. Къ обстоятельствамъ перваго рода относятся: 1) удовольствіе или неудовольствіе, доставляемое занятіемъ, 2) легкость и дешевизна или трудность и дороговизна, сопровождающія его изученіе, 3) постоянство или непостоянство занятія, 4) бѣльшая или меньшая степень довѣрія, возлагаемаго на человѣка, избирающаго занятіе, и 5) степень вѣроятности успѣха или неуспѣха. Въ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ Смитъ обнаруживаетъ, по общему отзыву, необыкновенное искусство; но въ виду недостатка мѣста и большого интереса, представляемаго для насъ вопросомъ о вліяніи правительственнаго вмѣшательства на неравномѣрность вознагражденія, мы остановимся лишь на разсмотрѣніи послѣдняго. Правительство вліяетъ на размѣры заработной платы и прибыли разными путями. Въ однихъ промыслахъ оно стѣсняетъ конкуренцію, а въ другихъ—искусственно усиливаетъ ее и наконецъ разными мѣрами затрудняетъ свободное обращеніе труда и капитала отъ одного промысла къ другому и изъ одной мѣстности въ другую. «Самое

священное и неприкосновенное право собственности,—говорить Смитъ,—есть право на свой собственный трудъ, потому что изъ него вытекають всё прочія права собственности. Все имущество бѣднаго состоитъ въ его силѣ и въ ловкости его рукъ; мѣшать ему употреблять эту силу и эту ловкость такъ, какъ онъ заблагоразсудитъ, если онъ никому не причиняетъ этимъ вреда, есть явное насиліе надъ этою первоначальною собственностью. Это есть вопіющее нарушеніе законной свободы какъ работника, такъ и того, кто захотѣлъ бы дать ему работу; это значить воспрепятствовать одному работать, какъ онъ найдетъ болѣе выгоднымъ для себя, а другому—наимать его работу». Полагая, что собственная польза есть наилучшее руководящее начало для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, Смитъ безусловно возстаетъ противъ всякихъ исключительныхъ цеховыхъ привилегій и противъ всякихъ пошлинъ на иностранныя мануфактурныя произведенія и вообще товары, благодаря которымъ трудъ искусственно отвращается отъ однихъ занятій и направляется къ другимъ. Затѣмъ онъ возстаетъ также и противъ искусственнаго поощренія конкуренціи въ нѣкоторыхъ отрасляхъ дѣятельности посредствомъ подготовки на государственный или общественный счетъ бѣльшаго числа лицъ, посвящающихъ себя этой дѣятельности, чѣмъ было бы ихъ при свободной конкуренціи. «Принималось обыкновенно,—говоритъ онъ,—за дѣло необыкновенной важности воспитывать для нѣкоторыхъ занятій достаточное число молодыхъ людей, такъ что съ этой цѣлью учреждалось то государствомъ, то благотворительностью частныхъ лицъ такое количество заведеній, пансіоновъ, стипендій въ коллегіяхъ и семинаріяхъ, и проч., которое привлекало къ этимъ занятіямъ больше молодыхъ людей, чѣмъ сколько требовалось». На примѣрѣ лицъ, приготовлявшихся къ духовному званію и воспитывавшихся въ большинствѣ на общественныя средства, онъ показываетъ, какъ низко пало тогда ихъ вознагражденіе, благодаря чрезмѣрной конкуренціи. Наконецъ, различными предписаніями правительство нерѣдко ограничиваетъ и стѣсняетъ свободное передвиженіе труда изъ одной мѣстности въ другую, отъ одного промысла къ другому. Высылка,—говоритъ онъ,—человѣка, несовершившаго никакого преступленія, изъ мѣстности, въ которой онъ желаетъ поселиться, есть явное покушеніе на естественную справедливость и свободу человѣка. Законы объ осѣдлости и связанные съ ними законы о бѣдныхъ были настоящимъ общественнымъ бѣдствіемъ для Англіи. Также неосновательны и стѣснительны для труда были и законы, устанавливавшіе размѣръ

заработной платы и цѣны на съѣстные припасы и на нѣкоторые другіе товары. «Тамъ, гдѣ существуютъ исключительныя привилегіи, — замѣчаетъ по этому поводу Смитъ, — быть можетъ и слѣдуетъ назначать цѣну на предметы первой необходимости, но гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ конкуренція установитъ ихъ несравненно лучше, чѣмъ какія бы то ни было мѣры».

Поземельную ренту Смитъ разсматриваетъ, какъ послѣдній элементъ, входящій въ составъ цѣны продуктовъ. Рикардо и послѣдующіе экономисты, какъ извѣстно, отвергаютъ теорію ренты Смита и утверждаютъ, что рента въ дѣйствительности не составляетъ элемента, опредѣляющаго цѣну, а что сама она уплачивается изъ существующихъ цѣнъ на продукты, что она есть слѣдствіе, а не причина цѣны. Смигу вѣроятно была не безъизвѣстна эта теорія, иногда онъ самъ высказываетъ почти тѣ же мысли. Но въ настоящее время и ученіе Рикардо подвергается серьезной критикѣ. Во всякомъ случаѣ, теорія ренты Смита заслуживаетъ того, чтобы мы указали здѣсь хотя бы самымъ бѣглымъ образомъ сущность ея. Рента, по мнѣнію Смита, есть цѣна, уплачиваемая за пользованіе землею, и притомъ цѣна наивысшая, какую только въ состояніи заплатить арендаторъ, слѣдовательно цѣна монопольная. Заключая условіе съ арендаторомъ, землевладелецъ старается ограничить его доходъ количествомъ произведеній, необходимыхъ для покрытія расходовъ по покупкѣ сѣмянъ, орудій, по содержанію рабочихъ, скота и т. д., да сверхъ того предоставить ему такую прибыль, какую даютъ окрестныя фермы. Все же остальное количество произведеній земли или стоимость ихъ онъ старается оставить за собой, какъ принадлежащій ему доходъ, какъ ренту. «На рынокъ обыкновенно поступаетъ только такая часть произведеній земли, стоимость которыхъ достаточна для выручки капитала, употребленнаго на доставку ихъ на рынокъ, и для покрытія обыкновенной прибыли на этотъ капиталъ. Если обыкновенная цѣна произведеній болѣе, чѣмъ достаточна, то излишекъ естественно войдетъ въ поземельный доходъ. Если она едва достаточна, то произведенія могутъ поступить на рынокъ, но не дадутъ дохода поземельному собственнику. Но будетъ ли она достаточна или болѣе, чѣмъ достаточна, зависитъ отъ спроса». Итакъ, рента входитъ въ составъ цѣны произведеній совершенно инымъ образомъ, чѣмъ заработная плата и прибыль. Высокая или низкая заработная плата и прибыль составляютъ причину высокой или низкой цѣны товаровъ, а высокая или низкая поземельная рента составляетъ слѣдствіе послѣдней.

Общая масса годовой производительности земли въ каждой странѣ разбивается на три части: ренту, прибыль и заработную плату, представляющія доходъ трехъ соответствующихъ классовъ общества: землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ. Доходы этихъ трехъ классовъ доставляютъ въ концѣ концовъ средства существованія всему народонаселенію; но интересы каждаго изъ нихъ въ отдѣльности падаются не въ одинаковомъ отношеніи съ общими интересами населенія. Интересы землевладѣльцевъ, — говоритъ Смитъ, — тѣсно и неразрывно связаны съ интересами всего общества; но, благодаря беззаботной жизни, землевладѣльцы обыкновенно плохо понимаютъ и свое отношеніе къ обществу, и свои собственные интересы. Интересы рабочихъ также не менѣе тѣсно связаны съ интересами всего общества. «Классъ собственниковъ выигрываетъ быть можетъ больше, чѣмъ классъ работниковъ при благосостояніи общества; но ни одинъ классъ не испытываетъ такихъ тяжелыхъ бѣдствій при паденіи общественнаго благосостоянія, какъ работники. Хотя интересы работника находятся въ тѣсной связи съ интересами общества, тѣмъ не менѣе онъ не способенъ ни оцѣнить этихъ интересовъ, ни понять связь ихъ со своими собственными. Его положеніе не доставляетъ ему достаточно времени на приобрѣтеніе необходимыхъ свѣдѣній». Интересы третьяго класса, капиталистовъ, не находятся уже въ такой тѣсной связи съ общими интересами, какъ интересы двухъ первыхъ классовъ. Здѣсь Смитъ дѣлаетъ нѣсколько въ высшей степени любопытныхъ замѣчаній по адресу того класса, который мы называемъ теперь буржуазіею. Занимаясь постоянно разными проэктми и соображеніями, капиталисты отличаются вообще большей проницательностью ума, чѣмъ поземельные собственники; но такъ какъ на первомъ планѣ у нихъ всетаки находятся интересы своего частнаго дѣла, то они обыкновенно не обнаруживаютъ правильнаго пониманія всего того, что касается интересовъ общества, даже при предположеніи полнѣйшаго безпристрастія съ ихъ стороны. «Превосходство ихъ передъ сельскимъ поземельнымъ собственникомъ состоитъ не столько въ основательномъ разумѣніи общественныхъ интересовъ, сколько въ томъ, что они лучше знаютъ собственные свои выгоды, чѣмъ тотъ—свой...» «Всякое предложеніе новаго закона или торговаго постановленія, исходящее отъ этого разряда людей, должно быть встрѣчено съ крайнимъ недоувѣріемъ и можетъ быть принято только послѣ подробнаго и самаго тщательнаго изслѣдованія, произведеннаго не только со всевозможною добросовѣстностью, но и съ самою недоувѣрчивою вниматель-

ностью. Ибо предложеніе это исходитъ отъ класса людей, интересъ которыхъ никогда не можетъ совпадать совершенно съ интересами всего народонаселенія, и состоитъ вообще только въ томъ, чтобы провести общество и даже обременить его, что уже неоднократно и удавалось имъ дѣлать при всякомъ удобномъ случаѣ». Любопытно, что эта пронизательная характеристика была написана наканунѣ того знаменательнаго момента, когда «третье сословіе», прикрываясь великими общечеловѣческими принципами, вступило въ рѣшительную борьбу за свое политическое преобладаніе. И еще любопытнѣе, что Смитъ, не смотря на только что приведенныя разсужденія, болѣе, чѣмъ кто либо другой изъ экономистовъ, содѣйствовалъ своимъ сочиненіемъ торжеству экономическихъ идей этого третьяго сословія.

ГЛАВА V.

Адамъ Смитъ, какъ писатель и мыслитель: «Изслѣдованія о богатствѣ народовъ». (Продолженіе.)

Капиталь.оборотный и основной.—Деньги.—Трудъ производительный и непроизводительный.—Накопленіе.—Проценты на капиталъ.—Различіе капиталовъ по сферѣ ихъ приложенія.—*Третья книга.*—Отзывъ Смита о крупныхъ землевладѣльцахъ—*Четвертая книга.*—Опроверженіе меркантильной системы.—О колоніяхъ и колониальнѣй политикѣ.—Бритика ученя физиократовъ.—Система естественной свободы.—*Пятая книга.*—Функции государства.—Облегченіе торговыхъ сношеній.—Народное образованіе.—Налоги.

Вторая книга «Богатства народовъ» посвящена изученію «природы запасовъ, ихъ накопленія и употребленія». Раздѣленію труда, по естественному ходу вещей, должно предшествовать нѣкоторое накопленіе запасовъ, и дальнѣйшее развитіе раздѣленія труда можетъ совершаться только по мѣрѣ накопленія такихъ запасовъ, дающихъ возможность просуществовать человѣку, занимающемуся однимъ какимъ либо дѣломъ, пока онъ не окончитъ своего издѣлія и не продастъ его. Эти запасы можно раздѣлить на двѣ части: одна предназначена для непосредственнаго потребленія, а другая употребляется для полученія дохода и называется *капиталомъ*. Капиталь въ свою очередь раздѣляется на оборотный и основной. Различія эти примѣнимы къ запасамъ и капиталамъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего общества. Затѣмъ, установивъ различіе между валовымъ и чистымъ доходомъ страны, Смитъ разсматриваетъ функцію *денегъ*, этого «великаго колеса обращенія», доказываетъ выгоду замѣны металлическихъ денегъ бумажными и посвящаетъ обширный очеркъ банковымъ опе-

раціямъ, по поводу котораго Бланки замѣчаетъ, что «нигдѣ мудрыя воззрѣнія Смита не проявились съ такимъ блескомъ, какъ въ этой главѣ, откуда всѣ экономисты черпали основанія для своихъ изслѣдованій о банкахъ». «Нельзя однако не согласиться, — замѣчаетъ между прочимъ Смитъ, — что если торговля и промышленность страны могутъ быть высоко подняты при содѣйствіи бумажныхъ денегъ, тѣмъ не менѣе онѣ поднимаются, такъ сказать, на Икаровыхъ крыльяхъ, и движеніе ихъ не такъ надежно, какъ еслибы оно опиралось на прочную почву, представляемую золотомъ и серебромъ».

При разсмотрѣніи вопроса о накопленіи капитала слѣдуетъ различать *трудъ производительный* отъ *труда непродуцительнаго*; первый производитъ какую-нибудь новую цѣнность въ видѣ матеріальнаго предмета, а второй напротивъ не прибавляетъ ничего къ общей суммѣ матеріальныхъ цѣнностей. «Такимъ образомъ трудъ фабричнаго рабочаго вообще прибавляетъ къ цѣнности обрабатываемаго матеріала стоимость своего содержанія и прибыль хозяина. Трудъ служителя напротивъ не прибавляетъ ничего ни къ какой цѣнности. Первый, не смотря на получаемую имъ задѣльную плату, въ сущности ничего не стоитъ своему хозяину, такъ какъ стоимость задѣльной платы вмѣстѣ съ прибылью входитъ вообще въ цѣнность предмета, къ которому трудъ былъ приложенъ. Но содержаніе, потребленное служителямъ, не возвращается болѣе». Въ такомъ же смыслѣ непродуцителенъ трудъ солдата, чиновника, законовѣда, врача, церковнослужителя, ученаго, актера и т. д. Смитъ не отрицаетъ полезности и важности всѣхъ подобныхъ профессій; онъ утверждаетъ только, что въ указанномъ имъ смыслѣ все это трудъ непродуцительный. Производительные работники содержатся на счетъ капитала, а непродуцительные и люди, вовсе не занимающіеся никакимъ трудомъ, изъ доходовъ націи, изъ ренты и прибыли. Поэтому «отношеніемъ между суммою капиталовъ и суммою доходовъ всюду опредѣляется отношеніе между трудолюбіемъ и тунеядствомъ: гдѣ капиталы превышаютъ доходы, тамъ преобладаетъ трудолюбіе; гдѣ перевѣсъ на сторонѣ доходовъ, тамъ господствуетъ тунеядство». Въ развивающемся промышленномъ обществѣ часть годичнаго производства, откладываемая въ видѣ капитала, становится все больше и больше сравнительно съ тою частью, которая образуетъ доходъ въ видѣ ренты и прибыли. Источникомъ накопленія капитала являются бережливость и расчетливость. Сберечь не значитъ просто удержать не израсходо-

взятой частью дохода. То, что ежегодно сберегается, собственно такъ же потребляется, какъ и то, что дѣйствительно истрачивается. Разница только въ томъ, что «та часть годового дохода, которая ежегодно истрачивается человѣкомъ, потребляется чаще всего бесполезными людьми и прислугою, которые ничего не создаютъ взаменъ того, что потребляется ими». Часть же, ежегодно сберегаемая имъ и поступающая въ капиталъ, чтобы принести пользу, потребляется, хотя почти также быстро, но другимъ классомъ людей, работниками, фабрикантами, ремесленниками, которые воспроизводятъ съ прибылью то, что ежегодно потребляется ими.

Накопленный капиталъ или пускается въ дѣло самимъ владѣльцемъ, или отдается имъ во временное пользованіе постороннему лицу за извѣстные *проценты*, отдается въ ростъ; берущій въ займы въ свою очередь можетъ дать капиталу производительное назначеніе, а можетъ растратить его непроизводительнымъ образомъ. «Изъ всѣхъ людей, которымъ дѣлаются обыкновенно ссуды,—замѣчаетъ Смитъ,—сельскіе землевладѣльцы, получающіе ихъ подъ залогъ своихъ имѣній, представляютъ менѣе всего надежды, что они употребятъ заемъ съ пользою; да и они занимаютъ деньги не съ цѣлью растратить ихъ даромъ: о нихъ можно сказать, что они уже расточали ихъ прежде, чѣмъ заняли»... Заемщикъ, получающій деньги, нуждается собственно не въ деньгахъ самихъ по себѣ, а въ цѣнности ихъ, въ томъ количествѣ предметовъ, которое можно получить за нихъ; точно также и заимодавецъ, ссужающій его, передаетъ не просто деньги, а свое право на извѣстную часть годового производства земли и труда. Поэтому и количество капиталовъ, отдаваемыхъ въ ростъ, опредѣляется не цѣнностью денегъ, бумажками или монетою, а цѣнностью той части годового производства, которая предназначается именно для замѣщенія капиталовъ, неупотребляемыхъ лично самими владѣльцами. Съ увеличеніемъ вообще капиталовъ въ странѣ увеличиваются и капиталы, отдаваемые въ ростъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ получаемый на такіе капиталы процентъ. Онъ падаетъ не только вслѣдствіе общаго закона, по которому рыночная цѣна вещей уменьшается, если количество ихъ увеличивается, но и потому еще, что съ нарастаніемъ капиталовъ становится все труднѣе и труднѣе находить выгодное помѣщеніе для нихъ. Затѣмъ Смитъ разоблачаетъ заблужденіе, котораго не избѣжали даже Локкъ и Монтескье, будто бы процентъ на капиталъ, понизившійся въ большей части Европы послѣ открытія Амери-

ки, упаль, благодаря наплыву золота и серебра изъ новыхъ рудниковъ. Что касается законовъ, опредѣляющихъ и ограничивающихъ величину денежнаго процента, то Смитъ высказывается противъ нихъ. «Опытомъ дознано, — говоритъ онъ, — что подобные законы вмѣсто того, чтобы предупредить злоупотребленія ростовщичествомъ, только увеличивали ихъ, такъ какъ заемщикъ обязанъ въ такомъ случаѣ заплатить не только за употребленіе денегъ, но и за рискъ заимодавца, принимающаго вознагражденіе за пользованіе его деньгами. Заемщикъ обязанъ, такъ сказать, обезпечить своего заимодавца противъ преслѣдованія за ростовщичество».

Всякій капиталъ, какъ замѣчено было выше, идетъ на содержаніе производительнаго труда; иначе онъ перестаетъ быть капиталомъ; но количество труда, которое онъ приводитъ въ дѣйствіе, измѣняется въ зависимости отъ того, къ чему именно онъ прилагается. Наиболѣе выгоднымъ приложеніемъ капитала по количеству приводимаго въ дѣйствіе труда Смитъ считаетъ земледѣліе. Здѣсь производительными работниками являются не только люди, но и рабочій скоть. «Мало того, въ земледѣліи вмѣстѣ съ человѣкомъ работаетъ природа, и хотя трудъ послѣдней достается даромъ, тѣмъ не менѣе то, что производится имъ, имѣетъ такую же цѣнность, какъ и то, что готовится самыми дорогими работниками». «Поэтому капиталъ, приложенный къ земледѣлію, не только приводитъ въ дѣятельность большее количество производительнаго труда, чѣмъ такой же капиталъ, употребленный на фабричное производство, но онъ присоединяетъ еще несравненно большую цѣнность сравнительно съ количествомъ употребляемаго имъ производительнаго труда къ годовому производству земли и труда страны, къ богатству и дѣйствительному доходу ея населенія. Изъ всѣхъ назначеній, какія могутъ быть даны капиталу, это безъ всякаго сравненія самое выгодное для общества».

Третья книга «Богатства народовъ» представляетъ историческій очеркъ развитія промышленности и можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ той широты, съ какой Адамъ Смитъ относился къ изученію экономическихъ явленій. Въ этой книгѣ онъ пользуется, можно сказать, историческимъ методомъ и рисуетъ, насколько позволяло тогда состояніе историческихъ познаній, упадокъ земледѣлія послѣ разрушенія Римской имперіи, возникновеніе и развитіе городовъ и торговли. Но историческій методъ въ рукахъ Смита не служилъ той лѣсенкой, по которой теперь такъ часто взбираются отъ давнопрошедшаго къ настоящему, и, доказавъ, якобы какъ дважды два четыре, неизбѣжность

существующаго, успокаиваются. У него были принципы, которыхъ не могъ поколебать историческій методъ. Если земледѣліе пало, если съ развитіемъ городовъ международная торговля и мануфактурная промышленность выдвигаются на первый планъ, то, во первыхъ, на то были свои особенныя причины и, во вторыхъ, далеко нельзя сказать, чтобы это былъ самый кратчайшій путь къ общественному благосостоянію. Правильнымъ путемъ, по мнѣнію Адама Смита, была бы такая послѣдовательность: сначала развивается земледѣліе, затѣмъ—мануфактура и потомъ уже—международная торговля. Въ виду историческаго характера этой части сочиненія мы не станемъ излагать ея содержанія. Отметимъ лишь, что уже Смитъ считалъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ неспособными успѣшно вести свое хозяйство. «Чтобы заставить землю приносить доходъ,—говоритъ онъ,—нужно внимательно слѣдить, какъ и во всякомъ торговомъ предпріятіи, за всѣми мелочными расходами и сбереженіями, на что рѣдко бываетъ способенъ человѣкъ, окруженный роскошью, хотя бы и бережливый по своей природѣ. Окружающія его условія скорѣе влекутъ его къ удовлетворенію своихъ прихотей, чѣмъ къ заботѣ о барышахъ, въ которыхъ онъ не чувствуетъ никакой надобности. Изящная одежда, жилище, экипажъ, мебель, вотъ предметы, которымъ съ самаго дѣтства онъ привыкъ давать цѣну. Направленіе, естественно придаваемое привычками всѣмъ его понятіямъ, продолжаетъ свое дѣйствіе и тогда, когда онъ обратится къ улучшенію своихъ земель. Онъ приведетъ въ изящный видъ быть можетъ четыреста или пятьсотъ акровъ вокругъ своего дома и истратитъ на это въ десять разъ больше того, что это будетъ стоить, пока не увидитъ, что еслибы онъ предпринялъ такого рода улучшеніе во всѣхъ своихъ владѣніяхъ (а по своимъ склонностямъ онъ не способенъ на улучшенія иного рода), то разорился бы, не выполнивъ и десятой доли своихъ замысловъ... Достаточно сравнить настоящее состояніе этихъ владѣній съ участками мелкихъ окрестныхъ собственниковъ, чтобы судить и безъ всякихъ другихъ аргументовъ, какъ мало выгодны обширныя владѣнія для успѣховъ земледѣлія».

Четвертую книгу Смитъ посвящаетъ изложенію меркантильной и земледѣльческой (фізіократической) теоріи. Первую онъ излагаетъ и опровергаетъ весьма пространно, а вторую, которую онъ находитъ несравненно ближе къ истинѣ,—слегка. Мы знаемъ уже сущность того и другого ученія. Оба они составляютъ теперь достояніе исторіи. Меркантильная система послѣ критики Смита

погибла безвозвратно. Теперь уже никто не станетъ защищать торговаго или денежнаго баланса. Если же протекціонизмъ и поднимаетъ, въ особенности въ послѣднее время, голову и овладѣваетъ умами мыслителей и дѣятелей, то онъ обращается къ совершенно инымъ аргументамъ, чѣмъ прежде; отсюда конечно не слѣдуетъ еще, чтобы эти новые аргументы отличались обязательно и большей доказательностью. Какъ бы тамъ ни было, однако всякому протекціонисту приходится теперь считаться съ основными положеніями свободной дѣятельности, установленными Адамомъ Смитомъ, и нельзя сказать, чтобы новѣйшій протекціонизмъ не только опровергъ ихъ, но даже поколебалъ. Мы не станемъ входить въ подробности Смитовой критики; это завело бы насъ слишкомъ далеко, и остановимся лишь на нѣкоторыхъ разсужденіяхъ Смита, сохраняющихъ до сихъ поръ свою научную силу и все свое непосредственное практическое значеніе.

Существуетъ балансъ, говоритъ Смитъ, который вовсе не походитъ на торговаго, *это — равновѣсіе между годовымъ производствомъ и потребленіемъ*. Когда мѣновая цѣнность годового производства превышаетъ мѣновую цѣнность годового потребленія, то капиталъ страны возрастаетъ въ размѣрѣ этого превышенія; когда же напротивъ мѣновая цѣнность годового производства ниже годового потребленія, то капиталъ общества уменьшается въ размѣрѣ этого недостатка. Въ первомъ случаѣ общество богатѣетъ, во второмъ — бѣднѣетъ. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть на всякія поощренія, ограниченія и запрещенія ввоза и вывоза товаровъ. Запрещеніе или ограниченіе ввоза извѣстныхъ предметовъ несомнѣнно усиливаетъ мѣстное производство этихъ предметовъ, но увеличиваетъ ли оно вообще производительность общества и даетъ ли оно наивыгоднѣйшее направленіе послѣдней, это — другой вопросъ. Никакое постановленіе торговаго законодательства не въ состояніи увеличить количество труда противъ того, сколько можетъ содержаться его на существующіе капиталы, и все, что оно можетъ сдѣлать, это дать части общаго труда направленіе, какого она не приняла бы безъ такого вмѣшательства. Но если какое-нибудь иностранное государство можетъ доставить намъ товаръ дешевле, чѣмъ во сколько бы онъ обошелся при домашнемъ приготовленіи, то, разумѣется, для насъ выгоднѣе купить его за часть произведеній нашего собственнаго труда, приложеннаго къ болѣе выгодной для насъ отрасли промышленности, чѣмъ производить его дома. Когда же это ограниченіе ввоза принуждаетъ насъ произ-

водить такой товаръ дома, то очевидно трудъ прилагается не наивыгоднѣйшимъ образомъ. «Цѣнность годового производства труда естественно болѣе или менѣе понижается, когда онъ отклоняется отъ приготовленія произведеній, которыя имѣли бы болѣшую цѣнность, чѣмъ какую онъ производитъ по принужденію. При сдѣланномъ предположеніи, товаръ этотъ можетъ быть пріобрѣтенъ за границею дешевле, чѣмъ стоило бы изготовить его дома; стало быть, его можно было бы купить только за часть товаровъ, или, что то-же, за часть цѣны товаровъ, произведенныхъ народнымъ трудомъ при содѣйствіи того же капитала, еслибы послѣдній предоставленъ былъ естественной свободѣ». Слѣдовательно, ограниченіе и запрещеніе ввоза тѣхъ или другихъ товаровъ понижаетъ въ концѣ концовъ общую производительность труда. Что же касается вопроса, что такими постановленіями можно содѣйствовать развитію отдѣльныхъ отраслей производства, которыя не могли бы существовать при полной свободѣ ввоза, то, по мнѣнію Смита, вовсе не важно, чтобы страна стремилась произвести обязательно все, необходимое ей для удовлетворенія своихъ потребностей. Она должна производить то, что по совокупности всѣхъ естественныхъ условій въ ней выгоднѣе всего производить, и получать путемъ обмѣна всѣ прочіе предметы потребленія изъ странъ, гдѣ оказывается выгоднѣе производить эти послѣдніе. «При содѣйствіи теплицъ, оранжерей и парниковъ, — говоритъ онъ, — можно вырастить въ Шотландіи превосходный виноградъ и дѣлать изъ него отличное вино, если расходувать на это въ тридцать разъ больше того, что стоитъ такое же вино, получаемое изъ-за-границы. Но можно ли считать благоразумною мѣрою запрещеніе ввоза всѣхъ иностранныхъ винъ съ единственной цѣлью — поощрить производство бордоскихъ и бургонскихъ винъ въ Шотландіи?» Конечно это было бы безразсудство; но такое безразсудство представляетъ и стремленіе употреблять хотя бы на одну тридцатую, одну трехсотую труда больше противъ того, сколько его можно употребить на производство извѣстныхъ предметовъ. Затѣмъ, кто будетъ рѣшать вопросъ, въ какой именно отрасли народнаго труда частному лицу слѣдуетъ затрачивать свой капиталъ? Несомнѣнно наиболѣе компетентнымъ судьей будетъ само заинтересованное лицо. «Государственный человѣкъ, — говоритъ Смитъ, — который бы принялъ на себя трудъ указывать частнымъ лицамъ, какъ они должны употреблять свои капиталы, мало того что занялся бы совершенно бесполезнымъ дѣломъ, но онъ присвоилъ бы себѣ власть, которую безразсудно было бы поручать не

только одному лицу, но какому бы то ни было совѣту или сенату; власть эта нигдѣ не можетъ быть до такой степени опасна, какъ въ рукахъ человѣка, который настолько безуменъ и самонадѣянъ, что воображаетъ себя способнымъ къ ея отправленію». Допустимъ даже, продолжаетъ свои разсужденія Смитъ, что, благодаря такого рода мѣропріятіямъ, развилась бы извѣстная отрасль промышленности и что произведенія ея поставлялись бы на рынокъ спустя нѣкоторое время по той же цѣнѣ или даже дешевле, чѣмъ производство заграничнаго происхожденія. Получила бы отъ этого вся сумма труда и доходовъ общества хоть какое нибудь приращеніе? Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ. «Трудъ общества можетъ увеличиться только въ размѣрахъ приращенія его капиталовъ, а капиталы его могутъ увеличиться только въ размѣрахъ того, что можетъ быть сбережено изъ его доходовъ; между тѣмъ какъ непосредственное дѣйствіе такого рода постановленій состоитъ въ уменьшеніи доходовъ общества, а то, что уменьшаетъ его доходъ, конечно не можетъ увеличить его капитала быстрѣе, чѣмъ какъ онъ увеличился бы самъ собою, если бы какъ ему, такъ и труду предоставлена была полная свобода». Итакъ, всякаго рода ограниченія и запрещенія ввоза создаютъ монополію, выгодную лишь для купцовъ и фабрикантовъ.

Будучи рѣшительнымъ сторонникомъ безусловной свободы въ промышленной и торговой дѣятельности, Смитъ не отрицаетъ, что бывають обстоятельства, когда во имя какихъ либо другихъ, постороннихъ цѣлей приходится устанавливать тѣ или другія ограничительныя мѣры. Такъ онъ считаетъ благодѣтельнымъ навигаціонный актъ Кромвеля, потому что защита страны (этотъ актъ послужилъ сильнымъ толчкомъ для развитія англійскаго флота) важнѣе, чѣмъ ея богатство. Онъ считаетъ справедливымъ и выгоднымъ налагать нѣкоторую пошлину на тѣ продукты иностранной промышленности, которые обременены налогомъ при внутреннемъ ихъ производствѣ. Такъ называемыя боевыя пошлины онъ признаетъ возможными, но только какъ отвѣтъ на стѣсненіе или запрещеніе ввоза со стороны какого либо иностраннаго государства. И при этомъ подобная мѣра хороша лишь въ томъ случаѣ, если есть вѣроятность добиться такимъ путемъ отмѣны высокихъ пошлинъ или запрещенія. «Но вопросъ о томъ, — замѣчаетъ Смитъ, — можно ли надѣяться на ожидаемыя послѣдствія отъ такихъ стѣсненій, быть можетъ менѣе принадлежитъ познаніямъ законодателя. рѣшенія котораго должны основываться на общихъ и неизблемыхъ началахъ, чѣмъ ловкости лукаваго и пронырливаго

существа, обыкновенно называемаго государственнымъ человѣкомъ или политикомъ, мнѣнія котораго управляются измѣнчивыми и мимолетными обстоятельствами». Наконецъ если, благодаря существовавшимъ раньше высокимъ пошлинамъ и запрещеніямъ на извѣстные иностранные товары, развилось и окрѣпло ихъ внутреннее производство, то «возстановлять свободу торговли слѣдуетъ по чувству человѣколюбія исподволь, мало по малу, съ особенною осторожностью и осмотрительностью». Ибо въ противномъ случаѣ внутренній рынокъ могутъ сразу наводнить болѣе дешевые иностранные товары и тысячи рабочихъ остаться вдругъ безъ работы и безъ всякихъ средствъ существованія.

Поощреніе вывоза выдачею *премій* Смитъ безусловно осуждаетъ. «Мы не въ силахъ, — говоритъ онъ, — предоставить нашимъ производителямъ на иностранныхъ рынкахъ той монополіи, какою они пользуются дома. Мы не можемъ принудить иностранцевъ покупать у нихъ товары, какъ принудили бы къ этому своихъ согражданъ; а посему единственное, находящееся въ нашихъ рукахъ средство — это платить иностранцамъ, чтобы понудить ихъ покупать у насъ. Вотъ какимъ путемъ меркантильная система пытается обогатить всю страну и набить наши карманы деньгами посредствомъ чудотворнаго торговаго баланса».

Если ужъ, продолжаетъ Смитъ, выдавать премію, такъ выдавайте ее лучше за производство, чѣмъ за вывозъ; такая премія понижала бы по крайней мѣрѣ цѣну товара на внутреннемъ рынкѣ и такимъ образомъ хотя отчасти вознаграждала бы народъ за тотъ налогъ, который онъ несетъ ради преміи; но это невозможно, пока мы, благодаря предразсудкамъ, убѣждены, что богатство народа состоитъ больше въ вывозѣ, чѣмъ въ производствѣ.

Разные *торговые договоры*, въ силу которыхъ государство допускаетъ ввозъ извѣстныхъ товаровъ изъ одной страны и запрещаетъ ввозъ ихъ изъ всѣхъ другихъ странъ, или освобождаетъ отъ пошлины, или даетъ вообще какое либо преимущество ввозу изъ одной страны предпочтительно передъ ввозомъ изъ другихъ странъ, бываютъ выгодны, по мнѣнію Смита, только для купцовъ и фабрикантовъ покровительствуемой страны и убыточны для населенія покровительствующей. «Это — монополія, отдающая населеніе во власть чужеземному народу, вслѣдствіе которой оно обязано платить за нужные ему товары дороже, чѣмъ платило бы при свободномъ соперничествѣ другихъ народовъ».

Ратуя за полную *свободу торговли*, Смитъ конечно видѣлъ, какъ далека была Англія его времени отъ такого идеала, и потому

говорить, что надѣяться на осуществленіе ея было бы такое же безуміе, какъ ожидать осуществленія въ Англіи республики Утопіи или Океаніи. «Каждая страна, — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — завистливымъ глазомъ смотритъ на благосостояніе всѣхъ народовъ, находящихся съ нею въ торговыхъ сношеніяхъ, и все, что составляетъ выгоду послѣднихъ, считаетъ за свою собственную потерю. Торговля вмѣсто того, чтобы вызвать естественное согласіе и дружбу, какъ между людьми, такъ и между народами, стала самымъ обильнымъ источникомъ злобы и вражды. Впродолженіи настоящаго и прошлаго столѣтій бессмысленная зависть купцовъ и фабрикантовъ была для европейскаго спокойствія не менѣе пагубна, чѣмъ безумное честолюбіе государей и министровъ». Однако своими «Исслѣдованіями о богатствѣ народовъ» Смитъ разсѣбилъ вѣковыя заблужденія, потерявшія уже всякую почву въ дѣйствительной жизни, и его Утопія свободной торговли нашла себѣ довольно полное выраженіе въ промышленной и торговой дѣятельности Англіи. Критика меркантильной системы, наиболѣе извѣстная въ свое время часть книги, оказавшая такое громадное вліяніе на современниковъ, заканчивается обширной главой, посвященной вопросу о *колоніяхъ и колониальной политикѣ*. Здѣсь Смитъ касается общаго вопроса о колониальномъ движеніи у различныхъ народовъ и останавливается особенно подробно на англійскихъ колоніяхъ въ Америкѣ. Мы однако не будемъ входить въ разсмотрѣніе содержанія этой главы.

Въ воззрѣніяхъ Смита, какъ мы знаемъ, было много общаго съ воззрѣніями *физиократовъ*; поэтому и къ ученію ихъ онъ относится гораздо снисходительнѣе, чѣмъ къ системѣ меркантилизма. Главное заблужденіе ученія физиократовъ или земледѣльческой системы состоитъ въ томъ, по его мнѣнію, что оно считаетъ ремесленниковъ, фабрикантовъ и купцовъ за людей совершенно безплодныхъ и непродуцительныхъ, что оно, ради исключительнаго поощренія земледѣлія, проповѣдуетъ стѣснительныя мѣры противъ мануфактурной промышленности и иностранной торговли. Но, несмотря на всѣ свои несовершенства, «система эта, — говоритъ онъ, — изъ всего, что только писалось по политической экономіи, ближе всего подходитъ къ истинѣ и въ этомъ отношеніи она заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны каждаго человѣка, желающаго ближе ознакомиться съ основаніемъ такой важной науки».

Разобравъ и отвергнувъ системы, построенныя какъ на поощреніяхъ, такъ и на стѣсненіяхъ, Смитъ приходитъ къ тому заклю-

ченію, что остается еще только одна система *естественной свободы*. Она то и будетъ вполне истинной. Всякому человѣку, пока онъ не нарушаетъ законовъ справедливости, должно быть предоставлено свободно преслѣдовать свои личные интересы и употреблять по своему усмотрѣнію трудъ и капиталъ. При этомъ государственная власть освободилась бы отъ обязанности руководить трудомъ каждаго человѣка и направлять его самымъ выгоднымъ образомъ для цѣлаго общества, отъ обязанности, которой выполнить нѣтъ никакой человѣческой возможности; она несла бы только три обязанности, правда, въ высшей степени важныя, но вѣстѣ съ тѣмъ ясныя, простыя и доступныя пониманію всякаго. Первая состоитъ въ защитѣ государства отъ насилія и нападенія со стороны другого государства. Вторая — въ защитѣ каждаго члена общества отъ несправедливости и насилія со стороны другихъ членовъ, т. е. въ поддержаніи справедливаго суда. «Наконецъ, третья ея обязанность состоитъ въ приведеніи въ исполненіе и въ поддержаніи общественныхъ предпріятій и нѣкоторыхъ учреждений, которыя не могутъ быть исполнены и содержимы на счетъ одного или нѣсколькихъ лицъ, такъ какъ доставляемая ими прибыль не выручить расходовъ одного или нѣсколькихъ лицъ, но, относительно всего общества, доставляемая ими польза можетъ быть болѣе, чѣмъ вознаградить за сдѣланные расходы». Для исполненія этихъ обязанностей правительство принуждено производить расходы, для покрытія которыхъ ему необходимо располагать извѣстными доходами. Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ составляетъ предметъ *пятой книги*, озаглавленной: «о доходѣ государя или государства».

Первыя двѣ обязанности не требуютъ особенныхъ поясненій, и взгляды Адама Смита въ этомъ отношеніи не представляютъ ничего характернаго. Подъ третьяго рода обязанностью онъ понимаетъ главнымъ образомъ облегченіе *торговыхъ сношеній* и *распространеніе образованія въ народѣ*. Почтовые дороги, мосты, судоходные каналы, гавани и т. п. сооруженія могутъ быть, по мнѣнію Смита, «въ большинствѣ случаевъ, устроены такимъ образомъ, что они будутъ приносить достаточный доходъ для покрытія издержекъ, не обременяя собою общаго государственнаго дохода; завѣдываніе ими центральное правительство не должно брать въ свои руки, но и не должно предоставлять его отдѣльнымъ лицамъ, которыя по обширности предпріятія скоро превратились бы въ монополистовъ; самое лучшее сдавать ихъ въ распоряженіе особыхъ общественныхъ комисіонеровъ, довѣрен-

ныхъ, дѣйствующихъ подъ контролемъ мѣстныхъ властей. Затѣмъ Смитъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ дѣятельность современныхъ ему торговыхъ компаній, пользовавшихся громадными привилегіями и монополіями. Но наибольшій интересъ для насъ представляютъ его разсужденія о народномъ образованіи. Высшее и среднее образованіе, по мнѣнію Смита, правильнѣе и полезнѣе всего было бы предоставить на усмотрѣніе заинтересованныхъ лицъ, которыя на свои средства должны содержать желательныя для нихъ заведенія. Соревнованіе и здѣсь принесло бы свои благодѣтельные плоды. Онъ находитъ, что съ тѣхъ поръ, какъ училища и университеты стали содержаться на общественный счетъ, не только понизилась дѣятельность и старательность профессоровъ, но общество лишилось возможности имѣть хорошихъ частныхъ учителей. «Устройство университетовъ и коллегій,—говоритъ онъ,—основано не на пользѣ слушателей, а на выгодахъ или, вѣрнѣе, на удобствахъ преподавателей. Оно имѣетъ въ виду поддержать власть преподавателей при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ: какъ бы они ни держали себя, будутъ ли они исполнять свои обязанности добросовѣстно, или пренебрегать ими, воспитанники во всякомъ случаѣ обязаны держать себя относительно ихъ такимъ образомъ, какъ будто бы они вели свое преподаваніе съ необыкновенными дарованіями и съ полною добросовѣстностью. Устройство это повидимому предполагаетъ со стороны преподавателей всевозможное благоразуміе и безпримѣрную добродѣтель, а со стороны слушателей—крайнюю нерадивость и совершенное безразсудство. А между тѣмъ, я полагаю, не было примѣра, чтобы при добросовѣстномъ исполненіи профессорами своихъ обязанностей, студенты оказались нерадивыми. Никогда не можетъ встрѣтиться необходимости въ понудительномъ посѣщеніи лекцій, которыя заслуживаютъ вниманія, какъ это подтверждается всюду, гдѣ лекціи читаются хорошо». Университеты, замѣчаетъ Смитъ въ другомъ мѣстѣ, не только не идутъ впереди умственнаго движенія, но они не смѣютъ воспользоваться даже уже сдѣланными открытіями. «Многія изъ этихъ ученыхъ корпорацій предпочитали оставаться на вѣчное время какъ бы святилищами, въ которыхъ находили защиту и покровительство опровергнутыя теоріи и устарѣлыя предразсудки, изгнанные изъ всѣхъ закоулковъ міра». Свою жестокую критику университетской системы, господствовавшей въ Англіи во второй половинѣ XVIII в., Смитъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Еслибы не существовало общественныхъ заведеній для образованія, то не преподавалось бы ни одной науки,

не принималось бы ни одной системы или курса воспитанія, на которые не имѣлось бы требованія въ обществѣ, т. е. которые не обусловливались бы необходимостью, полезностью или удобствами для даннаго времени. Частный преподаватель вовсе не нашелъ бы выгоднымъ для себя при изученіи какой-нибудь полезной науки руководствоваться устарѣлою и всеѣми признанною негодной системою, ни преподавать такія науки, которыя принимаются вообще за сбродъ софизмовъ и пустой болтовни, бесполезной, педантичной. Подобныя системы и подобныя науки могутъ существовать только въ заведеніяхъ, благосостояніе и доходъ которыхъ почти не зависятъ отъ ихъ репутаціи и нисколько не зависятъ отъ того, какъ они исполняютъ свои обязанности. Если бы не существовало общественныхъ заведеній для воспитанія, то молодые люди, окончившіе самый полный курсъ ученія, какой только возможенъ при настоящемъ состояніи общества, и окончившіе его съ полнымъ успѣхомъ, не оказывались бы рѣшительными невѣждами во всемъ, что составляетъ предметъ разговоровъ въ обществѣ порядочныхъ людей». Иначе Смитъ смотритъ на нисшее народное образованіе. Раздѣленіе труда притупляетъ умственныя способности работника. «Человѣкъ, вся жизнь котораго проходитъ въ исполненіи небольшого числа простыхъ приѣмовъ, результатъ которыхъ тоже всегда или почти всегда одинаковъ, не можетъ ни развивать своего разсудка, ни изощрять своего воображенія къ отысканію средствъ отстранить затрудненія, которыхъ вовсе не представляется; поэтому онъ естественно теряетъ привычку развивать или изощрять эти способности и доходитъ до такой степени тупости и невѣжества, какая только возможна для человѣческой природы... Человѣкъ становится неспособнымъ испытывать какое бы то ни было благородное, великодушное или нѣжное ощущеніе и, стало быть, слагать хоть сколько-нибудь истинное понятіе о большей части самыхъ обыденныхъ явленій частной жизни. Что же касается до великихъ интересовъ и великихъ дѣлъ своей страны, то онъ рѣшительно неспособенъ судить о нихъ»... Какъ ни плачевно такое состояніе, но къ нему неизбѣжно приходитъ масса простого народа во всякомъ культурномъ обществѣ, если правительство не позаботится о предупрежденіи этого зла. Здѣсь невмѣшательство было бы большой ошибкой. У простого народа нѣтъ ни средствъ, ни досуга позаботиться о воспитаніи своихъ дѣтей, нѣтъ быть можетъ даже желанія вслѣдствіе отупляющаго вліянія однообразнаго, непрерывнаго труда. Поэтому государство должно прійти на помощь ему не

только въ силу частныхъ интересовъ всей этой массы, но въ силу своихъ собственныхъ интересовъ. «Чѣмъ болѣе будутъ развиты, — говоритъ Смитъ, — нисшіе классы народа, тѣмъ труднѣе они поддадутся оболъщениямъ суевѣрія и фанатизма, составляющихъ между невѣжественными народами постоянный источникъ самыхъ ужасныхъ беспорядковъ. Сверхъ того, образованный и разсудительный народъ лучше ведетъ себя и болѣе склоненъ къ порядку, чѣмъ народъ невѣжественный и ступившій. Между первымъ въ каждомъ человѣкѣ сильнѣе развиты чувства собственнаго достоинства и сознание того, какъ должны обращаться съ нимъ законныя власти; поэтому онъ болѣе расположенъ и къ уваженію ихъ». Чтеніе, письмо, счетъ, — вотъ тѣ первоначальныя познанія, пріобрѣтеніе которыхъ можетъ быть сдѣлано даже обязательнымъ. Государство должно устроить «въ каждомъ приходѣ или околоткѣ небольшую школу, въ которой дѣти могли бы обучаться за такую умѣренную плату, какую могъ бы дать простой работникъ», поощрять стремленіе къ образованію выдачею маленькихъ наградъ и установить испытаніе для всѣхъ, желающихъ получить званіе цеховаго мастера или дозволеніе производить какой-нибудь торгъ или промыселъ. Какъ далекъ Смитъ въ этихъ своихъ предложеніяхъ отъ экономистовъ, проповѣдующихъ *laissez faire* и считающихъ его своимъ духовнымъ отцомъ!

Источниками для покрытія государственныхъ расходовъ служатъ, во-первыхъ, доходы съ имущества, принадлежащихъ государству, и, во-вторыхъ, налоги; въ крайнихъ случаяхъ государство прибѣгаетъ еще къ займамъ, которые, предполагается, должны быть покрыты доходами изъ двухъ указанныхъ источниковъ. Разсмотрѣнію этихъ вопросовъ Смитъ посвящаетъ всю остальную часть своей пятой и послѣдней книги. По отношенію къ *системѣ налоговъ* онъ устанавливаетъ четыре основныхъ закона, получившихъ съ тѣхъ поръ всеобщее признаніе. Первый законъ: подданные всякаго государства обязаны принимать участіе въ поддержаніи правительства, каждый по мѣрѣ своихъ средствъ, т. е. въ размѣрѣ получаемыхъ имъ доходовъ. Второй законъ: уплачиваемый каждымъ налогъ долженъ быть точно опредѣленъ, т. е. должно быть точно установлено время уплаты, способы взиманія и величина налога. Третій законъ: время и способы взисканія налога опредѣляются удобствами плательщиковъ. Четвертый законъ: «налогъ долженъ взиматься такимъ образомъ, чтобы онъ извлекалъ изъ народа какъ можно менѣе денегъ сверхъ того, что поступаетъ въ государственное казначейство, и въ то же са-

мое время, чтобы собранныя деньги оставались возможно малое время въ рукахъ сборщиковъ».

Руководствуясь этими четырьмя законами, Смитъ разсматриваетъ разные налоги, существовавшіе въ его время; какъ въ Англии, такъ и въ другихъ странахъ. Многія изъ высказываемыхъ имъ при этомъ мыслей по поводу того или другого налога въ частности были усвоены впоследствии государственными дѣятелями и осуществлены на практикѣ.

ГЛАВА VI.

З а к л ю ч е н і е.

Отсутствіе систематичности въ *«Исследованияхъ о богатствѣ народовъ»*. — Конкретный и реальный характеръ ихъ. — Успѣхъ въ средѣ общественныхъ дѣятелей. — Индивидуализмъ Смита. — Его космополитизмъ. — Значеніе *«Исследованій о богатствѣ народовъ»* въ отрицательномъ и положительномъ отношеніяхъ. — Мнѣнія: *Иирэма, Бокля, Бэдждота, Тойнби, Роджерса, Каутца и Чупрова.*

Кто берется за чтеніе *«Исследованій о богатствѣ народовъ»* съ цѣлью познакомиться лишь съ политико-экономическою теоріею изъ первыхъ рукъ, тотъ вынесетъ изъ него нѣсколько неясное и неудовлетворительное впечатлѣніе. Книга покажется ему чрезвычайно растянutoй, лишенной единства системы, переполненной разсужденіями, неимѣющими прямого отношенія къ основнымъ вопросамъ политической экономіи. Читатель убѣждается, что это вовсе не трактатъ по теоріи политической экономіи, а сочиненіе, правда превосходнѣйшее, по основнымъ вопросамъ политической экономіи въ связи съ экономической политикой. Преходящіе вопросы времени тѣсно переплетаются въ немъ съ болѣе постоянными вопросами научной теоріи. И читатель живо представляетъ себѣ мыслителя, который пишетъ свою книгу среди стремительныхъ теченій новой жизни, еле сдерживаемыхъ уже старыми преградами, пишетъ ее съ явнымъ умысломъ опрокинуть эти преграды и потому предназначаетъ ее не въ назиданіе отвлеченнымъ кабинетнымъ теоретикамъ, а для руководства людямъ практики, общественнымъ дѣятелямъ. Мы знаемъ, что Смитъ начертилъ себѣ обширнѣйшую схему теоретическихъ работъ, но изъ нихъ одна только была выполнена надлежащимъ образомъ и приобрѣла мировое значеніе, — именно та, въ которой онъ подошелъ ближе всего къ дѣйствительной жизни и больше всего успѣлъ проникнуться ея интересами. Итакъ, Смитъ не кладетъ рѣзкой грани между по-

литической экономіею и экономической политикой. Въ этомъ отношеніи его трудъ рѣзко отличается отъ многихъ позднѣйшихъ трактатовъ по политической экономіи. Имѣя постоянно въ виду вопросы и задачи своего времени, Смитъ естественно придалъ своей работѣ въ высшей степени конкретный и реальный характеръ. Его необычайная способность разъяснять мысли примѣрамишла себѣ должное примѣненіе. Уже современники Смита признали громадное значеніе его «Исслѣдованій» для разрѣшенія текущихъ вопросовъ жизни. Такъ, Питтъ, два года спустя послѣ смерти Смита, говорилъ въ палатѣ общинъ, что онъ сомнѣвается, чтобы простой и очевидный принципъ накопленія капитала «былъ когда-либо такъ полно развитъ и такъ научно объясненъ, какъ въ трудахъ одного автора, нашего современника, котораго, къ сожалѣнію, нѣтъ уже въ живыхъ. Я разумѣю,—говоритъ Питтъ,—автора извѣстнаго трактата о богатствѣ народовъ; благодаря его обширнымъ познаніямъ по всякимъ частнымъ и философскимъ предметамъ, мы найдемъ въ трудахъ его, я вѣрю, самое лучшее рѣшеніе каждаго вопроса, находящагося въ связи съ исторіей торговли или съ системами политической экономіи». Такимъ образомъ, вскорѣ послѣ смерти Смита, его «Исслѣдованія» становятся настольной книгой выдающихся государственнхъ дѣятелей. «Ученіе Адама Смита,—говоритъ Вокль,—очень скоро проникло въ палату общинъ и, принятое нѣкоторыми ея вождями, было выслушано съ удивленіемъ большинствомъ, мнѣніями котораго обыкновенно руководить мудрость отцовъ и которое не вѣрится, чтобы можно было открыть что-либо неизвѣстное древнимъ. Но такіе люди тщетно сопротивляются натиску развивающагося знанія». Истина свое беретъ. Великія открытія Смита «годъ отъ году прокладывали себѣ дорогу все дальше и дальше, постоянно двигаясь впередъ, никогда не отступая назадъ. Сначала отъ большинства отстало нѣсколько умныхъ людей; потомъ большинство обратилось въ меньшинство, а наконецъ и меньшинство стало распадаться».

По своему міросозерцанію Смитъ былъ индивидуалистомъ. Онъ безъ всякихъ «но» и «если» ставилъ на первомъ мѣстѣ личность. Общество существуетъ для человѣка, а не человѣкъ для общества. Изъ свободной дѣятельности отдѣльныхъ людей создается наилучшій общественный распорядокъ. Мотивомъ въ экономической дѣятельности человѣка служитъ личная выгода; каждый старается дѣйствовать съ наибольшей выгодой для себя, при наименьшихъ пожертвованіяхъ, и такой образъ дѣй-

ствія соответствуетъ истиннымъ интересамъ общества. Дѣятельность эта выражается въ трудѣ. На трудѣ Смитъ и строить всю свою индивидуалистическую систему политической экономіи. Трудъ и индивидуализмъ неразрывно связаны. Отымите у труда его внутренней импульсъ, лишите его индивидуальной окраски и вы обратите его въ каторгу, въ подневольную, рабскую работу. Отсюда вытекаетъ необходимость свободы, которая должна быть предоставлена индивидуальной дѣятельности, или труду, какъ выраженію этой индивидуальной дѣятельности въ современныхъ культурныхъ обществахъ. Вокругъ себя Смитъ наблюдалъ какъ-разъ нѣчто противоположное. Дѣятельность и трудъ были скованы тысячью различныхъ цѣпей въ угоду разныхъ кастовыхъ, сословныхъ, групповыхъ и даже единоличныхъ интересовъ, прикрываемыхъ по обыкновенію соображеніями общественной пользы. Естественно Смитъ увидѣлъ, что вся задача его сводится къ тому, чтобы разорвать эти цѣпи и освободить дѣятельность. Изолгавшемуся меркантилизму онъ противопоставилъ свой искренній «спросъ и предложеніе». Поэтому-то онъ говоритъ не о вмѣшательствѣ, котораго было черезъ чуръ много и притомъ совершенно не кстати, а о невмѣшательствѣ. Но онъ не пошелъ за фізіократами и не принялъ въ руководство формулы: «Laissez faire, laissez passer». Онъ прекрасно понималъ, что свобода индивидуальной дѣятельности требуетъ въ иныхъ случаяхъ вмѣшательства, такъ какъ иначе получается не свобода дѣятельности, а свобода насилія. Онъ понялъ совершенно правильно свою задачу. Законъ «спроса и предложенія» является естественно верховнымъ началомъ въ обществѣ людей, которые на первомъ планѣ ставятъ интересы матеріальные. Смитъ строилъ свои теоріи не для самоулаженія и не для развлечения праздныхъ умовъ, наконецъ не изъ-за интересовъ науки для науки. Ему предстояло совершить великое дѣло. Ему некогда было развивать всесторонне свою теорію и доводить ее до мельчайшей отдѣлки. Онъ останавливается только на выводахъ, которые необходимы для него въ данную пору, для даннаго дѣла, предоставляя послѣдующимъ мыслителямъ развивать и совершенствовать теорію, если она окажется истиной. И онъ совершилъ свое дѣло, — цѣпи распались. Выводы оказались правильными. Теорія превосходно выдержала испытаніе. Самый ходъ вещей былъ за Смита. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ выхода «Исслѣдованій» совершилась промышленная революція. Она опрокидывала всѣ преграды, стоявшія на пути свободной индивидуальной дѣятельности, и государственнымъ дѣятелямъ ничего

не оставалось, какъ только поспѣшно убирать ихъ. Новые порядки породили однако и новыя явленія. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Смитъ повидимому вовсе не предвидѣлъ. А между тѣмъ это оказались весьма плачевныя явленія. Сначала подъ видомъ пауперизма, а затѣмъ рабочаго или социальнаго вопроса, они обратили на себя всеобщее вниманіе въ Западной Европѣ и приняли угрожающее положеніе. Какъ бы отнесся къ нимъ Смитъ, не измѣняя своимъ основнымъ принципамъ, сумѣлъ ли бы онъ разрѣшить такъ называемый социальный вопросъ на почвѣ индивидуализма, бесполезно гадать. Но тѣ, кто считаетъ себя и кого считаютъ обыкновенно за прямыхъ продолжателей и послѣдователей его, не сумѣли справиться съ такой задачей. Впадая чѣмъ дальше тѣмъ больше въ отвлеченное теоретизированіе, они уклонялись все болѣе и болѣе отъ дѣятельности и исполненное нѣкогда жизненной правды ученіе своего первоучителя обратили въ буржуазное доктринерство. Однако еще вопросъ, призналъ ли бы самъ Смитъ этихъ господъ за своихъ преемниковъ. «Сильное убѣжденіе въ сравнительной свободѣ Смита отъ ложныхъ тенденцій Рикардо и его послѣдователей,—говоритъ Ингрэмъ,—навело на мысль новѣйшихъ экономистовъ обратиться вновь къ Смигу и уже вести отъ него всю послѣдовательную нить экономическаго изученія». Въ связи съ индивидуализмомъ Смита находится и его *космополитизмъ*. Отвергая всякія стѣсненія для индивидуальной дѣятельности внутри общества, онъ отвергалъ ихъ также и въ международныхъ сношеніяхъ. Промышленности и торговли нѣтъ дѣла до національныхъ особенностей; съ развитіемъ ихъ разрушаются перегородки, раздѣляющія человѣчество, и всѣ народы мало по малу превращаются въ одну человѣческую семью. Такъ идутъ дѣла, если промышленность и торговля не насилуются въ угоду какимъ-либо ложнымъ теоріямъ и частнымъ интересамъ. Но меркантильная система была именно такимъ насиліемъ. Поэтому она порождала не согласіе и миръ между народами, а вражду и войну. И здѣсь Смигу пришлось разрушать, а не создавать. Онъ не задавался цѣлью доказать, какимъ образомъ на основѣ экономическаго космополитизма возникнетъ истинное братство народа. По обстоятельствамъ мѣста и времени ему нужно было доказать, что промышленный и торговый космополитизмъ выгоднѣе меркантильнаго націонализма. Онъ доказалъ. Жизнь и въ этомъ случаѣ подтвердила справедливость его мысли.

Съ какой бы стороны мы ни подошли къ возрѣваніямъ великаго

экономиста, мы видимъ, что характернѣйшую особенность ихъ составляютъ анализъ, критика, опроверженіе. Онъ устанавливаетъ извѣстныя положенія; но пользуется ими главнымъ образомъ лишь для того, чтобы отвергнуть существовавшія заблужденія и на мѣсто всѣхъ ихъ поставить свободу. Такимъ образомъ отрицательная философія прошлаго вѣка наложила на его воззрѣнія свою неизгладимую печать.

Прошло слишкомъ сто лѣтъ со времени появленія «Ислѣдованій о богатствѣ народовъ». Великія перемѣны совершились въ жизни европейскихъ народовъ. Миновала пора критики и разрушительной работы, столь характерной для XVIII вѣка. Настало время творчества, положительной, созидательной работы, въ стремленіяхъ къ которой мечется нашъ тревожный XIX вѣкъ. По крайней мѣрѣ такъ обстоятъ дѣла въ передовыхъ европейскихъ странахъ. Критика и разрушительныя работы расчистили почву и укрѣпили свободу. Свобода—необходимое условіе для какого бы то ни было благороднаго дѣла. Но необходимо же дѣлать это благородное дѣло; иначе нива свободы можетъ свободно порости чертополохомъ. Мы имѣемъ не мало свидѣтельствъ тому. Однако мыслители XVIII вѣка повидимому не думали такъ. Они вѣрили, что люди, предоставленные своимъ естественнымъ или, еще уже, матеріальнымъ влеченіямъ, устроятъ наилучшимъ образомъ свою жизнь. Вѣру эту раздѣляя съ ними и Смитъ. При этомъ, занявшись изученіемъ экономическихъ явленій, онъ обратилъ исключительное вниманіе на матеріальные интересы и стремленія людей. Онъ постарался даже забыть свою теорію симпатіи и обширнѣйшую сферу явленій общественныхъ подчинилъ одному началу личнаго матеріальнаго расчета. Дѣйствительность показала, что нива свободы, воздѣланная по указаніямъ личнаго матеріальнаго расчета, сильно поросла чертополохомъ. Политическая экономія будущаго не можетъ быть построена на столь узкомъ началѣ. Она приметъ во вниманіе всѣ мотивы, которыми руководятся люди въ своихъ экономическихъ, матеріальныхъ отношеніяхъ и на такомъ широкомъ основаніи воздвигнетъ новое, прочное зданіе.

Значитъ ли это, что трудъ Смита въ положительномъ смыслѣ не имѣетъ никакого значенія? Совсе нѣтъ. Во-первыхъ, «Ислѣдованія о богатствѣ народовъ» навсегда останутся образцомъ замѣчательно обстоятельной, точной, исчерпывающей (въ заранѣе указанныхъ авторомъ предѣлахъ) разработки цѣлаго ряда общественныхъ вопросовъ, а благодаря прекрасному, простому, ясному языку, что такъ рѣдко встрѣчается въ сочиненіяхъ по политиче-

ской экономіи, этотъ трудъ Смита вѣроятно долго еще будетъ считаться классическимъ произведеніемъ, изученіе котораго будетъ обязательнымъ для всякаго интересующагося экономическими вопросами. Во-вторыхъ, Смитовы «Исслѣдованія» заключаютъ въ себѣ немало цѣнныхъ элементовъ для построения новой системы политической экономіи, соответствующей современнымъ требованіямъ жизни и науки. «Въ своей спеціальной области,—говоритъ *Ингрэмъ*,—онъ не только разоблачилъ множество ошибокъ и предразсудковъ и очистилъ мѣсто для истины, но оставилъ намъ навсегда раціональный анализъ экономическихъ фактовъ и идей, мудрыя практическія указанія и свѣтлыя замѣчанія всякаго рода, которыми его трудъ такъ изобилуетъ».

Въ виду того, что книга Смита читается и будетъ несомнѣнно читаться еще многими поколѣніями просто какъ назидательное чтеніе, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь, въ заключеніе нашего очерка, мнѣнія о ней нѣкоторыхъ выдающихся писателей и ученыхъ.

Бокль, какъ извѣстно, чрезвычайно превозноситъ эту книгу и придаетъ ей непомерно большое значеніе. «Объ Адамѣ Смитѣ,—говоритъ онъ—можно сказать, не ожидая встрѣтить противорѣчія, что этотъ одинокій шотландецъ изданіемъ одной книги болѣе способствовалъ благосостоянію рода человеческого, чѣмъ соединенное искусство всѣхъ государственныхъ людей и законодателей, о которыхъ исторія сохранила достовѣрныя извѣстія». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Богатство народовъ»—важнѣйшая изъ когда-либо написанныхъ книгъ, какъ по массѣ самобытныхъ мыслей, которыя она содержитъ, такъ и по практическому ея вліянію». «Она представляетъ ширину взгляда, которая должна показаться смѣшной людямъ, неспособнымъ постигнуть ее». «Никогда одинъ человѣкъ не дѣлалъ столь великаго шага въ такомъ важномъ предметѣ и ни одно изъ дошедшихъ до насъ сочиненій не содержитъ такого множества оригинальныхъ возрѣній, которыя были новы въ свое время и подтвердились всѣмъ послѣдующимъ опытомъ».

По мнѣнію *Бэдждота* никакой продуктъ философскаго мышленія, за исключеніемъ можетъ быть нѣкоторыхъ богословскихъ системъ, которыя не могутъ идти и въ сравненіе, не оказалъ тысячной доли того вліянія, какое было произведено «Богатствомъ народовъ».

«Онъ былъ,—говоритъ *Тойнби* о Смитѣ—первый великій писатель въ данной области; онъ перенесъ политическую экономію

съ рынковъ и биржи въ кабинетъ ученаго; но ему приходилось ощупью отыскивать свой путь, и мы не должны рассчитывать встрѣтить въ его книгѣ строгую систему и точныя опредѣленія. Языкъ этой книги — пробный языкъ. Иногда Смитъ дѣлаетъ различія, о которыхъ онъ затѣмъ забываетъ, какъ это неизбѣжно и должно было быть, прежде чѣмъ не установилась терминологія политической экономіи путемъ безконечной полемики. Смитъ вовсе не обладалъ такой силой отвлеченнаго мышленія, какъ Рикардо. Его талантъ заключается въ обширности и пронизательности его наблюденій, въ его удивительной способности освѣщать развиваемую мысль. Мы изучаемъ его, такъ какъ въ его лицѣ, какъ въ лицѣ Платона, мы приходимъ въ соприкосновеніе съ великимъ оригинальнымъ умомъ, который учитъ насъ, какъ слѣдуетъ мыслить и дѣйствовать. Оригинальные люди всегда бываютъ нѣсколько безпорядочны, такъ какъ они ощупью отыскиваютъ свой путь».

«Каково бы ни было дальнѣйшее развитіе политической экономіи, — говоритъ *Роджерсъ*, — нельзя сомнѣваться, что послѣдующія поколѣнія экономическихъ реформаторовъ всегда будутъ относиться съ почетомъ къ шотландскому профессору, какъ къ самому знаменитому человѣку среди нихъ».

По мнѣнію *Каутца*, написавшаго извѣстную исторію политической экономіи, «Богатство народовъ» представляетъ одно изъ тѣхъ немногихъ могучихъ созданій человѣческаго ума, которыя, являясь лишь одинъ разъ втеченіи столѣтій, воплощаютъ въ себѣ духовное богатство цѣлыхъ поколѣній и служатъ путеводнымъ столбомъ въ ходѣ развитія человѣчества».

«Черезъ весь трудъ Смита, — говоритъ профессоръ *Чупровъ*, — проходитъ страстная любовь къ свободѣ и ненависть ко всякимъ стѣсненіямъ, которыя подъ разными предлогами налагаются на человѣка человекомъ. Онъ снабдилъ замѣчательными по ясности и несокрушимыми по силѣ аргументами ту оппозицію противъ государственной опеки и произвола, которая жила въ душѣ каждаго человѣка XVIII столѣтія». «Смитъ считалъ главною своею миссіею критику существовавшей до него правительственной системы. Но великую заслугу его составляетъ то, что онъ не ограничился одной работою разрушенія стараго обветшалаго зданія, а положилъ прочный фундаментъ для новой созидательной работы въ области мысли и жизни».

Такимъ образомъ никто повидимому не станетъ оспаривать, что «Исслѣдованія о богатствѣ народовъ» составляетъ дѣйствительное богатство народовъ.